

отжургой свое
СЕРДЦЕ

АПАНА АЛДАР КАТИ АЛЬБЕРОН

Бросил жених перед свадьбой? Самое время сходить в лес, проветрить там мозги, заблудиться, встретить маньяка-отшельника. Или это он только на словах маньяк? Загадочный, чертовски притягательный мужчина, в тумбочке которого хранится военник и документы об амнистии? Ясно, что нужно срочно бежать от него и ни в коем случае не забыть впопыхах свое сердце на той самой тумбочке. Что ж ты не в ту сторону бежишь, глупенькая девочка!

ПЕННИ

Свежий воздух наполнял, казалось, каждую клеточку тела. Пенни снова остановилась и закрыла глаза. "Как здесь хорошо!" Она делала остановки примерно каждые полчаса и просто наслаждалась лесом: слушала шелест листьев, вдыхала аромат влажной почвы и даже трогала руками деревья. Просто, чтобы потрогать. Просто, чтобы хоть чему-то восхититься. Последнее время она остро нуждалась в новых чувствах. Ей нужны были эмоции. Ежедневная суета наполняла Пенни тоской. Изо дня в день ей приходилось выполнять то, что нужно кому-то, не ей. Почему она это делала? Почему делала для всех, забывая на себя? Девушка поправила лямку рюкзака.

— Да пошло всё к черту! — крикнула она, пытаясь прогнать мысли из головы. Сейчас Пенни вложила весь свой гнев, злость и отвращение в эту фразу. Отвращение к себе за то, что не может перестать жалеть, не может прекратить этот долбаный самоанализ.

Она двигалась по лесу уже шесть часов. Девушка мечтала о привале — она иначе представляла себе этот поход, преодолев некоторое расстояние, она подумывала развернуться и пойти домой, пока еще дорога была видна и знакома. Так, она чуть не вернулась уже раза три, но каждый раз громко посылала всё к черту и двигалась дальше.

По собственной задумке Пенни, этот поход должен был освободить её от жалости к себе, от мрачных мыслей, вдохновить и наполнить душу светом. Она видела это в фильмах и часто представляла себя на месте главной героини — она уходит от проблем в прямом смысле: надевает рюкзак и идет бродить по лесам, горам или пустыне, а по возвращению у неё обязательно сложится всё чудесным образом — она сменит прическу, наконец закажет линзы, чтобы не щурить глаза и сменит работу. И тут вдруг в город приедет какой-то обаятельный мужчина, увидит отдохнувшую Пенни, непременно влюбится в её огонек в глазах и в эту обворожительную улыбку, она конечно ответит ему взаимностью и уйдут они вместе в закат. И подразумевается, что там, в закате, у них всё будет хорошо. И не будет больше этих осуждающих взглядов подруг, которые уже "в мои-то годы" имеют троих детей и любящих мужей.

Семья. Пенни грезила о семье. Она мечтала найти человека, с которым можно провести всю свою жизнь смеясь, ни о чем плохом не думая. Держать его за руку и прикасаться к сильному плечу. Ходить в кино и проводить много времени на свежем воздухе. Читать и обсуждать вместе книги. Вечерами она бы готовила ужин, а он читал бы ей новости из газеты и они бы вместе смеялись над какой-нибудь шуткой, а после ужина укутывались в плед и долго смотрели на звёзды.

От мечтаний Пенни отвлек накрапывающий дождь. Девушка вдруг поняла, что не понимает, где находится. "И как угораздило сойти с тропы?" В лесу было множество туристических троп, однако Пенни не могла найти ни одной, даже самой маленькой

тропинки. Легкая паника подкатывала к горлу. Дождь усиливался, а день стремительно заканчивался. Пребывая в своих мыслях Пенни потеряла счет времени и поняла, что заблудилась. Уйти в лес без дождевика было не только плохой приметой, но еще и признаком небольшого ума. Она снова начала ругать себя. К горлу подкатывал ком, на глаза навернулись слезы. Пенни рассчитывала, что к вечеру уже поставит палатку и даже успеет обосноваться в ней до дождя. Однако, дождь уже намочил её волосы и плечи. Девушка решила, что пора делать привал, хотя было боязно, ведь она не знала, в какой стороне тропа. Но выбор был не велик — искать тропу и промокнуть насквозь в темном лесу или сейчас же найти место и разбить палатку, всё равно промокнуть насквозь, но хотя бы иметь укрытие на ночь. Выбор был очевиден и она быстро начала распаковывать рюкзак.

Внезапно взгляд зацепился за какое-то движение слева. По спине Пенни, помимо дождя, побежали еще и мурашки. Она вдруг осознала, что находится совсем одна и очень далеко от дома. Снова движение. Там определенно был человек. Мужчина направлялся прямо к ней.

Алек

-“Очередная идиотка, как есть”, — даже не будучи шовинистом (разве что совсем немного), Алек давно уж перестал романтизировать женские образы. Они скорее все казались ему больше бестолковой Карениной или ветренной Ростовой, чем, например, глубоко нравственной Марией. Русскую классику ему, тогда еще капитану ВВС, подсунул один из контрактников объединенных миротворческих, встреченный в горевших песках Кувейта. Так себе местечко. Большую часть времени там хотелось удавиться, напихав в глотку как можно больше проклятущего этого песка. Книги стали убежищем и капитан Лестер грешил, бывало, против сна, лишь бы забыться, заглушить буквами собственные часто сажевые мысли. С тех пор вот подсел. Читал выборочно, но стабильно: чем еще занять себя в глуши без ящика бурбона или ящика с новостями. Ни того, ни другого в доме не водилось, как и ноутбука. Так что книги, как и в былые, не менее темные, но куда более беспокойные времена, стали неплохими сотоварищами. Все так же справлялись они с главной задачей: отвлечь и заглушить мысли в голове.

“Как есть из новомодных”, — хоть маячившая на горизонте гибели мокрая курица с трудом тянула на тонкокостную фитнес-диву, Лестер предполагал, что дурости пойти в леса непротаренной тропой хватит либо у закоренелой блондинки на попечении богатого борова с давно заржавевшим механизмом, но стояком самомнения, либо у блоггерши (так они, кажется, нынче зовутся?), готовой на все ради пары сногшибательных кадров, желательно из той локации, где не ступала нога человека разумного. Потому, кстати, и не ступала — разум не позволял.

Стоило бы вот так и оставить ее на попечение небогатого арсенала извилин, но прошлый Алек, ответственный за судьбы десятков людей, все еще жил под замшелой броней нелюдимого одиночки Лестера. И этот надоедливый альтруист (как упокоить-то его в себе наконец?) в очередной раз шел на штыки голым задом. Потому как проблемами от дамы этой, размытой ветками хвойных, фонило на добрую сотню миль. С другой стороны, свинство чистой воды бросить ее вот так, потерянную и стучащую зубами от смеси холода и тихого ужаса. Его считали мудаком, ублюдком и сукиным сыном, но он не был ни одним из них, даже второсортной сволочью и банальным обывательским козлиной не был. Так что, чертыхнувшись, бодро чавкал армейскими своими берцами по вязкой жиже лесного перегноя. Ну и времечко выбрала для своих походов эта несурзная мадам.

— Не лучшее время для прогулки, мисс, — “и не лучшая фраза для начала спасательной операции”. Представив себя со стороны, Лестер отметил, что выглядит классическим Хичкоковским маньяком. Как раз потому, что погода не прогулочная и встретить в такой глуши в грядущую бурю небритого уже с пару месяцев мужика, обычно не к добру. Особенно, если ты хрупкая одинокая девушка. — Расслабьтесь, грабить и насиловать не буду, даже если станете настаивать, — улыбаться даже не пытался. За последние годы мышцы лица атрофировались и полученным оскалом можно разве что волков пугать. Ободряющего в этом зрелище не было ровным счетом ничего, кроме призрачной надежды, что тремор носогубных мышц — признак подступающей эпилепсии и маньяка трахнет удар до того, как он попытается трахнуть свою жертву топором.

— На пять миль кругом здесь ни домов, ни машин. Трасса далеко, ближайший туристический лагерь пять часов к северу, но там переправа и в дождь это самоубийство чистой воды. — А помирать она здесь не собиралась. Хотя бы потому, что жаждущая самоубиться, не слишком обычно огорчается встрече с маньяком. Как известно, всегда радостно, если кто-то делает всю грязную работу за тебя. А так ты еще не только не “дура, с жиру бесившаяся”, а даже “бедняжка, упокой Господь ее душу”. Одни плюсы, словом.

Во внешнем виде туристки (ну, не тянула эта замученная фигурка на богиню ютуба, хоть убей), облегчения от теоретического свидания с маньяком и скорой смертью не читалось. Алек даже порадовался: всегда приятно ошибиться чужим интеллектуальным потенциалом в меньшую сторону. Не безнадежная идиотка, значит. Жить все-таки хочет. Лестер презирал самоубийц. Он видел на своем веку столько смертей, что сам, оказавшись на краю пропасти, предпочел жить. Худо-бедно, почти бесцветно, но жить, а не разнести многострадальный свой череп, глотнув дуло потертого колыта.

— Я живу недалеко. Гостей не люблю, но ни у вас, ни у меня нет особого выбора. Если я вас здесь оставлю ночевать — заест совесть. Вас, скорее всего, тоже кто-то заест. Какой-нибудь голодный волк, например. Идемте, — он даже почти по джентельменски протянул руку, чтобы помочь с преодолением бугристого и скользкого корня старого английского дуба, но спасаемая не торопилась воспользоваться поистине щедрым его предложением. — Я не отличаюсь терпением. Считаю до десяти и моя совесть чиста. Упрашивать упрямых дурах не самоубиться не входит в мои планы на вечер.

Пенни

Казалось, вокруг всё замерло. Как и сердце у Пенни. Она смотрела на человека перед собой и не могла заставить себя открыть рот, чтобы что-то ответить. По лицу стекали капли дождя. Девушка вдруг подумала, как она, должно быть, глупо выглядит в глазах незнакомца: ночью, промокшая, потерянная, в кроссовках, в конце-то концов!

Оглядевшись, Пенни поняла, что даже если громко кричать, никто не придет, никто просто не услышит. И незнакомец был прав — кругом ни души. Кричать — только силы тратить. Только вот девушка и не представляла себе, куда, кроме крика, она могла сейчас потратить силы? Побегать? Во-первых, она не знает куда. Во-вторых, мужчина был в куда лучшей обуви для пробежек по лесу. В-третьих, она даже языком не могла пошевелить от страха, чего уж говорить о ногах.

Пенни всегда терялась перед мужчинами. Она боялась незнакомцев и сейчас она бы с большим удовольствием провалилась сквозь землю, нежели стала бы общаться с угрожающего вида мужчиной. Она вспомнила, что в книгах и фильмах всяческие маньяки всегда предупреждают своих жертв, что насиловать не будут. Пенни от страха почти не

чувствовала ног. Она даже не пыталась скрыть свой страх. “О чем ты только думала, когда выперлась в лес одна?!” — девушка снова начала ругать себя, судорожно вспоминая, взяла ли она перцовый баллончик.

Тем временем незнакомец предложил пойти с ним, и даже руку протянул.

“Раз” — она мысленно повторяла за ним. Из-за дождя черты его лица размывались, но что было четко видно — это отсутствие улыбки. Мужчина был недоволен. Ну конечно, встретить мокрую мышь среди леса куда приятнее, чем наткнуться на продрогшую, испуганную несчастную девушку на свою голову.

“Два”. Мысли Пенни бегали, словно тараканы от света. Она то и дело представляла себе разные сценарии продолжения этой встречи. “А если он всё же маньяк? Серийный убийца?” Она уже было начала представлять, как её обнаженное худенькое тельце находят поисковые собаки где-то под листвой...

“Три” — было заметно, как мужчина с каждым счетом раздражался. В это время Пенни уже представляла другой исход — за твердыми чертами лица на самом деле скрывается романтик с теплыми, сильными руками и нежными губами. Когда он только увидел Пенни, сразу безнадежно влюбился. От этой мысли Пенни чуть не расхохоталась. “Ага, влюбился... Изнасилует и убьет где-нибудь по дороге — куда более реальный вариант”.

“Четыре”. Пенни всё еще разглядывала мужчину. Да, он явно походил на человека с не самыми благими намерениями на её счет. Она поняла что держит в руках какую-то тоненькую ветку. Ветка точно не была предназначена для защиты. Девушка поймала себя на том, что отдирала с неё тонкую кожицу... Её осенило — “Он что-то говорил про волка?”

На пятый счет девушка резко схватила мужчину за руку, которую он всё это время протягивал ей. Умереть от рук незнакомца показалось ей лучшей перспективой, нежели от пасти голодного волка. Перебравшись через корень, растерянная Пенни встала напротив мужчины.

— П-п-пенелоп-п-па Льюис. Пенни. — Выпалила девушка. Она не нашла ничего лучше чем представиться. Даже руку протянула. До этого момента девушка и не замечала, как её трясет — протянутая рука предательски дрожала... Однако, незнакомец лишь усмехнулся, легко закинул себе на плечи её, казалось, громадный рюкзак и пошел.

Девушка молча двинулась за ним. Незнакомец уверенно шел через лес, будто знал каждое дерево. В своих сапогах он ловко преодолевал торчащие из земли корни. Пенни периодически приходилось переходить на бег, она то и дело всхлипывала и впервые за всё время была благодарна дождю — капли дождя было не отличить от слез. Пенни успокаивала себя тем, что маньяки не носят рюкзаки своих жертв, а сразу приступают к делу, потому почти смирилась с благими намерениями незнакомца. Сейчас её переполняла обида. Она провалила собственный план: сошла с дорожки, заблудилась и не установила палатку вовремя, напрочь забыла про голодных волков, а перцовый баллончик лежал в рюкзаке, который, в свою очередь, сейчас благополучно висел на спине незнакомца.

Обида накрывала Пенни с головой, она остро ощущала свою беспомощность. Девушка всю свою жизнь хотела, чтобы о ней кто-то заботился, хотела поддержки, мужской поддержки, и вот, среди леса ей встречается какой-то бородатый мужик в сапогах и ведет её в свой дом в лесу! Казалось бы — вот тебе мужик, вот тебе поддержка и забота! Чего реветь?

Пенни судорожно всхлипнула.

Алек

Дрожит, как осиновый лист, — наметанный глаз человека, чья жизнь зависит от умения

подмечать детали, легко выхватил в темноте тремор бледных пальцев. Недлинных, довольно изящных. Такими бы поглаживать черно-белые клавиши, прикрыв глаза, склонившись к роскошному роялю. Куда ей? От роскоши и музыки она казалась такой же далекой, как Лестер от нормальной жизни. Роскошная леди не месит чернозем в суровых лесах. Изнеженные жизнью и обласканные папиками тычат свежим маникюром в яблочные девайсы, путешествуя исключительно на яхтах и в лимузинах. Точно не в грязных кроссовках по бездорожью.

Кроссовки! Это ж надо было догадаться. Хорошо хоть не на шпильках приперлась. Недавняя радость по поводу возможно имевшихся зачатков интеллекта под этой обвисшей мокрой паклей поутихла. Нет, адекватная девушка с примесью здравого смысла в вате романтических наклонностей не попрется в леса без резиновых сапог. Нормальная-то вообще одна в леса не пойдет, разве что под дулом ружья. Конвоиров окрест не значилось. Вывод напрашивался сам собой.

Он уже собирался свалить, потому как дождевик не являлся абсолютной защитой от дождя и ветра. Холодно, черти дери, как у дьявола в гостях! Не самое время ломаться и строить из себя впечатлительную натуру в шаге от глубокого обморока. Алек терял терпение, а нерешительная мадам шанс на спасение. На задворках своей одичалой натуры Лестер даже порадовался, что вынужденного знакомства не состоится, но туристка одумалась и так рьяно схватилась за протянутую руку, что только годы тренировок и военная выправка помогли устоять на ногах, не растянувшись рожей у грязных мысков ее теперь уже безнадежно убитых кроссов.

Алек отметил неуклюжесть движений при форсировании дубового корня. Не спортсменка уж точно. Значит, вариант горделивой туристки, что собралась в одиночку отработать новый маршрут, отпадал. Что в таком случае это особа забыла ночью в лесной глуши? Правильно говорят, что Бог создал баб с одной лишь целью, чтоб нормальным людям жизнь раем не казалась.

Пенни, значит, — Алек хмыкнул. Медная монетка. Пожалуй, вполне подходящее имя для неброской этой особы. Хрупкой и перепуганной. Алек вспомнил прутик, замусоленный задумчивым волнением пальцев и в глазах отразилась насмешка — редкая гостья в последние годы. Розгами ему уже столько лет не грозили, что даже ностальгия взяла. Посмотрел бы, как она станет защищаться от крупного мужика этим подручным средством. Таким комаров-то и тех не распугаешь.

— Сделаю вид, что заикаетесь вы от холода, — не жалея чужой гордости, хмыкнул провожатый, решив, что официальное представление можно отложить. Если повезет, то вообще обойтись без знакомства, найдя способ переждать ночь до возможности выпихнуть эту любительницу уединения покорять дикость здешних мест дальше. О том, что к утру дождь может не закончиться, Алек предпочитал не думать. — Хватит дрожать, сказал же, что мысль воспользоваться вашим перепачканным и оледенелым телом не слишком заманчива. Можете считать меня крайне разборчивым маньяком.

Они даже успели пройти шагов двадцать без нытья об усталости и попытках залезть на шею. Лестер до сих пор верил, что иначе дамы жить попросту не умеют. А потом началось. Еще через дюжину шагов мужчина не выдержал и, резко остановившись, развернулся к шедшей след в след девушке:

Прекращай рыдать, без тебя льет, как в Ноев потоп! — Его не то что слезы женские — вообще даже факт наличия людей рядом раздражал, а уж при такой погоде — грех быть

добрым самаритянином. Святой и тот бы скурвился. — Еще хоть раз всхлипнешь — доступности ради Лестер даже резко перешел к тыкающей фамильярности, чтоб формальность не расценили ненароком вежливостью или, что еще хуже, мягкостью характера, — оставлю здесь. Волки до жути любят повить, будет тебе хор с оркестром. — Как раз в подтверждение обещания гроыхнуло так, что впору в штаны наложить с непривычки. — Сказал же — убивать не буду, насиловать тоже. Или ты как раз от огорчения рыдать собралась? — Обычно, если женщину разозлить, то про слезы она забывает моментально. Просто непостижимая трансформация от безобидного ягненка в машину для убийств с генно-модифицированной быстротой реакции и желанием уничтожать все вокруг. На это Алек и рассчитывал. Пусть, наконец, поймет, что свалилась под ноги не прекрасному принцу. Может, тогда возьмет уже себя в руки, осознав, что никто другой этого делать не станет. Тащить на себе нелегкую эту ношу, с трудом выковыривая сапоги из чавкавшего нутра мшистого полеска, удовольствие во всех отношениях сомнительное. Небо подсветило вспышкой молнии, на бледном, мокром от дождя и слез лице проступил ужас. Лестеру даже на мгновение стало паршиво от мысли, каким козлом его сделала жизнь. Раньше ж таким не был, вроде. Или забылось просто?

Идем уже. — Вздохнув, как обреченный на каторгу, Лестер обхватил холоднящее ее запястье и потащил за собой. Хотелось уже снять противно липкую, промерзшую одежду и вытянуть у огня озябшие ноги. Так и окочуриться недолго за нравочениями и попыткой побыть хорошим парнем. Слава всем богам этого мира, что домой идти осталось всего минут пятнадцать. Причем, весь остаток пути без нервотрепки и нытья. То ли метод кнута сработал, то ли гордость пробудилась — хрен их баб разберешь.

Алек снял засов и толкнул ногой дверь. На ключ не запирал никогда — от кого здесь закрываться? А вот зверь мог влезть. Бросив сумку туристки прямо у двери, мужчина скинул тут же свой дождевик, сапоги и даже свитер, продолжив на ходу избавляться от мокрой одежды, молча пошел вглубь дома, желая поскорее разжечь камин и согреться-таки.

Когда рыжие языки пламени весело заплясали над поленьями, а на самом Алеке ничего, кроме штанов не осталось, Лестер обернулся:

— Так и будешь там стоять? Раздевайся, сейчас принесу тебе что-то сухое переодеться. — И ушел, предоставив ее компании насмешливо потрескивающего огня.

Пенни

Льюис и раньше выходила в лес одна, но обычно трусила заходить дальше двух миль — через пару часов ходьбы делала привал, отдыхала, наслаждалась спокойствием и возвращалась обратно — в суету, работу и одинокие вечера, которые чаще всего проводила за чтением книг.

Сейчас Пенни готова была отдать остаток жизни черту, лишь бы вернуться домой и снять с себя промокшие кроссовки.

Незнакомец уже в третий раз заверил, что маньяком не является. Можно подумать, это кого-то успокаивало! Пенни стиснула зубы и поджала нижнюю губу. Мужик явно не шутил и мог оставить её здесь. Хотя, во вспышке молний его лицо выглядело скорее уставшим, чем злым и недоброжелательным, Льюис решила, что не стоит выводить его из себя — вытерла слезы, насколько это позволил вымокший рукав, поправила куртку и выдохнула:

— Прости, такого больше не повторится — девушка даже сделала пару шагов ни разу притом не споткнувшись. Но, видимо, перестраховки ради, мужчина взял её за руку. От прикосновения перехватило дух, стало как-то не по себе. Однако, Пенни не чувствовала

неприязни, скорее даже наоборот, ей стало уютнее — некое спокойствие разливалось по руке от его горячих пальцев. Давно забытые ощущения...

В самый обыкновенный день, Пенни одернула бы руку.

Поёжившись от воспоминаний, она принялась разглядывать дорогу перед собой, изо всех сил стараясь не упасть, “Ты будешь для него еще большей обузой, если упадешь и подвернешь ногу, Льюис”. Ей показалось, будто они идут по уже протоптанному дорожке, возможно уже приближались к дому незнакомца.

Скоро среди деревьев появился небольшой деревянный домик. В освещении молний он показался девушке невзрачным и каким-то угрюмым. “Как и его хозяин”

Мужчина толчком открыл дверь. “Без ключа? Да и правда, от кого скрываться в такой глуши? Хотя, от своих мыслей никуда не деться — ни запереться, ни скрыться”. Пенни на миг прониклась к мужчине. Ей стало жаль человека, который настолько абстрагировался от людей и общения — неужели он носит свои переживания в себе? “Может, у него и переживаний никаких нет, счастливый человек может” Пенни про себя усмехнулась и неуверенно прошла за мужчиной, закрыв за собой дверь.

В доме пахло деревом, сыростью и чем-то сладковатым...

Внутри было довольно уютно. Даже и в голове не укладывалось, что такой невзрачный дом может быть уютным. Камин вспыхнул приятным, согревающим светом. Теперь Льюис могла бы рассмотреть все уголки дома. Но, то что она увидела сразу как разгорелся камин, заставило её застыть на месте.

Она таращилась на полуголою мужчину раскрыв рот от удивления. Хозяин дома стоял перед ней в одних джинсах. “Красив и обаятелен” — сглотнула Пенни и почувствовала запах горящих поленьев из камина... Это привело девушку в чувство и она опустила глаза, с ужасом обнаружив, что выглядит не лучше соседской собаки после прогулки — грязь клочками налипла на кроссовки и обувь. Льюис снова закатила глаза — как же она, должно быть, нелепо выглядит! Девушка попыталась очистить хотя бы штаны от грязи, но получилось только размазать — “Прекрасно!”

— Так и будешь там стоять? Раздевайся, сейчас принесу тебе что-то сухое переодеться.

— резкий голос мужчины заставил её вздрогнуть. Мокрая одежда неприятно прилипла к телу. Действительно, хотелось стянуть с себя всё и переодеться в сухое. Она с сожалением посмотрела на свой рюкзак, вздохнула и сняла кроссовки и носки. Деревянный пол тихо поскрипывал, пока она шла к камину. Тепло окутало её лицо и Пенни закрыла глаза от наслаждения. Она простояла так некоторое время, пока не услышала шаги возвращающегося незнакомца. Принимая одежду из его рук Пенни задела рукой его пальцы. “Черт! Надеюсь, он понимает, что я не специально!”

— Спасибо. Ты очень добр. Куда мне можно... — Льюис не закончила. Её вдруг осенило, что она до сих пор не знает, как зовут мужчину. — Прости, я всё еще не знаю твоего имени...

АЛЕК

Женской одежды в доме не водилось. В основном потому, что и дам не водилось тоже. Привычки тащить в дом кого не попадя Алек так и не завел, хоть уже и считался человеком холостым, имевшим полное право иметь. Кого желает и когда желает. И хоть желания иногда возникали (чего греха таить), однако, никогда не шли дальше свидания на чужой территории.

Аккуратные стопки (громко сказано про три рубашки и два свитера) пережитками

армейской муштры давили на почти лысые полки шкафа. Ей, конечно, все длинно и велико, но других вариантов не было. Едва ли плаксивая эта мышка решится ходить голышом прямо перед глазами потенциального маньяка. Дураком Лестер не был, видел же прекрасно все оттенки ужаса и надежды в огромных, зареванных ее глазах. Даже смешно, в самом деле. Зачем бы маньяку тащить жертву в дом? Поближе к разоблачению? Логичнее мастерски расчленив прямо там, поближе к волкам и “несчастливым случаям”. Если маньяк не каннибал, конечно. В такой-то глуши и по мерзости погоды чем только не станешь питаться. С другой же стороны, в непролазных местных лесах каннибал уже бы двинул кони. Гадая, что жрут каннибалы в суровые времена и умеют ли они, бедняги, консервировать жрачку на черный день, Лестер спустился вниз вместе со своей добычей. Улов на троечку: флисовые брюки от пижамы и теплая рубашка.

— Там есть завязки на талии. Остальное закатаешь, — хочется верить, что с этим она как-то сама справится. А если нет — пусть ходит голая, Боги с ней. Едва ли ему так осточертеет чужая голая задница, чтобы еще и штаны кому-то подвязывать. В няньки не нанимался.

Размяв плечи под трескотню огня, Лестер дал даме шанс уединиться в гостиной, отправившись в огороженную стеллажом кухню. Здесь еще с обеда оставалась пшенка и консервы. Те самые, что людоеды предположительно не умеют готовить.

— Как думаешь, каннибалы варят тушенку? — не самый, наверное, удачный вопрос для поддержания беседы с выловленной в лесу туристкой, но Лестер так давно не развлекал гостей болтовней, что растерял навык. Зачем вообще было ее развлекать? Может пусть сидит тихонько в углу до утра и удачной возможности сплавить внезапную эту обузу в направлении цивилизации?

— Переделась — иди сюда, голодная небось, — правильно говорят, породу ничем не вытравишь. Алек был приучен заботиться о младших, женщинах и тех, кто сам о себе не может. Отвечать за других — дело привычное и естественное, пусть добром ему и не вышло. Вот и теперь. А завтра она вернется в город и заявит, что ее тут изнасиловали три раза. Не верил отшельник Лестер в людей, а в женщин и подавно. Впрочем, отсутствие веры не сказалось на решимости погреть организм самым естественным образом — закинуть в желудок углей. И девчонку тоже надо заставить поесть. Даже если у нее там фигура, веганство и прочие модные заморочки. А то еще завтра устроит ему аттракцион “вылечи меня”. Только этого не хватало.

— Ешь, — на деревянном, довольно грубом столе без скатерти и прочей дребедени, сиротливо ожидали своего часа две порции каши с тушенкой. Не королевский ужин, так и не хоромы кругом, поди. Не дожидаясь дамы, Алек первым принялся за еду.

Голодный был, пол дня по лесам бродил, снимал силки незадачливых охотников, что б им в такую же вот дождину три дня пешком по бездорожью шагать без привалов.

— Алеком можешь звать, — налив в кружку с отбитой ручкой чая, Лестер хмуро оглядел Пенни в одежде с чужого плеча. Смотрелась забавно и так растерянно, что даже злость поубавилась. Мало что ли дурех на свете, на всех не набесишься. — Шоколада нет, сладостей тоже.

ПЕННИ

Одежда пахла чистотой. Льюис почувствовала приятное расслабление. Незнакомец всё меньше походил на маньяка и, тем более, на каннибала, с которым себя всё чаще сравнивал. Пенни казалось, что он и сам нервничал не хуже неё, странно шутил... Или не шутил? В

любом случае, сейчас она не ощущала никакой неприязни к нему.

Девушка выдохнула и направилась туда, куда ушел мужчина. Закутком за стеллажом оказалась кухня. Мужчина подвинул к ней тарелку, которая громко прогремела по деревянному столу. Еда походила на ту, что дают в солдатской столовой — каша и тушенка. Пенни сначала замешкалась, но вдруг ощутив ужасный голод почти бросилась на еду. Горячая еда согревала желудок и туманила мозг. Ещё бы — в лесу она так промокла и замерзла!

“Алек” Мысленно девушка проговаривала его имя и украдкой поглядывала на хозяина дома.

Пенни наконец решилась начать разговор:

— Я понимаю, что я нежеланный гость... — она замешкалась, — Уйду завтра, как только станет светло.

Пенни взглянула на свой вымокший рюкзак. “Да... лишь бы дождь закончился”

— Правда, кажется, я заблудилась. Буду признательна, Алек, — девушка опустила глаза, — если покажешь дорогу к большой тропе. — она вычерчивала круги ложкой в тарелке с кашей.

Льюис заметила раскрытую книгу с какими-то пометками. “Интересно, о чем он читает?” Она перевела взгляд с книги на лицо Алека, будто в поисках ответа: его волосы были растрепаны, но не выглядели небрежно, а скорее, такая прическа только добавляла ему брутальности. Хотя, куда еще брутальнее с такой-то бородой? Она разглядывала его скулы и нос, брови и лоб — морщинки между бровями делали его лицо хмурым. Пенни поймала себя на том, что уже откровенно пялится на мужчину, поэтому взглянуть в его глаза она так и не решилась. Она доела остатки еды и расслабленно откинулась на спинку стула.

— Спасибо за сытный и согревающий ужин, — Пенни улыбнулась, — получилось довольно вкусно.

Она рассматривала дом с удивлением: здесь было как минимум две комнаты. Место где они сидели было огорожено большим стеллажом с книгами. Некоторые из книг выглядели весьма потрепанными. “Возможно, его любимые” — девушка вспомнила свою зашерканную книгу и лицо Джерри, когда тот дарил ей этот чудесный роман в новой мягкой обложке, с хрустящими страницами...

Её взгляд устремился в окно — дождь и не думал прекращаться. Периодически лес освещали молнии и вдалеке всё ещё слышались раскаты грома. “Даже в такой глуши мне не отделаться от воспоминаний” — Льюис почему-то представила, как она бодро шагала по лесу вначале и кричала во всё горло ругательства и улыбнулась, но тут же с тоской посмотрела на рюкзак — скорее всего, книга промокла, как и вся её одежда. И, по-хорошему, надо бы всё достать и просушить, но девушке было так жутко уютно, что даже двигаться не хотелось.

— Шоколад... Нет, я не люблю сладости. Но “Шоколад” люблю. Перечитывать. Это моя любимая книга. — Пенни мягко улыбнулась и повела плечами.

— Как-то здесь прибрано, — она хихикнула, — давно ты здесь живешь... один? У маньяков из моих нелюбимых книг и фильмов всегда бардак. — Льюис почувствовала некий задор — ей стало интересно, удастся ли заставить нового знакомого улыбнуться?

Алек

Много ты понимаешь, девочка”, — взгляд, насмешливо-сомневающийся, прошёлся по госте. Одежда с чужого (его!) плеча смотрелась мешковато, от того хрупкое это создание

казалось ещё большим ребенком. Студенткой первых курсов — не более. Не то серые, не то зелёные глаза, пугливо-обиженные, как бывает у котенка, наступи ему хозяин ненароком на хвост. Мокрые ещё волосы, бледная кожа — бродячая кошка не иначе.

А все туда же. Понимает она!

Понимающих Алек вообще не жаловал. Вся эта гвардия психологов, терапевтов и прочих сострадателей, лучше тебя знающих, что ты хочешь, как тебе быть и где у тебя проблемы. И женщины. Пониматели высшего уровня. Ничерта не смыслят, но так и рвутся раскромсать тебе грудину скальпелем любопытства.

— Далеко пойдешь? — вполне искренне полюбопытствовал Лестер. Еды на его тарелке почти не осталось, в отличие от гостыи он привык не размазывать кашу, а есть ее. Как известно, если не успел, то рискуешь сдохнуть голодным, что так себе удовольствие, между прочим.

— После такого ливня развезет все тропы. Ты свои брендовые кроссовки после первого же шага оставишь трясине. Леший будет рад, — после сильного дождя дороги тут были ни к черту. Алек обычно брал с собой палку, чтоб иметь шанс не растерять обувь по пути следования. Причем, он-то дураком не был, выбирал берцы или резиновые сапоги из арсенала охотников да рыболовов. В кроссовках тут только грязь зачерпывать и пяткой хлюпать в этой жиже.

Ещё интереснее, в какую сторону она такая самостоятельная пойдет. Потому как прошлый ее курс лежал прямоком к самоубийству. Впереди ждало либо озеро, либо скалистый обрыв. Она, конечно, об этом даже не подозревала и тут же призналась в том под насмешливым его взглядом. Забавная, говорит, как будто заснула в прошлом веке, очнулась в этом и ещё не набралась модных словечек.

— Посмотрим, — уклончивый ответ мог показаться грубым, но Алек хорошо знал местные ненастья. Могло и на неделю зарядить ливнем, что даже нос на улицу противно высовывать. Ещё не ясно "посветлеет" ли завтра, может, только хуже станет.

— Понравилось значит, — губы растянулись в усмешке. О еде ли он переспросил? Или... Девчонка так откровенно сверлила его рожу взглядом, что даже слепой бы почувствовал. Алек не мешал — пусть себе смотрит. Вряд ли узнает в нем того, кого узнать не должна, а на остальное плевать.

— На здоровье, — а то вон как напряглась, будто пойманная с рукой в чужом кармане.

— Не смей заболеть, кстати. Ничего, кроме водки и аспирина нет. Доктора далеко, до аптеки 40 минут езды, — достаточно мрачно, чтобы она завтра не слегла с соплями и кашлем? Ещё только нянькой работать не хватало. Алек уже позабыл, как это заботиться о других.

— Я, знаешь ли, гостей не ждал. Обычно стараюсь, хоть пару стульев сломать, руки отрубленные в холодильник припрятать. Не успел, как видишь, — лицо его было спокойным и бесстрастным, таким, что нельзя сказать точно: издевается или правда. — Я бы на твоём месте не верил книжкам про маньяков. Вероятнее всего, большинство этих писак никогда живого убийцу и насильника в глаза не видели. Так что их осведомленность вызывает определенные сомнения. — Это как хвастаться, что ходил в поход, выйдя на речку в ста метрах от дома.

— Чай будешь? — в доме только и имелось, что чай, да водка. Ну, и аспирин, конечно. За время житья в горах, Лестер пристрастился к травяным напиткам. Они хорошо согревали и наполняли кухню приятным ароматом. А ещё после них обычно не болела по утру голова.

Словом, выигрывали перед выпивкой по большинству пунктов. В том числе по цене за унцию. Кинув прямо в кружку несколько сухих листьев дикой мяты (пучки трав висели прямо над столешницей, растянутые на верёвке от шкафа до шкафа), Алек залил ее водой и комната тут же наполнилась ароматом луга.

— Шоколад не ем и не читаю. А книги вообще бутафория, так что не записывай меня в интеллектуалы. Маньяки этим не болеют, — хотя знал он психов с редкой любовью к литературе. Впрочем, девчонке этого лучше не знать.

За окном громыхнуло, раскроило небо вспышкой и дом погрузился в ночь. Свет потух, оставив только длинные тени от пламени и трескотню камина. Алек выругался, шаря в выдвижном ящике в поисках свечей. С генератором такое случалось. По хорошему его давно пора менять, но столько мороки, что Лестер вечно откладывал на потом, так что свечи лежали про запас. Самые обычные, толстые из белого парафина. Некоторые поеденные уже черной кромкой прошлого. Прямо как он сам.

— Не бойся, дрова есть, без огня и света не останемся, — чиркнула спичка и бодрый язычок пламени заплясал над вентиляем. Алек достал блюдо и приладил свечу в центр стола. Подсвечников и прочей дамской дребедени дома не имелось.

— Вернешься домой будешь рассказывать подружкам, какой смелой девочкой была. Пила при свечах в гостях у людоеда и, обхитрив его, даже вернулась домой целой и невредимой. — Или продадите на меня в суд за домогательства, — мысленно добавил он, — "От вас — баб — что угодно ожидать и все равно не угадаешь".

Пенни

Девушка сама не ожидала, но закатилась в почти истерическом смехе. Что на неё так подействовало? Усталость, резкое погружение во тьму, то, как рисуется мужчина, называя себя каннибалом, или всё сразу? В любом случае, некоторое время она не могла остановиться, хохотала под недоумевающим взглядом мужчины.

— Прости, не думай, что я сумасшедшая... — Пенни снова прыснула, прикрывая ладонью рот, — Хотя, нет, думай! А представляешь, как смешно будет моим подружкам, если учесть, что от людоеда убежала сумасшедшая?! — капля горячего воска капнула на руку, это произвело отрезвляющий эффект и Пенни резко замолчала. Она виновато подняла глаза на хозяина дома, тот стоял перед ней и протягивал свечу. Пока она тут веселилась, Алек зажег свечи.

— Ооо, ты серьезно? — Льюис осторожно перешла на маленький диванчик, уютно расположенный рядом с камином. Свечу она определила в кружку, из которой только что пила травяной чай. "Боже, надеюсь, он такого пойла больше не предложит". Девушка ухмыльнулась, понадевшись, что мужчина не разглядит ухмылку в темноте, а то ведь и впрямь сочтет съехавшей.

Пенни совсем не ощущала себя больной. Наоборот — ей было весело, в конце концов, она шла в лес, чтобы разобраться в себе и отвлечься от рутины. И это почти удалось. Осталось в себе разобраться. И даже если этот хмурый мужик окажется серийным убийцей и разделается с ней самым жестоким образом, то вообще-то, кроме родителей её никто и не потеряет. От этой мысли ей стало грустно. Кажется, совсем недавно она представляла себя в свадебном платье и в мечтах переехала в новый дом вместе со своим уже бывшим возлюбленным. Она была нужна ему, а он, кажется, души в ней не чаял. Их отношения выглядели очень перспективными, пока однажды Пенни не застучала его в постели со своей же коллегой. "Банальность!" Девушка скрестила руки и буквально вжалась в диван.

Мужчина, тем временем, проследовал по камину и уселся прямо на пол перед ним. Теперь Льюис могла разглядеть его в профиль. Пламя освещало его торс. Взгляд девушки скользил по его телу — от шеи до талии. Она снова пялилась на него, разглядывая его сильные руки и в глубине души была рада, что генератор вышел из строя, так хотя бы её взгляд был не слишком заметен. А руки действительно выглядели... “эмм... мощными!” Будто Алек только и делал целыми днями, что отжимался. Да и чем еще заняться в этой глуши? Почему он вообще выбрал такое жилище? Почему изолировался от общества? Саму себя Пенни не считала слишком общительной, ей больше нравилось сидеть в комнате, уткнувшись в книгу. Однако, её нельзя было назвать и отшельником — работала она с людьми, редко, но всё же встречалась с друзьями... Но она-то понимала почему предпочитала одиночество. А теперь ей жутко хотелось узнать Алека и его одиночество, а точнее то, что заставило такого мужчину укрыться от всех в лесу.

Пожалуй, он и правда походил бы на маньяка, если бы не болтал об этом столько. Пенни вспомнила, как испугалась, когда впервые увидела его в лесу — сейчас от того страха и следа не осталось. Это напомнило ей историю о чудовище, который заперся в своем замке... Но тут, конечно, не замок. Да и она — не сказать, что красавица. А от хэппи-энда сжимался желудок — в последнее время она предпочитала истории с менее счастливым концом. Может, поэтому её не слишком-то и смущал тот факт, что мужчина то и дело назывался маньяком? С маньяками хэппи-эндов не бывает.

Пенни вдруг охватило какое-то неопределенное чувство к мужчине, сидевшему перед ней. Она то ли хотела его утешить “но не выглядит он расстроенным!”, то ли обнять “совсем с ума сошла!”, то ли и вовсе накричать на него и убежать “вот это уже куда ни шло, если б не дождь”... Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы вновь не рассмеяться. Она подумала о судьбе. Ну, кто ж знает, может её судьба умереть от рук маньяка-каннибала? А может, ЕГО судьба — повстречать Пенни. Последнее опять навело на нее мысли о счастливом конце.

— Почему ты хочешь, чтобы я тебя боялась? — Девушка прервала тишину. Она хотела подсесть к мужчине ближе, чтобы расшевелить его на “поболтать”. Но мужчина и бровью не повел. — Пока ты скорее забавный, чем страшный. — Пенни тут же пожалела о своих словах, неужели, она сказала это вслух?...

Алек

.-Я постараюсь, — совершенно спокойно признал Алек, хотя реакция гостя на невинную вполне фразу оказалась мягко говоря неожиданной. Что, скажите на милость, смешного? Возможно, он иронизировал, но не до истеричного же хохота в самом деле. Вероятно, в истерике корень зла и крылся. Просто у горе-туристки сдали нервы. Обычное дело, если заблудиться с лесу, вымокнуть и остаться без света в сторожке каннибала. Один на один с этим чудовищем в мужском обличьи. Обхохочешься.

— Подруги будут в восторге. Раструбят по своим соцсетям, продвинутся на твоём рассказе и даже не отстигнут процентов. — Потому что люди думают только о себе и, когда дело слишком успешное или, наоборот, совсем уж дрянь, узы дружбы лопаются, как леска под весом сома.

У него тоже когда-то были друзья. Много. Те, кого Алек считал друзьями, к кому легко мог повернуться спиной под пулями. Думал, с таким тылом ничего в жизни не страшно. Где они все теперь эти надёжные люди? Лестер даже не помнил, когда последний раз виделся с кем-то из прошлого. Два года назад? Три?

— Так что мой тебе совет, не рассказывай подружкам, — не веривший в женщин, в

женскую дружбу он верил ещё меньше. Лучше держать рот на замке, язык за зубами, а мысли при себе. Он вот думал, что эта оригиналка забавная и даже по-детски милая. Молчал же. А то ещё решит себе там, надумает. Не приведи боги, передумает завтра уходить. Им же, бабам, лишь бы повод кого-то спасти. Даже тех, кого спасать не надо. Особенно таких. Начнет тут разводить деятельность. В его доме! Ещё не хватало.

Оставалось надеяться только на погоду. Если утром дождь поутихнет, может, снарядить ее всё-таки в путь. Провожать идти не хотелось, но уверенности, что она сама найдет нужную дорогу тоже не было никакой. Скорее сделает крюк и вернётся ещё более несчастная и замёрзшая, чем накануне. Переодевай ее потом, обогревай и корми. Не своими руками, естественно, но Алек уже так привык бывать один и ни с кем не делить пространство, что даже такая болтливая (удивительная редкость и ценное, кстати качество) особа несколько меняла общий размеренный фон установленного уклада. После ужина Лестер традиционно читал. Теперь же ощущал, что так или иначе придется изобразить из себя внимательного к жертве маньяка. Крайне утомительно.

Впрочем, она и в тишине отлично развлекалась за его счёт. Это обычный человек бы даже внимания не обратил. Алек был военным пилотом. Они видел там, где нормальный человек скажет "тьма кромешная". Когда от этого зависит твоя жизнь, сразу подмечаешь, что и ночью все кошки разных цветов.

Пусть бы смотрела, конечно. Жалко разве? Только не покидало ощущение, что смотрит гостя оценивающе. Будто уже расписала себе Хэппи энд. Не ясно только в прямом смысле или метафорическом.

Стоило ли ей сказать, что он вообще от нее ничего не хочет. И уж точно не пытается быть милым или забавным. Просто всегда лучше немного разрядить обстановку, чем получить напряжённо-испуганную девчонку под боком. Очевидно, что маньяки не кричат на каждом углу, что они убийцы и насильники. Так что план сработал. Туристка не только не боится его, даже весьма беззаботно себя ощущает, судя по всему.

— Потому что меня стоит бояться, — вдруг совершенно серьезно ответит он, сделав большой глоток подостывшего отвара. В самом деле стоит. Он знает двадцать способов, как убить человека, не имея никакого оружия. И ещё с полсотни разными его видами. Он реально убивал людей. И приказывал убивать. Он даже был осуждён. Это ли не повод? — Но ты можешь продолжать пилить меня взглядом. Все равно к утру я тебя убью и обо всем тобой увиденном никто не узнает. — Первую фразу Алек говорил серьезно. Вторую в шутку, конечно, но тон был один. Поверит ли?

Он следит с интересом, как учёный за ходом эксперимента. Камин приятно греет спину. Всё-таки батареи совсем не то!

— Да шучу я, успокойся. Ты смешно пугаешься. Особенно, когда только что уверяла, что не боишься, — разгон от мыши до тигра в доли секунды. Удивительно.

— Ты согрелась? Под диваном есть плед, могу достать, — сам-то он не сильно намок, а девчонка зубами стучала от холода. Еда хорошо помогает в такие моменты, но тоже требует времени.

— Так что ты делала одна в лесу в такую погоду? — вдруг зачем-то спросил Лестер. Не сказать, чтобы так уж было любопытно — само вырвалось. — Ну, кроме поисков маньяка и смерти, конечно.

Пенни

Пенни улыбнулась.

— Плед... Не отказалась бы. — девушка встала на пол босыми ногами и вопросительно посмотрела на мужчину.

— В лесу одной не так уж и страшно, если идти в верном направлении и не сходить с тропы... — Льюис проводила взглядом мужчину, который подошел к дивану, протянул под него руку и достал плед. — Кхм, спасибо... — девушка улыбнулась.

— Я планировала дойти до первого привала до начала дождя. По тропе можно и в кроссовках, никак не ожидала, что заблужусь. — Как бы оправдываясь, Пенни пролепетала последнюю фразу.

Она не знала, стоит ли незнакомцу рассказывать об истинных причинах, которые побудили её отправиться в лес, поэтому решила ответить общими словами, не вдаваясь в подробности.

— Пошла прогуляться, подумать, развеяться, — мужчина как-то недоверчиво взглянул на неё — Мысли...там... почистить... — очень неуверенно продолжила Пенни.

Она снова уселась на диван и укуталась в плед. “То, что нужно”, расслабленно подумала девушка.

— Тебе ли не знать, как лес и горы влияют на самочувствие. Ты ведь живешь здесь неспроста. Один. — она зевнула и попыталась посмотреть мужчине в глаза, но тщетно, он и не глядел в её сторону.

Пенни думала, с какого момента можно рассказать Алеку о своих мотивах пойти в лес. Рассказать ему об отношениях с Джерри? Или, может, рассказать вообще о всей жизни, обо всех, кто её обижал, не замечал или ругал... Хм... Рассказать о своих переживаниях и истериках? Это мог вынести только один человек, и то был не Алек

— Да что может такую как я побудить пойти в лес одну? Очень хотелось уйти от мирского. Уйти от вранья и сплетен, — голос Пенни дрожал — Как надоели люди, которые только пользуют и не дают ничего взамен, как надоела эта текучка — встала, поела, отработала, пришла, поела, легла! Надоели стены и даже электрический свет тоже надоел! — девушка уже почти перешла на крик. Она взглянула на яркие языки пламени в костре, они приятно расслабляли взгляд и вообще... Сейчас ей было так уютно...

Она не стала продолжать. Мужчина смотрел на неё. Или сквозь. Пенни уже не могла сообразить и отследить его взгляд. Кажется, она только чуть-чуть откинула голову на диване, как перед глазами поплыли образы... Она видела лес, дождь и темный силуэт. Пенни убегала, пряталась, но куда бы не взглянула — он был везде, за каждым деревом. Ноги насквозь промокли и она уже захлебывалась от слез и страха... Но вдруг она выбежала на поляну. Здесь ярко светило солнце, а синие и желтые цветы слегка колыхались от ветра. Пенни посмотрела на свои руки — они были в грязи. Льюис попыталась отряхнуть их об край куртки, но почему-то грязь не очищалась. А когда она подняла голову, ОН стоял на другом краю поляны, и за ним виднелся темный дождливый лес. На этот раз, силуэт протягивал ей руку. Девушке вновь стало страшно. Ноги показались ватными, она не могла и шагу ступить. А рука ЕГО рука всё тянулась к ней. Сердце колотилось и она со вздохом проснулась.

Пенни открыла глаза и не понимала — день сейчас или ночь. За окном всё так же лил дождь. Почему-то Льюис показалось, что дождь только усилился.

Место возле камина было пустым. Девушка огляделась — мужчины не было видно.

Алек

Ох уж эти ветреные девчонки от 16 до 45. Безрассудство должно бы улетучиваться к

тридцатке, но почему-то только прогрессирует. Удобрства современного мира сделали жизнь настолько комфортной, что многие никак не вырастут, не снимут свои прекрасные очки с единорогами и не начнут думать. Так чтоб прям КРИТИЧЕСКИ мыслить. Алек знал около сотни причин, почему ОДНОЙ в лесу всегда опасно. Не только ночью, не только в плохую погоду. Даже с навигатором, заряженным телефоном и разрядом по спорториентированию. Очевидно, у залетной его гостыи не было ничего похожего.

Глубокий смиренный вздох признал, что тут ничего и не скажешь в ответ. Не говорить же ей, неразумной, что она могла уронить телефон и не заметить, а потом просто и глупо потеряться. Впрочем, она и с мобильником это сумела. Еще был вариан сорваться в овраг и преломать руки-ноги. Можно наступить в капкан (сволочи прячут их искуснее, чем они расставляли на войне мины). В отличие от солдат, со всех сторон прижатых статьями и подпунктами Женевских и Гаагских, браконьеров никто не обязывал помечать "места заложения мин". Так что капканы встречались регулярно. В самым неожиданных местах. Алек пару раз вытаскивал из мерзкой такой ловушки лесное зверье и каждый раз матерился. Люди хуже скотов, в самом деле. Убиваешь — так убивай честно. Выследи, в глаза посмотри жертве.

Интересно, что она собиралась делать на привале? Палаточный лагерь свернули уже пять дней как, потому как прогнозы на ближайшее время весьма неутешительны, а мешать дерьмо с почвой мало кому захочется. Чтоб не стоять в убыток на плохую погоду лагеря снимают с кольев. Остаются только крупные центры ночевки, для тех, кто ходит маршрутом "ромашки". Утром выходит на петлю с планом к ночи вернуться и начать новую петлю на другой день. До ближайшей такой базы ей бы чапать по оврагам дня три не меньше. Тут бы логичнее обратно идти, а не к светлому будущему, которое при таком расчете скорее ей просто не светит.

— Когда идешь в лес, стоит брать с собой дождевик и такие специальные бахилы на обувь. — Понятное дело, что каждый раз сапоги не потащишь, но уж тонкий кусок резины-то точно не утянул бы. Зато ноги сухие и сам обогрет. Кроме функции спасения от намокания, дождевик, кстати, еще и тепло консервирует. — Это тебе совет. На будущее. — Видишь, я даже почти передумал тебя есть, раз так щедро раздаю советы на случай второй попытки столь изощренного суицида.

— Я живу здесь, потому что каннибалам в городе сложнее выживать. Трупы, конечно, закапывать не нужно, но с костями беда. Здесь проще: всегда можно списать на то, что волки обгладали, — это ж просто подвиг столько говорить за один день, сколько он сегодня. Как у него вообще голосовые связки еще не отрафировались за время добровольного заточения? — И здесь лучше, чем в городе. — Меньше грязи, шума и людей тоже меньше. Это самый большой из плюсов. С людьми у Лестера в последние годы та еще напряженка. Не ладится, как ни старайся. А уж если еще и не стараться...

У двери заскулил пес. Рисковый, решил пойти-таки на улицу, не дотерпел. Бедолага. Поднявшись с теплого, насиженного места, неслишком гостеприимный хозяин молча, без объяснений пошел открывать другу дверь. Гостыя его, кажется, уже все равно клевала носом. Так что можно и самому выйти, дойти до подсобки, проверить генератор. Подхватив с вешалки дождевик и большой строительный фонарь, он свистнул псу и вышел под ливень. Так себе перспектива, но мысли, что генератор жив и нужно только дать тому волшебного пинка грела мечтами о теплой воде. В доме имелся бойлер, насос подавал воду прямо из скважины неподалку. Холодную, естественно, так что немного энергии им бы с этой Пенни

точно не помешало. Для обогрева. Идея звучала как-то двусмысленно даже в его голове и Лестер усмехнулся, иронизируя над собой и тем, как засиделся одиночкой на добровольном карантине.

Судя по всему, гостя его все еще дремала, кутаясь в плед и смешно зажав диванную подушку. Слишком расслабленно для той, кто считает себя гостьей маньяка. Алек задумался, вправду ли производит такое уж устрашающее впечатление. Он никогда не был верзилой и даже очень крупным парнем. Высокий, но жилистый — едва ли вызывал страх у неосведомленных.

На кухне щелкнул и загорелся слабый огонек света. Генератор, в самом деле, просто дал сбой и пришлось запустить его поновой. Несколько упоминаний чьей-то матери, пара пинков и умелые руки мастера — и вот у них есть свет и будет скоро вода. Стоит ли разбудить девчонку или пойти купаться самому? С другой стороны, еще пойдет бродить по дому в его отсутствие. Зелезет куда-то не туда. Да хоть в ванную к нему.

Лестер тихо подошел к дивану и встал за спинкой зачем-то рассматривая девушку. Обычная. Не писанная красавица, не страшенькая. Юная, уставшая и какая-то несчастная даже во сне. Что ей снится?

Девчонка завозилась, что-то промычала. Надо бы отойти, а то испугается до одури, проснувшись вот так, когда над ней сзади висится хмурый незнакомец. Здравая мысль победила и Алек решил заняться делами куда более важными, чем разглядывание сонных девчонок. Например, проверить, как греется бойлер и открыть краны, набирая воду. Вряд ли им сегодня удастся накачать и согреть прямо полноценную ванну, но уж пару чайников точно. Кстати, хорошая идея еще и так согреть чайник другой.

Когда он снова вренулся в комнату у камина, девчонка уже проснулась, потерянно как-то оглядываясь по сторонам.

— Генератор ожил, можно погреться в ванной, — ей-то как раз очень не мешает, да он сам тоже замерз, пока колдовал над ремонтными работами. — Я поставил набрать. Сможешь помыться с теплом. А то я грязными девочками не питаюсь.

— Алек сел на диван с другого края. Слишком далеко для маньяка. Слишком аккуратно.

— Так значит, в лес ты сбежала от людей? Чем же они тебе насолили? — он не забыл о ее внезапном признании и даже в самом деле гадал, что могло стать у нее такого, что она весьма остро реагирует даже просто на косвенно затронуть эту тему. Впрочем, он и сам-то не слишком любил говорить о больном

Пенни

В камине горел огонь и потрескивали дрова. Пенни поняла, что спала она недолго, поскольку дрова ещё не прогорели полностью. Только вот хозяина дома не было видно. Льюис села на диване, но не спешила вставать, хотя чувствовала себя уже не такой уставшей.

Разморило же... Девушка подумала, что это всё из-за еды, тепла и уюта. Надо обязательно поблагодарить Алека, который, кстати, всё рисовался маньяком. Пенни не то, чтобы не боялась. Просто не стыковался образ маньяка с видом Алека. Нет, внешние данные вполне подходили, а вот глаза... она мало в них смотрела, потому что старалась не встречаться взглядом, но когда это происходило, то не видела в них ничего устрашающего. К слову, и нежности она в них тоже не заметила, однако, страха перед ним не испытывала. Безрассудство какое-то, не бояться мужика в лесу. Нет, уже не в лесу, а в его доме. Кому рассказать — не поверят: Пенни пошла к незнакомому мужчине в дом, который находится в лесной глуши! Да тот же Рик упал бы на месте, если бы узнал, где она сейчас. Но всё же, не

всё так плохо. Он ведь её от волков спас. Приютил, накормил, плед достал. Да и советы он давал вполне дельные. Бахилы не помешали бы. И нормальная обувь тоже.

Надо ж было надеть кроссовки!

Пенни потянулась и огляделась по сторонам. Наверное, пора было вставать и чем-то заняться. Например, разобрать рюкзак, проверить телефон и развесить вымокшую одежду. Свою. Она взглянула на подвернутые штаны и довольно большую футболку, любезно предоставленную Алеком. Вот, опять же, ещё один плюс.

Появившийся в дверях комнаты хозяин дома заставил Пенни вздрогнуть и отвлечься от своих размышлений. Она улыбнулась и села поудобнее, завернувшись в плед.

— О, отличные новости... — немного растерянно произнесла Элли. — теплая вода — это здорово.

А что, с этим были проблемы?! Пенни не стала этого произносить вслух.

Глупая! Не на курорт приехала! Ты ж в глуши! Пенни сразу засомневалась на тот счёт, что в лесу лучше, чем в городе. Хотя бы из-за воды.

Внутренний голос ворчал за собственные глупые мысли. Пенни, в общем-то, можно было посчитать глупой только лишь за то, что пошла в такую погоду в лес, не побоявшись заблудиться. Сейчас те эмоции, что двигали ей перед тем, как она решительно надела свой тяжеленный рюкзак на спину, поутихли. Да что там, она уже и пожалела о том, что выбралась из дома. Могла бы хоть прогноз погоды посмотреть!

Приоткрыв рот от возмущения, Пенни смотрела, как мужчина направляется к дивану. Она некоторое время не могла ничего ответить, потому просто глазела на Алека.

— Грязная девчонка?! Я?! — всё же нашла в себе силы возмутиться Пенни. Она машинально наклонила голову и уткнулась носом в плечо, вдыхая свой запах. Она не плохо пахла, да и одежда была чистая.

Находясь в замешательстве, Льюис не сразу нашлась, чтобы продолжить возмущаться. Она не находила слов, просто хлопала глазами и таранилась в лицо мужчины. Полууголого мужчины, между прочим.

— Это... очень мило с твоей стороны, — Пенни как-то хрипло проговорила, когда вспомнила, как это делается, — набрать мне воду, предложить помыться, — она провела в воздухе рукой, — спасибо.

Подобрав ноги под себя, она села компактнее, немного увеличив расстояние между собой и полураздетым мужчиной. Очень привлекательный маньяк ей попался, между прочим.

До того, как она уснула, Алек казался ей резким и немного грубым. Сейчас он будто немного смягчился. Пенни поймала себя на том, что снова разглядывает его.

Здорово. На одном диване с маньяком. Браво, Льюис!

Девушка немного удивилась, когда Алек спросил про людей. Она ещё не поняла, что для неё было интереснее — то, что он об этом спрашивает или то, что он запомнил её эмоциональный рассказ. Она улыбнулась мужчине глупой улыбкой и ненадолго задумалась.

— Знаешь, сейчас как-то ныть не хочется. Может, уютно у тебя тут так, что ничего больше не давит. — Пенни всё же решила встать с дивана. Скинув с себя плед, она поставила ноги на прохладный пол и слегка поёжилась.

— Лес красивый и он так близко. Чего бы туда и не уйти? — Льюис подошла к окну и смотрела на стекающие по стеклу капли, — правда, рассчитывала я на пару дней всего. А тут такой дождь... — она немного задумалась и скрестила руки на груди, надеясь, что ей

удалось уйти от ответа. Хотя бы сейчас.

— А как ты добираться в город? — Пенни приподняла одну бровь и повернулась к Алеку, — Я не то, чтобы напрашиваюсь, — она немного замялась и смущенно опустила глаза, — просто, если ты вдруг меня довезешь до города, когда погода станет чуть лучше, было бы здорово. — К концу предложения Пенни подумала, что выглядит она наверное ужасным гостем. Вот тебе одежда сухая, еда, плед, чай в конце-концов. Еще и до дома довези! Интересно, она всегда такая была? Может потому с мужиками и не складывалось, потому что сильно много требовала? Льюис вспомнила о том, что хотела разобрать рюкзак и направилась в прихожую, где Алек его оставил.

— С твоего позволения, я бы хотела проверить рюкзак и свои вещи. Ну, на предмет того, насколько они вымокли... и работает ли телефон, — интересно, связь вообще здесь есть? Она ведь понятия не имела в какой стороне сейчас от тропы и сколько ей придется добираться до дома, если Алек её не довезет. — И помыться в тепле — прекрасная идея, всё же. Спасибо за заботу, Алек. — Пенни доброжелательно улыбнулась и подошла к выходу из комнаты.

Алек

Теперь она еще и улыбается ему! Дальше что будет? Предложит вот прямо тут вместе заночевать? На одном тесном диване. Пусть он и не был обласкан женским вниманием, но не до той степени, чтобы кидаться зверем на первую встречную. Не волк, поди. Да и новый срок мотать не хотелось. У нас ведь в стране как: единожды привлекался — при первом удобном случае отчаянный рецидивист. Надо срочно еще упечь. Наподольше, чтобы уж точно исправился, а не как в прошлый раз. По мнению Лестера такой подход мог только укоренить желание остаться в рядах рецидивистов. Назло отторгающему тебя обществу. Некоторым даже нравилось в застенках. Тепло, кормят, работать не надо. Жена не пилит. Для иных — рай не жизнь. Жрешь, срьешь и все это на казенных харчах. Как армия, только под пули не посылают при любом удобном случае.

— Теплая вода — это значит тебе не придется завтра мыть посуду в холодной, — усмехнулся Алек, видевший по глазам, что девчонка даже не подумала о связи света и воды на этом курорте жизни. В городе-то, небось, привыкла на всем готовом и давно уж забыла, что до появления в кране вода появляется где-то в другом месте и как-то из этого места в кран доставляется. И потом нагревается еще по пути — неимоверно сложный процесс для того, кто просто открутил вентель и отмокает два часа с книжкой.

Теперь вот она еще и глазами хлопает. Видимо, думала, что приехала на полный пансион и он, как воспитанный маньяк, не заставит ее перед смертью посуду намывать. Мол, ты баба, вот до самой гробовой доски занимайся прямыми обязанностями и не отлынивай.

Алек наблюдал за возмущением гостьи (принесла ж нелегкая) и вдруг неожиданно даже для самого себя рассмеялся. Открыто, от души. как не делал уже давно. Вся эта мезансцена в духе Чаплина смотрелась уморительно.

— Еще какая грязная, — отсмеявшись, насилу выдавил он, — вот еловые иголки в волосах до сих пор. — Он бы вытащил давно, но как-то не было повода руки распускать на чужую собственность. Вдруг тут работает по принципу еврейского магазина — потрогал — купи, посмотрел, считай испортил, оплатите полную стоимость. Платить за kota в мешке не хотелось, да и вообще на его купеческий взгляд товар себя не зарекомендовал. Больше хлопот, чем толку. А ей вот уже уютно у него так, что даже нить перехотелось.

"Чего же тебе захотелось в таком случае?". — Выспалась, теперь дело и до желаний дошло. Судя по всему, желала она уединения, потому как ноги сноровисто подоткнула под зад. То ли от его рук подальше, то ли даже от глаз. Сама при этом ела глазами поедом буквально и надо быть наивной дурочкой, чтобы считать, что он не замечает. Мог бы одеться, чтоб не смущать, да не стал. Комната небольшая, окна хорошо изолированы и камин усердно нагрел пространство. Лестер даже слегка разомлел, желая поскорее уже сбегать эту Льюис на водные процедуры, а самому прикрыть глаза и привычно посидеть в уютной тишине хоть немного. Он устал от необходимости налаживать социальные связи. Отвык и теперь привычные, казалось, дела отнимали слишком много душевных сил.

— Значит, плохо рассчитывала, раз дождь не учла. — Их учили всегда брать в расчет все возможные (и даже самые ирреальные) из раскладов, особенно помехи и отвлекающие факторы, способные повлиять на скорость продвижения или качество выполнения боевых задач. А тут даже прогноз не изучила досконально. Один сайт проверила и поверила. Эх ты, девчонка еще совсем. Алеку стало интересно, не обманул ли глаз. Пенни казалась ему такой юной и неискушенной жизнью. Он бы никогда не дал ей больше 25 навскидку. Скорее даже меньше. Легко мог представить, что она вот только закончила университет по какой-нибудь филологии или психологии и теперь искала себя и писательское вдохновение в Ирландских лесах. Или приключений искала, чтобы потом автобиографичную муру писать для аудитории 16–20 лет.

— Как все. На машине. — До города далеко чапать пешком, да и смысла нету. Алек туда наведывался разве что за продуктами, всякой снедью, да книг взять в библиотеке. Иногда захаживал в бар или цеплял свидание на вечер — не более. Долгосрочные романы его не интересовали. Он это уже проходил и как-то не слишком остался доволен опытом. Разовая акция куда дешевле обходится нервной системе и общему благосостоянию организма. — Если передумаю убивать, то лично отвезу в город, чтоб потом на меня подвиги волков не навесили. Не люблю чужую славу отбирать, — Алек хмыкнул, подумав, как часто приходилось отдуваться за чужие грехи. Тем лучше и спокойнее жилось теперь.

— Вещи твои я не трогал, если ты об этом, — маньяки редко воруют у своих жертв. Не карманники, поди. Алек понимал, что девчонка вообще не про пропажу сейчас, но почему-то голос похолодел и недавняя веселость ушла из наладившегося было разговора. Закинув руки за голову, Лестер смотрел на пламя камина и даже не повернулся на голос выходящей из комнаты девчонки.

— Связи нет, интернета нет. Ты, я и красивый лес, в который ты так жаждала попасть. — наслаждайся сбывшейся мечтой и вперед мечтай умнее и потише. Не дай Бог услышит мироздание, искаверкает и получишь вот такой вот подарочек, как сегодня. — Ванную сама найдешь или тебя и туда проводить надо? — в голосе появилась привычная ирония. Уж в небольшом совсем его доме не заблудится точно. Мест, куда ходить запрещено у Алека не было. Потенциально опасные все находились за периметром дома, так что пусть себе шастает, хоть сама мысль пустить кого-то в дом все еще казалась противоестественной. Будто он ее в душу запустил, а не просто в помещение. — Как повернешь от кухни сразу дверь, — уточнил он, чтобы избавиться от неприятной этой мысли.

— Это не забота. — Спокойно возразил Лестер, так и не обернувшись. Это ж как ее жизнь не балует, если простую вежливость чужака именуется заботой? Какое-то время он еще прислушивался к шебуршанию в районе прихожей, потом в самом деле прикрыл глаза,

привыкший еще в армии спокойно дремать в любом месте, всегда оставаясь начеку, так что точно не переживал, что гостя застанет вдруг врасплох. У него так-то выдался крайне утомительный день: продрог, как бродячая псина и устал до ломоты в спине. Хотелось уже помыться и спать, но теперь вот надо дождаться пока дама справится с задачей первой. К счастью воды набралось с кот наплакал, так что долго эта особа там не просидит. Такое себе удовольствие в луже барахтаться.

Пенни

Оказаться в лесной глуши с мужиком, который рисуется маньяком — так могла только Пенни. Точнее, может быть и еще находились такие дурочки, но конкретно Пенни считала, что ей вообще с мужчинами не везло, потому не очень удивлялась тому факту, что ей повстречался маньяк. Да, в общем-то, маньяка для полной коллекции ей и не хватало.

Пенни на миг закрыла глаза.

Нет, она не собиралась влюбляться в Алека. Даже если он такой полуголый и, надо признать, привлекательный. Она открыла глаза и скользнула взглядом по торсу.

Боже мой, в глуши, что, есть спортзал?

Свет от огня в камине красиво освещал обнаженный торс Алека, и Пенни снова поймала себя на том, что пялилась на мужчину. Будто мужиков красивых не видела! Но он и сам хорош, ведь надо ж перед девочкой ходить полуголым. Вообще, чего он добивался? Чтобы она его хотела или боялась?

Не собиралась она в него влюбляться. Даже если он весь такой заботливый. Вот позаботился о теплой воде, чтобы она посуду помыла, ага. Однозначно — никакой влюбленности.

О какой любви может идти речь, если она только недавно практически сбежала от жениха? Надо было раньше, конечно, но уж так случилось... Пенни вообще всегда до конца верила в людей, не думала, что кто-то может так жестоко поступать. Ну какой толк в браке, если тебя всё ещё тянет покувыркаться с другими? Наивности Пенни, конечно, было не занимать и она проглатывала эти вот задержки на работе допоздна или внезапно обрушившуюся работу в выходные... Верила, пока своими глазами не увидела в своей постели другую, прячущуюся за широкой спиной её возлюбленного Джерри. Ну не такая уж она и широкая была, эта спина, в сравнении со спиной Алека.

— И я так ходила у тебя всё это время? — глупо произнесла она, когда Алек указал на иголки в волосах. Она почувствовала, как сразу вспыхнули щёки, поднесла руку к волосам и, пошерудив там, заметила, как пара иголок выпали на её плечи.

— Вообще, конечно, мог бы и раньше сказать, — Пенни поняла уже, что у этого человека явно с выдержкой всё хорошо. Столько времени смотреть на девушку с ветками в волосах и не смеяться при этом.

— Вот тут даже спорить не буду, сглупила, — вздохнула и печально проговорила девушка, — в ирландских парках я бываю не часто. Но в Лондоне живу всю жизнь, могла бы и догадаться, что погода мало чем отличается и точно будут дожди.

При упоминании о родном городе, Льюис поняла, как соскучилась и как она хочет домой. У родителей, конечно, было прекрасно. И удобно. Они ж пылинки с неё сдувают. Но всё же, хотелось домой. В свою квартиру и в книжный магазин...

— Чертов ковид! Я очень хотела уехать и если бы не отменили перелеты, давно была бы дома и не потащилась бы в этот лес... — Пенни еще раз взглянула на собеседника и отправилась туда, где оставила свой вымокший рюкзак. Отвечать она ему не стала, просто

порадовалась, что сможет уехать отсюда, а не идти самой на своих двоих. Порадуется и поблагодарит чуть позже, сейчас ей не хотелось заострять внимание на своей наглости.

— Если когда-нибудь будешь в Лондоне, заходи в книжный магазинчик на Крофорд стрит. Угощу тебя кофе. Ну и, может, выберешь себе чего почитать в свою коллекцию книг, — Пенни показала пальцем на стеллаж с книгами. Ну, а чего? Он её от волков спас, а она скрасит его досуг какой-нибудь книжкой.

Но вот мужчина дал Пенни еще один повод усомниться в своей адекватности! Она и не думала, что он мог трогать её вещи и вообще не к тому говорила... А ведь могла бы и подумать! Ценного там, конечно, ничего нет, но кто знает этого маньяка?

Пенни лишь фыркнула и открыла рюкзак. Конечно, и в самом рюкзаке всё вымокло. Она достала то, что было сверху, какую-то еду, а затем сменную одежду, которая была почти такая же мокрая, как и та, в которой она гуляла по лесу. Разве что не такая грязная. Девушка вдруг ощутила, что начинает злиться. Она выпотрошила содержимое рюкзака на пол и развернула одежду, чтобы оставить её сушиться. Вымокла и книга и телефон. Пенни где-то слышала, что от влаги некоторые туристы прячут телефон в прозрачный полиэтиленовый пакет. Но сама, конечно, об этом и не подумала, когда собиралась.

— Связи нет, интернета нет. Только ты и я, — Льюис тихо повторила слова Алека, покрутив телефон в руке. Она положила бесполезный гаджет на тумбочку и отыскала сменное белье. Вот как раз его она упаковала в пакет. Ну да, самое ценное же в походе. Всё еще раздражаясь, она взяла белье и пошла в ванную. Ей всё больше не нравился этот ироничный тон гостеприимного Алека и всё чаще посещала мысль убраться отсюда. Но таскаться ночью по лесу, не зная дороги к тому же, и правда было плохой идеей, так что придется взять себя в руки и немного потерпеть. Пенни была твердо уверена, что даже если Алек по каким-то причинам не сможет отвезти её домой поутру, то она сама пойдет. Только спросит у него направление. Уж направление угрюмый хозяин дома наверняка покажет с удовольствием.

Ладно. Осталось только чуть-чуть. Помыться и поспать.

— Что... Это что такое? — Пенни не смогла сдержать возмущения. В ванной воды было благо что по щиколотку. Конечно, она мигом осеклась и понадеялась, что Алек её не услышал. Как только она ступила в воду, мечты о том, чтобы согреться и расслабиться в горячей воде разбились окончательно. Воды было мало и она была чуть теплая. Пенни, как девушка благодарная, конечно, порадовалась тому, что есть и стала мыться, в мыслях перебирая события этого вечера и слова Алека. Пенни не находила его каким-то устрашающим, скорее она видела в нем человека, которому нужна была помощь. Ну, может быть любовь. Обычно за маской такой угрюмости скрывается кто-то с большой душой. Это Пенни знала исключительно по фильмам и книгам. Так уж случилось, что в жизни ей встречались люди с маской хорошего парня, а в душе оказывались редкостными гавнюками.

Вымывшись настолько, насколько можно было помыться в этой лужице, Пенни повернула кран и встала под душ.

— О, боже! — Она истошно заорала, когда из душа её окатила ледяная вода. Пенни пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за шторку, которая тотчас начала отрываться от креплений. Девушка поняла, что падает, но другой рукой умудрилась схватиться за полку, на которой судя по всему стояли шампуни, гели и что-то еще для ванны, Пенни не разглядела, потому что и полочка не выдержала веса и тоже начала отклоняться туда, куда девушка её тянула, попутно сметая всё, что на ней стояло. Баночки с грохотом повалились на пол и

Пенни тоже бы повалилась, но изловчилась и перекинула таки одну ногу из ванны на пол и влетела дверь, которую к своему ужасу не заперла. Она вмиг оказалась в коридоре и какое-то время хлопала глазами, пока не сообразила, что стоит посреди чужого дома абсолютно раздетая. Опомившись и охнув, Льюис влетела обратно в ванную в поисках полотенца, которым хотела укутаться и которого не видела. Наверняка, хозяин дома захочет проверить, не убила ли она тут. Ведь её труп, найденный в его ванной точно повесят на него, раз уж он переживал за “подвиги волков”...

— Чёрт, чёрт, чёрт! — она крутила головой в поисках того, чем можно было прикрыться. Не найдя ничего лучше, Льюис накинула на себя край шторки ванной и прикрыла им самое важное.

— Алек! А где полотенце? — Пенни не знала, слышал ли Алек весь этот шум, может, задремал там полуголый у камина, потому на всякий случай прикрикнула погромче.

Алек

Тишина длилась недолго. Удивительная вещь, стоило этой во всех отношениях оригинальной даме появиться в его доме, как сразу вспомнилось, почему он решил больше не жениться и даже не заводить долгосрочных романов. За все это время успел сродниться с блаженным уединением и тем покоем, что оно дарит. Если на свете и правда есть люди, которые не могут жить без шумных компаний и бесконечного присутствия кого-то рядом, то Лестер к ним не относился и всегда уставал от излишней суеты.

Прикрыв глаза, он погрузился в тихий шелест листьев за окном и трескотню камина, ощущая как сами собой расслабляются натруженные за день мышцы. Когда-то давно, по юности, столько времени убивал в спортзале, а оказалось, что настоящая нагрузка вот она. И никаких тебе весов не надо. Топор, гора дров, пробежки по чавкающему бездорожью, купание в холодном озере — не так уж и много для поддержания формы и здоровья. Судя по всему, весьма неплохой формы, учитывая, как эта туристка разглядывала его сегодня. Забавная.

Подорвавшись, как по тревоге, Алек в рекордные сроки преодолел нехитрое расстояние от гостиной до ванны. Домик у него размерами не выделялся, так что тут даже не два плевка по карте. Пока бежал, предварительно легко перемахнув через диван, опершись о спинку ладонью, услышал грохот и новую порцию визга.

Если мыш, то убью, — подумал Лестер на бегу, перебирая в голове различные причины такой шумихи. Ни тараканов, ни прочей живности в доме не водилось, пес мирно спал до этой вот диверсии и теперь тоже шуганулся, правда, в обратную от источника звука сторону. Умный мальчик, не то что некоторые. По всему выходило, что в зоне дислокации гостьи ничего не могло вызвать ни паники, ни истерики. Мыши скреблись иногда, да. Алек исправно ставил ловушки, но кошку заводить не желал. Не его вид зверя — хоть убей. — Обеих убью И мыш, и паникершу эту малолетнюю. — И с чего вообще взял, что малолетнюю? Пусть и не тянула внешне на взрослую, серьезную дамочку ни ростом, ни умом, судя по всему, но внешность бывала такой опасной уловкой, что предусмотрительный майор ВВС (ну не бывают они бывшими, хоть стреляй) все же допускал различные вероятности и сюрпризы под премилой этой упаковкой.

— Знаешь, когда из ванной вдруг истерично призывают Бога, да еще таким истошным воплем, как-то больше хочется за кадиллом бежать, а не за полотенцем, — скептически оглядывая степень нанесенного ущерба, усмехнулся Лестер. Да эту девочку-катастрофу нужно рекрутировать на баланс Королевской армии и засылать в стан врага для общей

деморализации сил противника. Не больше суток и те сдадутся в плен, подпишут любые пакты капитуляции, лишь бы вернуть это Лихо ясноглазое хозяевам. Он даже не знал, что ему больше сейчас хотелось: прибить, выставить к чертям прям вот так голым задом волков соблазнять или смеяться. Стоит признать, в размеренной его жизни давненько не случилось такой вот цирковой программы.

Минус занавеска, минус подвесная штанга, выкорчеванные из бруса болты, минус полка, разбитый флакон мыла, трещина на зеркале. Да уж, дорого обходятся женщины. И в моральном и в экономическом плане дорого. И это они даже не состоят в близком знакомстве, что же говорить о тех, кому эта девочка-беда доводится родней. Посочувствовать несчастным, ходатайствовать о снижении налоговой ставки: и так, поди, убытков в течение года — роту солдат прокормить можно.

— Свиду худенькая и хрупкая, а на деле оружие массового уничтожения, — хмыкнув, Алек открыл шкафчик, невозмутимо протянув потерпевшей полотенце, скрученное в аккуратный валик, как еще три таких же, лежавших там пирамидкой. — Что случилось? — демонстративно отвернувшись, Лестер отметил мокрые следы от босых ног, ведущие к двери и обратно. То есть она разделась, прогулялась голая туда-сюда, поскользнулась, стала хвататься за занавеску и полку (хватило же ума, в самом деле)... Зачем, правда, эти вот лишние променады голышом и в холодной комнате? Что-то не верилось, что намывшись, девушка решила пойти, как есть соблазнять маньяка.

Алек резко обернулся ища взглядом протяжный след, который могла бы оставить нога в скольжении. Следов не было, поспешно вернувшись лицом к двери, чтобы не спровоцировать новую порцию визга, продолжил прикидывать варианты. На полу она не падала, выходит, упала в ванной?! Трезвая, не ребенок. Вроде бы не страдает явными нарушениями координации, все конечности на месте (он видел под занавеской-то). Как можно упасть в ванной, на ровном месте, будучи взрослым человеком в трезвом уме? Два плюс два никак не складывались. Вот ты залезла в ванную. Помылась. Она точно помылась, потому как капли воды на голых ее ключицах Лестер запомнил отчетливо. До сих пор стояли перед глазами, между прочим. И дальше что? Вылезала и промахнулась высотой бортика? Это ж какие проблемы с глазомером и мозжечком должны быть, чтобы настолько не соотносить себя в пространстве? Да с такими задатками не то что в лес — с дивана без подмоги вставать большой риск. Нет. Эта версия несостоятельна. Значит, помылась, потянулась за полотенцем, осознала, что нету и потопала требовать с хозяина. Потому вспомнила, что голышом военные переговоры вести моветон, запаниковала, ринулась обратно. Опять не сходится. И Бог тут при чем? Как он мог помочь в поисках полотенца? Разве только в поисках смысла жизни и то не очень. Алек пробовал — знает. Его, Алека, она тоже Богом не могла наречь. Уж слишком он далек от каноничного образа Христа. Тоже так себе версия...

— Оделась? — не успел подметить, не намокли ли выданные госте вещи в этой катастрофе локального масштаба. — У тебя зубы стучат, как у голодного волка. Идем, еще чаю сделаю, потерпевшая, — хмыкнув, Алек повернулся и бегло осмотрел девчонку. Видимых повреждений не обнаружено. — Не пострадала? Не порезалась? Ноги-руки целы? Идти можешь? — не то чтоб я жаждал тебя на руках таскать, но если ты такие разрушения в каждой комнате учудишь, то дешевле и правда подкачать бицепс переноской приключенческой твоей задницы из точки А в точку Б с наименьшими потерями для окружающей действительности. — Только не говори, что увидела мышь, — дурак ты,

Лестер. Маниакальный дурак, вот если она до этого не знала, что в доме есть даже минимальная вероятность близкого знакомства с местной фауной, то теперь оповещена. И полезет спать в твою койку. Конечно, после этого фееричного дефиле перспектива не кажется уже такой уж смехотворной и непривлекательной, но шансы загреметь за домогательства, даже если домогались на самом деле тебя, в этой стране велики, как владения Короны. Как отсюда и до Ла Манша буквально.

— Осторожно, там пена для бритья, — выцепив движение периферическим, заблаговременно предупредил Алек уже на выходе. Еще не хватало, чтобы она растянулась на этом мокром цилиндре, сломала ногу и просидела у нее на шее месяц. Или два. Капризная, маломобильная и непозволительно соблазнительная в своей неловкой хрупкости и явной потребности в твердой руке. Черти бы побрали сегодняшнюю вылазку в лес. Сидел бы дома и без не знал, а ее красивый соблазнительный зад бы сейчас с упоением глодали волки. Если уж так, то он бы сам не против понадкусовать. О чем ты вообще думаешь, Лестер?! Шли ее спать и потом к чертям шли, по утрам. Подальше от себя и от греха тоже подальше.

Открыв дверь, остался стоять, пропуская девушку вперед. Не из вежливости — из соображений безопасности. Еще раз оглядел место происшествия и вдруг разразился смехом. — ДУШ! — давясь приступом хохота, просипел он вслед Пенни. — Женщина, зачем ты включила душ, когда генератор был отключен, напора нет и воды по щиколотку еле нацедили? — явно же закаливание не твой вариант. Столько он перебрал причин и следствий, а верная лежала на повержности — каплями воды на стене. Ну не могла она в лужице помыться так, чтоб аж стены забразгало. Душ! Нет, ну додумалась же. Городская жительница. — Слушай, да тебе маньяк-то только для прикрытия нужен. Ты его сама пришьешь легко при желании, — отсмеявшись, Алек прикрыл дверь в ванную и пошел к плите ставить греться воду. — Может это мне пора начинать тебя опасаться? — Вообще я уже, чего скрывать. Пусть с выдержкой и дружу, но когда тебе буквально под нос подсовывают нечто весьма интригующее — это надо быть богом терпения, чтоб сдерживаться. А я не Бог. И не евнух ни разу.

Пенни

Пенни таранилась на мужчину, который вошел в ванную... как к себе домой, да. Нет, оно и понятно, его дом это и был, но девушка тут стояла голышом, вообще-то. Льюис не без доли возмущения на лице, прикрывалась занавеской и даже не знала, что ответить на этот его язвительный комментарий. Но опять же, девушка удивилась до чего же сдержан мужчина. Он осматривал комнату, которую Пенни чудом что не разнесла полностью, а не разглядывал Пенни, прячущуюся за полупрозрачным куском занавески.

Хоть на том спасибо. Однако, Льюис всё равно ощущала неловкость, ведь по сути стояла голышом перед незнакомцем.

— Ты не мог бы... — она смотрела в пол и крепко держала занавеску на уровне груди одной рукой, а второй прижимала её край к бедрам, — не смотреть.

Пенни казалось, что если мужик сейчас рассмеется, она точно кинется его колотить. Но Алек с удивлением рассматривал разгромленную комнату.

Девушка стояла босая на холодном полу ванной и чувствовала, что начинает замерзать. А ведь так хорошо было у камина! В конце-концов, не спать же им вместе, мог бы и потерпеть до утра её немытую. А теперь вот разглядывает масштабы поражения, после непродолжительного пребывания Пенни в ванной.

— Прости, я не специально, — девушка попыталась оправдаться и приняла из рук Алека полотенце, отцепив руку от своего бедра и тут же прижав её обратно, но уже с полотенцем. С волос по спине стекали капли холодной воды, заставляя Пенни ёжиться от холода и то и дело покрываться мурашками. Да уж, веселенькое приключение, ничего не скажешь. Тысяча и один способ замерзнуть в лесу, даже когда тебе предлагают кров и пищу — Пенни знает, умеет, практикует. Даже в теплом уютном доме незнакомца-маньяка она умудрилась намокнуть и замерзнуть! Зато чистая, чего уж там.

Льюис быстро обтерлась полотенцем и протянула руку к пакету со свежим бельем. Благо, белье и одежда, которую выдал ей новый знакомый, не пострадали, не намокли. Одеваться в присутствии незнакомого мужчины было неловко... Но Льюис молча натягивала на себя белье замерзшими пальцами, не смея обращаться к Алеку. Она даже не хотела отвечать ему на вопрос, что случилось. Точнее, она могла бы, но ей казалось, что получит новую порцию иронии и сарказма в ответ. Потому, просто молча одевалась, пока мужчина отвернулся от неё и рассматривал пол. Льюис даже показала, что она слышит скрип шестеренок в его голове, когда он смотрел на следы от её мокрых ног на полу и разгадывал причину этого погрома.

— Оделась. Не порезалась. Вроде цела. — Пенни быстро отчиталась на каждый вопрос мужчины, будто перед командиром какого-нибудь там военного взвода. Такой суровый. Может, мужчина и был военным. Или копом. В прошлом, конечно. Вряд ли действующие военные или полицейские живут в лесу. Да еще и маньяками называются. Пенни оделась и поймала на себе оценивающий взгляд Алека, который наверняка не поверил её словам, что она цела и оценил лично.

— Нет, мышей не видела... — она прищурилась. Промолчала, конечно, что если бы она еще и мышь увидела, то уже бы висела на его плечах и верещала от ужаса. Но на всякий случай, Пенни огляделась на предмет мышей. Блеск! Теперь еще и всю ночь от каждого шороха вздрагивать будет.

О мышях это он зря упомянул, потому что от следующего предупреждения от пены для бритья на полу, Пенни вздрогнула и действительно чуть не прыгнула в руки мужчины. Но остановилась, растерянно впечатавшись в его плечо.

— Ты меня напугал! — с возмущением произнесла Льюис и шагнула в открытую дверь, обходя Алека. Зачем ему вообще пена для бритья, если он не брился, судя по всему, ну неделю точно? Еще говорят, что женщины странные. Пенни вышла из ванной и услышала, как мужчина разразился хохотом.

— Ну что еще? — она обернулась и закатила глаза, — у меня опять что-то в волосах? Или может банный лист куда прилип?

Но оказалось, Алек смеялся не над тем, как она выглядит, а над тем, что до него наконец-то дошло, как она учинила погром в ванной.

— ДА! Душ! Ты прямо детектив! — она пыталась перекричать смеющегося мужика и почувствовала раздражение и даже обиду, — Ну откуда мне было знать?! Да и забылась я! — она развела руками, — На курорт же приехала! — в отчаянии Пенни швырнула в мужчину полотенце, которое до сих пор держала в руках, и посмотрела, как оно прилетело в его живот, который напрягся от смеха. Полотенце упало к ногам Алека, а Льюис развернулась на одних только пятках.

— Нет! Не нужен мне никакой маньяк! И ты и твой дом тоже не нужны! Сейчас же отправлюсь домой! — Пенни прямо таки пылала гневом и отправилась к своим вещам,

которые до попытки помыться разложила в прихожей.

— Пришла же на свою беду! Лучше бы волкам отдалась, чем выслушивала твои насмешки! АААА! ЧТО ЭТО?! — Пенни остановилась и резко поменяла траекторию движения, буквально одним шагом залетев в комнату, что была открыта рядом с ней. Она увидела, как на неё смотрел кто-то или что-то с блестящими глазами из темного коридора. после упоминания о мышах, Пенни не могла не среагировать на живность в доме.

— Кто это? У тебя еще и домашние крысы есть? — спрашивала она, закрыв и привалившись спиной к двери комнаты, — Почему она такая огромная? Или это маленький волк?! — до Пенни не сразу дошло, что это могла быть хотя бы собака. Ведь можно было включить логику — мужчина один в лесу. Ну хотя бы собаку он мог завести. Это квартирные городские неженки, вроде её бывшего, заводят себе пушистых котиков, а тут brutальный лесной маньяк. Который с ума её сведет сегодня своими насмешками. Конечно, у него могла быть собака.

— Я не выйду отсюда, пока ты не скажешь мне, что ЭТО не кусается. А если это собака, то пусть хоть голос подаст, что ли... — Пенни жалобно проскулила, не хуже собачонки какой. Кажется теперь она не была цела, щиколотка на ноге ныла. Наверное, она подвернула её, пока выполняла свой виртуозный прыжок в комнату.

— Нет... Я не сдвинусь с места, — простонала Пенни, — кажется, я подвернула ногу... — она уже почти плакала, стоя за закрытой дверью, — чертова Ирландия, чертов ковид, чертов лес... — чертов маньяк со своей собакой! Льюис опять начинала жалеть себя и проклинать всё на свете. Ну надо ж было испугаться собаки! И не то чтобы она боялась собак, в доме родителей живут два прекрасных собакена — кокер-спаниель и малыш корги. С собаками она дружна и любит их больше кошек, но тут растерялась, что ли? И что, теперь он тоже будет смеяться?

Девушка огляделась. Кажется, она забрела в спальню мужчины. Небольшого размера комната с кроватью и столом со стулом. Минимум вещей и отсутствие какого-либо декора, как и полагается одинокому мужчине в лесной глуши. Но комната всё равно выглядела уютной. Но здесь было прохладно. И как он тут от холода не замерзает?

— Тут я и умру. Прямо на твоей кровати. Не от голода, так от холода. Как ты тут спишь вообще?! — Пенни явно драматизировала, но проскакала на одной ноге от двери до кровати, — Передай моим родителям, что я их очень люблю! — она села на мягкую кровать, жмурясь от боли в пострадавшей ноге.

Алек

Напугал он ее, видите ли! Это кто еще кого. Дремал, как нормальный уставший человек. В собственном, к слову доме, и тут вой визг, грохот. И вот еще сам же и виноват. Женщины! Он уже успел забыть, как трудно им дается логика и разумное поведение. Хорошая прививка, еще год точно не станет задумываться о возвращении в цивилизацию. Если там все стало еще хуже, чем было, то что он там забыл? Нервы не казенные, уже вымотаны давно в квелые нитки. Нечего их испытывать такими вот особами. Алек качнул головой, перешагнул упавшее на пол полотенце, прикрыв дверь в ванную. Завтра. Со всеми последствиями приема дорогих гостей он разберется завтра. Когда выпроводит и будет уверен, что больше она ничего не успеет разворотить: не слишком хочется по три раза делать одну и ту же работу.

Приступ обиды и злости сделали девчонку похожей на собачку из басни. Оттого стало еще смешнее. Моська, знать сильна, — хмыкнув своим мыслям, бывший майор Лестер уточнил с привычной иронией: — В ливень? Чистая, чтоб волкам было вкуснее? Так я прав,

ты из гринписовцев? Пришла спасать голодных зверей, пусть даже ценой собственной жизни? — Он, конечно. утрировал. Скорее всего побродила бы, промерзла. Может, сломала бы руки-ноги-голову. Волки нынче не агрессивные и еще не оголодавшие до такой степени, чтобы кидаться на людей почем зря. Разве что она покажется зверю угрозой. Алек смерил Пенни взглядом. Внешне никакой опасности не представляет, но зверье чуткое до истинной сущности, а это настоящая беда ходячая.

С другой стороны, давно он так не смеялся, будто в прошлой жизни. Иногда, случись племяннице упасть снегом на голову, доводилось размять лицевые мышцы. С остальными редкими контактами Алек держался отстраненно и потому не позволял достаточно расслабиться, чтобы вот так вдруг разразиться хохотом по пустячному, бытовому поводу.

Гостья снова резко остановилась и заорала. Алек едва успел среагировать, чтобы не снести эту хрупкую преграду на пути следования. Еще повезло, что реакция у него хорошая, а разгон был никакой. Недоумение сменилось новым приступом хохота. Облокотившись ладонью на стену, Лестер снова закатился хохотом.

— Ты всего на свете боишься, женщина? — просипел он между приступами смеха. Едва совладав с которым, взглянул на перепуганную девчонку и снова принялся смеяться. — Это Со-ба-ка. Не видела никогда? — видела, конечно. Ну как тут не поиздеваться то? Это ж надо так испугаться пса. ладно б еще крупногабаритного, так ведь его найденьш чуть крупнее кошки. Несolidная для мужика псина, верно. Алек нашел щенка на улице и пожалел. Пригрел вот, живет. Большой пес тоже был, но остался отчего-то в хозблоке и не пожелал заходить в дом. Может, ему гостья не нравилась?

— Как ты с таким воображением и фобиями дожила до своих лет и еще не спишь под седативными, связанная белой рубашкой? — это ж надо, своей тени тоже боится, интересно?

Дейзи, — вздохнув на смехотворный ультиматум, Алек похлопал ладонью по бедру и собака тут потопала на призыв хозяина, важно миновала чужачку и ткнулась носом в брючину спортивных штанов. Алек улыбнулся ей с привычным теплом искренней привязанности к верному компаньону своего добровольного одиночества. — Голос, Дейзи, — когда собака послушно тявкнула, Лестер с издевкой изогнул бровь и посмотрел в лицо своей пугливой гостьи. — Теперь ты решишь, что я от скуки выдрессировал крысу лаять? — как далеко распространяется сила твоего воображения, девочка?

— Минуту назад ты собиралась покинуть мое общество в поисках компании волков, а теперь отказываешься даже дойти до дивана без уверений, что собака не кусается? — чувствуешь завал по логике, да? Что-то тут не сходится, ты заметила? Пора корректировать линию поведения или начать мыслить. Я слышал, что женский мозг по весу не слишком уступает мужскому. Уже можно начинать им пользоваться.

Бедствие ходячие, — закатив глаза, Алек сел на кровать рядом и принялся ощупывать щиколотку потерпевшей. Сустав работал исправно, не соскальзывал, не щелкал, девчонка поскуливала, но Алек крепко держал ногу в захвате пальцев. — Потерпишь. — Убедившись, что имеет дело не с переломом и вывихом, а всего лишь с легкой травмой и, возможно, растяжением, примостил ногу на диванную подушку.

— Так я не неженка, хорошо сплю, горох не мешает, — усмехнулся мужчина, пройдя к окну. чтобы прикрыть его. Это он прохладу любил, а дечонка сейчас еще замерзнет после купания. — Не умрешь. Я же как-то все еще жив. Впрочем, твоими талантами самоубиться не обладаю. — Вот войну прошел и то выжил. Так что тебе тут не конкурент. как ни крути. — С родителями твоими не имею чести быть знаком. так что уж какнибудь все

признания напрямую, без меня. Я в этом не силен, не маньячное это дело любовь, — Алек усмехнулся, подумал, что тут говорит чистую правду. Давно уж вся эта глупость про любовь выветрилась из головы. — Сиди, принесу теб еще чаю, как обещал. — Он вышел, прикрыв дверь. До Пенни доносился его разговор с Дейзи, звон кружек и пыхтение чайника. Алек вернулся с подносом: две чашки чая, хлеб и сыр. — Раз уж ты так боялась помереть с голоду, ешь. — Вроде бы не так давно они ужинали. Сам Алек не был еще голоден, но в причитаниях гости уловил намек. Шоколада, что по мнению большинства хорошо спасают женщин от тоски и печали разных форм, у Алека не водилось: он вообще не любил сладости. Вина тоже не было. Был коньяк, но Лестер решил, что это не самый подходящий вариант. Так что сыр с хлебом.

— То есть спишь ты сегодня здесь? — уточнил он, садясь на край кровати, примостив на тумбочке сбоку кружки и тарелку с едой, а сам поднос прислонив кровати. — Не помню, чтобы обещал уступить тебе свое любимое место, — зачем было ее поддразнивать? Алек и сам не знал, но девчонка одновременно жутко раздражала своей неприспособленностью к жизни и столь же сильно его забавляла. Сложно удержаться, особенно, когда людей видишь пару раз в месяц и то мельком.

Пенни

Этот день окончательно добил Льюис и выжал последнюю каплю из тех сил, что у нее оставались. Нога ныла, но приходилось выслушивать и отвечать на колкости мужика.

— Откуда ты знаешь, может, я как раз так и сплю — связанная белой рубашкой и именно под седативными! — она прищурила глаза и издевательски сморщила нос, скорчив рожицу Алеку.

Когда собака подала голос, Пенни вздохнула и изогнула бровь, порываясь что-то ответить на очередную колкость от мужчины про крысу. Но вообще-то, он мог бы и крысу выдрессировать, а что его может остановить? Ведь она его не знает. Да и хвала богам — она и не хочет его узнавать!

Пенни взглянула на милую псинку и улыбнулась, глядя в глаза-пуговицы. Теперь Льюис разглядела её получше и больше не испытывала страха.

Вообще-то по домашним животным можно определить, каков хозяин. О таком много пишут. И глядя на Дейзи, в её очаровательные глаза, она была почти уверена, что хозяин дома и этой милой дворняги вполне себе адекватен и, возможно, добр. А возможно, добр он только к животным...

Хм... Пенни быстро взглянула на Алека и поковыляла к кровати. Ей больше не хотелось этого всего — всех этих насмешек, колкостей и сарказма... Она устала.

Лучше бы он и правда оказался маньяком и убил её сразу, чем вот так ходи теперь и мучайся с больной ногой. Ещё и домой добраться как-то надо!

Льюис вздохнула и молча наблюдала, как Алек осматривал её ногу.

— Ай! — она вскрикнула, когда мужчина крепче сжал щиколотку, — ты что ли в этом что-то понимаешь? Точно в норме?

Льюис смотрела на свою ногу и на руки Алека.

Хорошо хоть станком воспользовалась перед выходом в лес... Браво, Льюис! Лучше бы головой пользовалась. Ноги побрила, но в лес поперлась в кроссовках!

Пенни поежилась, когда Алек прошёл мимо неё к окну.

— Вижу, что не неженка... — она проводила его взглядом и опять буквально заставила себя оторвать глаза от его полуголового мужского тела. Пенни посмотрела на собаку и

улыбнулась ей.

— Дейзи? — она обратилась к собаке, — иди ко мне, девочка? — Льюис доброжелательно протянула руку, чтобы дотянуться до собаки. Собака же недоверчиво взглянула на руку, затем в лицо девушки, а затем снова на руку, засопела и улеглась у самого стола, напротив кровати, где сидела Пенни.

— Сиди, принеси тебе еще чаю, как обещал.

Пенни только было собралась встать, как слова Алека заставили её снова сесть на место.

— С твоим тоном, тебе бы командовать какой-нибудь ротой солдат, а не в лесу прятаться, — пробубнила Пенни и с сожалением посмотрела, как хвостатая подруга маньяка прошагала следом за хозяином. Оставшись одна, Льюис посмотрела в окно — дождь даже и не думал кончаться.

К родителям он твоим не пойдет, даже если ты помрешь в этом лесу... Что ж. Надо держаться плана, каким бы дурацким он не был, и уходить отсюда.

Из кухни доносились голос Алека и позвякивания посуды. Пенни глубоко вздохнула и встала с кровати опираясь только на одну ногу. Осторожно она поставила ступню больной ноги на пол и начала потихоньку переносить на неё вес, ведь если она хотела идти сейчас по лесу, ей надо было немного размять ушибленное место.

Резкая боль заставила заскулить девушку и она буквально повалилась вперед. Пенни успела увернуться и чудом не ударила головой о стол, но схватилась за круглую ручку ящика стола и всё его содержимое с грохотом повалилось на пол вместе с самим ящиком.

— Да что ж за день такой?! — Пенни уже даже не кричала. Даже не злилась. Она вдруг почувствовала себя виноватой, но быстро сообразила, что натворила — она увидела вокруг себя кучу каких-то бумаг и документов.

— О, я всё приберу! — крикнула Льюис в сторону двери, ведь наверняка такой грохот слышал весь лес. Благо, в этот раз она осталась цела и даже не ушиблась. И хорошо, что ногу не доломала.

Она села на колени и установила ящик на место, затем принялась спешно убирать документы внутрь, стараясь делать это аккуратно.

Сначала невольно, а потом и с некоторым любопытством она посматривала на то, что написано в бумагах.

...о разводе...

Оно и понятно, мужик-красавчик, конечно, он был женат...

Пенни хмыкнула и аккуратно сложила какую-то папку. А затем в её руках оказался документ, который её напугал.

...освобожден из-под стражи... ...2015 год...

Девушка пробежалась глазами по листку, на котором было много букв и какие-то неизвестные ей печати. Она услышала за дверью шаги возвращающегося мужчины и спешно убрала оставшиеся бумаги в ящик, не особенно заботясь о том, чтобы сложить аккуратно. Закрывая ящик, она заметила удостоверение.

Воинский билет?! Не в бровь, а в глаз, Льюис! Вот откуда такой тон...

Пенни поднялась с пола и снова уселась на кровать, когда мужчина зашел в комнату с подносом.

— То есть спишь ты сегодня здесь? Не помню, чтобы обещал уступить тебе свое любимое место,

— Спасибо, — она виновато посмотрела на него, — я могу поспать хоть на коврике с Дейзи, где скажешь...

Льюис отвела глаза и посмотрела в пол. Взгляд зацепился за листок бумаги и она, немного нахмурившись, вздохнула.

— Я снова чуть не разнесла твой дом, — ей не было смешно и она надеялась, что и Алек не будет хохотать в этот раз, — тот ящик, — она кивнула в сторону стола, — он выпал, когда я пыталась не упасть. И там... документы... И бумаги, — Пенни начала тараторить, — но я всё собрала и вернула на место... Ну, почти всё, — она пожала плечами и указала на листок бумаги под столом, — прости, я своя не своя сегодня... Это всё навалилось... и еще ты меня напугал... — Пенни уже всхлипывала, — и я вымокла... и я устала, — она почувствовала, как потекли слезы из глаз. Она не смотрела на Алека, а изучала чашки с чаем, что стояли на тумбочке.

— Ты...

Давай Льюис, скажи это! Ты... Кто? Уголовник? Сиделец? Бывший заключенный? Как его назвать?

— Ты... военный? Я видела военный билет с твоим фото, когда собирала документы.

Пенни теперь только решилась посмотреть в глаза мужчине. Она его совсем не знала. А от того, что увидела, стало страшно, ведь не было понятно, что твориться у него в голове, что он сейчас сделает? Выйдет ли из себя? Обругает Пенни? Выставит её за дверь предварительно стянув с неё свои вещи? Она вовсе не хотела того, что произошло. Она не хотела знать того, что прочла. И, конечно, она не скажет, что видела больше, чем положено “залетной” гостье.

Алек

Наливая чай, Алек поймал себя на мысли, что улыбается (!) Весьма неожиданно для самого себя. та девчонка была, беспроно, ходячей бедой, но смешная. Презабавная, намного смешнее даже Дейзи — единственной его забавы в этой глуши.

— Как будто ты в этом что-то понимаешь, — передразнил Лестер, насыпая в заварочный чайник травы. Знала бы ты, девочка, насколько много я понимаю во всем этом, куда больше твоего так точно. Повоюешь с мое, научись и пмп оказать и выживать в глуши, казалось бы, к жизнь вообще не пригодной. Мужчина усмехнулся, поставив чайник настаиваться, накрыл его толстым полотенцем. Сам облокотился на край стола, раздумывая. На самом деле, девчонку он только дразнил. Лезть к ней в койку не собирался, пусть судьба будто специально толкала к этому решению. Алек не хотел проблем, усложнять свою жизнь и добавлять в нее какие-то переменные. Если они закончат этот вечер в кровати. то все сведется либо к истерике с утра, либо к заявлению, что у них теперь все по-взрослому и потому она так просто его не оставит. Однорзовый перепих совершенно не стоил всех этих нервов и энергозатрат. Снять шалаву обойдется дешевле, право слово.

— Ротой командовать, — снова хмыкнул Алек, разливая чай через сито в чашку. Аромат мяты и липы наполнил небольшую кухню. Мужчина глубоко втянул воздух, наслаждаясь этим чарующим запахом уюта и тепла. — Так себе удовольствие. — В самом деле, самое трудное для него в армии было терпеть глупость мальчишек-салаг. Изнеженные срочники, совершенно не приспособленные ни к жизни, ни к службе, ни к самообслуживанию даже. Будто нынче культ инфантилизма. Поколение Интернет, чтоб его. Эта Пенни тоже из миллениумов. Даже жалко ее. Потому, видать, такая неловкая, непродуманная и недалновидная. Одни кроссовки в сеточку в походе, чего стоят. Этож надо додуматься.

Почему еще не сандалии? Слава Богу, что не они.

Алек уже пристраивал кружки на поднос, когда вздрогнул, услышав очередной звон и грохот.

— Да что ты за беда такая? — устало вздохнул он, но бежать и спасать не торопился. Голос бодрый, значит, не помрет. Подхватив поднос с чашками. Лестер спокойно поднялся в спальню, заглядывая в двери.

— Дейзи будет против, она не любит чужаков и делиться, — я тоже, кстати. А еще меня она тоже считает своей собственностью, представляешь? — Оглядев комнату, Алек сразу установил причину грохота, он уже было хотел спросить, КАК на этот раз, но глаза его зацепились за лежавший на полу лист из документов ящика. Лестер нахмурился, лицо его стало суровее, а взгляд похолодел.

Примостив поднос на тумбочку, Алек присел, поднял бумагу и вложил ее обратно в ящик, заметив, что там тот еще бардак. Значит, копошилась в бумагах. Он даже мог допустить, что в самом деле не специально, но жизнь научила не верить людям.

— Нашла что-нибудь интересное? — Холодно уточнил он, продолжая сидеть на корточках и глядя колючим, злым взглядом на девчонку. — Документы жертв? Зубы в коллекцию на память? Отметку о судимости? Что там у маньяков хранится в шкафах по версии твоих глупых книжек? — Звучало как шутка, грубая и злая, но в каждой шутке... Алек смотрел в глаза девчонки не отрываясь, ожидая, реакции на свои слова. При слове судимость Пенни сморгнула. Алек усмехнулся. Так и думал. — Любопытство это грех, Пенни. Тебе мама с папой не говорили? — Алек медленно поднялся, все еще гипнотизируя девчонку колким взглядом. — А грехи предполагают расплату.

Он молчал какое-то время, слушая сбивчивые ее оправдания, раздражающие всхлипы и теперь это казалось наигранным и искусственным, а не милым и смешным, как еще совсем недавно. Лживые суки. Все как одна. Любопытные, наглые и расчетливые. Как будто вшито в генетический код каждой бабы.

— Был, — коротко бросил Алек, наконец снизойдя до ответа. — Так что стреляю хорошо, на случай если решишь сбежать, учти это, — повернувшись, он пошел к двери из спальни, остановившись на секунду, чтобы предупредить. — Собираюсь тоже помыться. Буду признателен, если укротишь свое любопытство и перестанешь совать нос в мои личные вещи. Я все равно узнаю, Пенни Льюис. А я очень не люблю непослушных девочек. — и вышел.

Пенни

Документы жертв? Но ведь никто не путешествует с документами. Жертвы в лесу точно были бы без документов. Пенни не решилась произнести эту "шутку" вслух, потому что взгляд мужчины готов был сжечь её заживо — злости в нём было немерено. Оно и понятно — мало кто хорошо бы отнёсся к тому, что в твоей личной жизни так вот нагло ковыряются. Но ведь Льюис не хотела. Она не ковырялась!

Было трудно доказать, что она не лжет. Потому она просто молчала и переводила взгляд с лица мужчины на кружки с чаем, расставленные на подносе. Помимо злости, во взгляде Алека читалась некая надменность и ...точно недоверие. Пенни тысячу раз хотела провалиться. Возможно, он и был судим, но это...личное, об этом не говорят первой встречной. Она не хотела этого знать, видеть, она правда не хотела. Но надо ли было оправдываться? Льюис видела, что это было бесполезным.

— Я не очень-то верующая, чтобы знать обо всех грехах, — выдавила из себя Пенни, —

но в моих глупых книжках об этом пишут немного. А еще, там пишут... — о разном, о многом, о том, чего в жизни Пенни нет, но сказать она уже не смогла. Ком, что подкатил к горлу, не дал ей возможности договорить и она просто всхлипнула. Опять. Но ведь и не говорить же о любви в такой нелепый, ужасный и постыдный для Пенни момент!

Когда Алек поднялся с пола, он стал будто еще больше возвышаться над ней. Она почувствовала себя невероятно маленькой и беззащитной. Всё вокруг казалось огромным вместе с хозяином дома — и стены и даже кровать, на которой она сидела.

— Прости... — слово, сказанное полупшепотом, прогнало ком из горла, — я не хотела, правда. Не знаю, как заслужить твоё доверие и надо ли это вообще делать, — Пенни смотрела в пол и не решалась смотреть на мужчину, она уж точно запомнила этот взгляд и вряд ли уже когда-то забудет, — но я не полезу никуда больше. Постараюсь вообще сидеть на месте.

Ощущала она себя нашкодившим котенком (каким, между прочим, сейчас и была по сути) и ей хотелось сбежать. И от стыда и от Алека. Хотя, кажется, от второго теперь было сбежать намного проще.

Вообще, бежать от проблем в личной жизни — это привычное дело для Пенни. Не решать их здесь и сейчас, не копаться в том, что сделала не так, не доказывать свою правоту или чужую, а просто уйти. Уйти от ненужных разговоров, от неприятных взглядов. Так она делала. Возможно, то, что она не умела говорить со своими избранниками и являлось причиной того, что она до сих пор одна.

Стоп! Стреляет?! Он серьезно?

По спине пробежали мурашки. Ей и правда хотелось убежать, надо было только дождаться удобного случая. Не то чтобы ей хотелось проверить правдивость этих слов, то, что Алек стреляет без промаха — в этом почему-то не было сомнений, сомневалась она в том, что он станет стрелять в людей, в неё. Вот уж точно она не видела в нем убийцу. Она не имела понятия, за что Алек был осужден, но не верилось, что за намеренное убийство. Но проверять она, конечно, не будет.

— Нечего будет узнавать, я не сделаю ничего плохого. — Так говорят послушные девочки? Пенни проводила взглядом Алека и, когда услышала, как закрылась дверь в ванной, быстро встала с кровати, чем заинтересовала прибежавшую в комнату Дейзи, и направилась в прихожую.

С такой болью в ноге далеко не уйдешь...

Она с грустью и сожалением посмотрела на ногу и попробовала растереть её. Чуть поморщившись от боли, Льюис взяла свои кроссовки и залезла в них, сразу же ощутив, что они до сих пор были сырыми внутри. Сбежать от Александра Лестера стало наваждением, не иначе. Имя и фамилию мужчины Пенни видела в документах. Случайно увидела, случайно запомнила. Вот и зачем ей это было нужно?

Она накинула на себя дождевик Алека, подумав, что он, конечно, будет против, но ей уже не будет до этого дела. Пенни вышла из дома и чуть постояла на небольшой веранде под крышей, всматриваясь в темный лес и слушая дождь. Шаг и еще шаг, и вот она уже привыкла к боли и даже приноровилась идти так, чтобы меньше эту самую боль ощущать. Однако, глухой звук закрывающейся двери заставил её остановиться и медленно обернуться. Сердце стучало где-то в пятках, хлюпая сырыми кроссовками, а капли дождя шумно опускались на капюшон дождевика.

— Mierda! — от страха выругалась девушка на испанском, когда увидела сверкающие

глазки-пугови, идущие за ней по пятам, — что ты здесь делаешь, красавица? — она присела на корточки и посмотрела на собаку, — иди домой! — она махнула в сторону дома, но собака лишь проследила за её рукой и уставилась в глаза Пенни, — давай же, por favor!

Пенни просидела так некоторое время и со вздохом поднялась. Неужели, собака пойдет за ней? А как же её безоговорочная любовь к хозяину? Пенни даже сделала еще несколько шагов от дома, но собака не желала отступить, она шла за ней и останавливалась, когда останавливалась Пенни.

— Ох, не-ет! Пожалуйста, не заставляй меня возвращаться! Не ходи за мной, Дейзи, — на звук своего имени собака чуть повернула свою ушастую головку на бок. Пенни немного посмотрела на неё и перевела взгляд на окно дома, в котором виднелся тусклый свет от камина.

— Что ж, ладно, девочка... Только ради тебя, — она кивнула собаке и зашагала обратно к дому. Пенни решила, что это было бы верхом наглости — порыться в документах, а потом сбежать и прихватить еще и собаку.

Она стянула с себя кроссовки и передела носки, которые она достала из рюкзака и которые чудом остались сухими. Рядом с остальными вещами она увидела книгу. “Шоколад” и без того изрядно потрепало, но теперь книга и вовсе выглядела так, будто её достали из сырого чердака. Пенни вернула дождевик на вешалку и прошла в кухню. Судя по тишине в доме, Алек всё еще мылся.

— В холодной ванной? — Пенни повела плечами, вспомнив свой бодрящий душ и тут же сообразила, как может хотя бы попробовать извиниться. Насколько это возможно в незнакомом доме.

Льюис поставила греть чайник, довольно быстро разобравшись, как включается плита. Затем сходилa в спальню и взяла кружки с остывшим чаем. Возвращаясь в кухню, взгляд заметил шарф на крючке и входа, она его прихватила с собой. Вылив всё содержимое кружек в раковину, она налила свежий чай и поставила кружки на стол. Нога всё время ныла, но Пенни уже почти не замечала боль, лишь немного прихрамывала, когда наступала на неё. Она взяла свою книгу и ручку из рюкзака. Оторвав кусочек листа в конце книги, Пенни быстро написала записку. Она укутала кружку Алека шарфом и положила записку на стол рядом.

Прихватив с собой плед с дивана, она направилась к выходу с книгой и кружкой в руках. Дейзи опять заинтересованно подбежала к двери. На этот раз Пенни дождалась собаку и они вместе вышли на веранду. Удивительно, но дождь оставил тонкую полоску сухого пола у самой стены дома под крышей и Пенни смогла пройти до стоявшего здесь плетеного кресла. Она поставила кружку с горячим чаем на подоконник, укуталась в плед и разместилась в кресле. Открыв книгу, Льюис повернулась так, чтобы слабый свет от окна освещал страницы.

— ...Он заключил моё лицо в ладони. Слишком мягкие для работяги, бледные и мягкие, как у женщины, — начала читать вслух Пенни, поглядывая, как собака пытается разместиться у её ног, — ...я поцеловала его. Он пах краской, мылом и шоколадом... Мне всегда казалось, Ру неравнодушен к Жозефине. Целуя его, я это понимаю, но вот она — единственная магия, что поможет нам победить эту ночь... — собака улеглась на большую ногу Пенни и девушка потрепала её по голове, — ты знаешь, *mi querido*, Ру — красавчик, — собака подняла на неё мордочку, поблескивая глазами и мокрым носом, а Пенни вздохнула, — откуда тебе знать, наверняка, твой хозяин не смотрит таких фильмов и не

читает таких книг...

Вокруг шумел дождь и, казалось, не хотел кончаться. Как и эта ночь. От звука дождя хотелось спать, собака приятно грела ноги, но Пенни куталась в плед, пила чай, который стремительно остывал на свежем воздухе, и продолжила читать, чтобы дожидаться Алека.

ЗАПИСКА: Горячий чай для тебя, чтобы согреться после ванной.

Шарф висел на вешалке у входа, я не шарилась в твоих вещах.

...Прости.

П.с.: не стреляй, я не сбежала. Вышла на веранду.

Алек

Не специально она, как же. Маленькая, любопытная, как все бабы. Причем маленькая буквально. Складная такая, миниатюрная. И проблемная.

— До чего ты докатился, Лестер, — с явным отвращением к самому себе недовольно пробурчал Алек, избавляясь от штанов и трусов. Вода в ванной уже, конечно, остыла. Алек пустил струю из крана, но котел то ли выжал все, что мог на жалких крохах сохраненной энергии, то ли насос вырубил по той же причине. Словом, напор такой, что он ссыт больше, чем течет из крана. Впрочем, ему явно не помешало остыть, так что хер бы с ней с горячей водой. В бытность свою еще молодым старлеем, летчик Лестер ночевал в таких местах, что там и холодная вода за роскошь. После пары дней остервенело чесалось все. Пот и грязь, иногда с чужой и своей кровью, казалось, напрочь въедались в кожу. А тут ванная вот, погром не так уж велик опять же. Погромщица и та крупнее.

Чем больше он вспоминал эту Льюис, стыдливо завернутую в полупрозрачную занавеску для душа, тем жарче пекло изнутри. Алек опустил в лужу, набранную еще для девчонки. Мысли о том, что она вот тут сидела голым задом на этом же холодном чугуне вызвали совсем не те чувства, что Лестер хотел бы испытывать. Замерзшие под холодным плевком душа розовые соски (твою мать, она так жалась к этой проклятущей занавеске, а он все равно даже цвет ее сосков успел рассмотреть и, дьявол ее дери, запомнить) сами собой всплыли в памяти, стоило только на секунду прикрыть глаза. Тело тут же отозвалось вполне привычно и закономерно. Алек выругался, потянувшись за куском мыла. Эти ваши новомодные души хер потом смоешь холодной водицей, а ходить блеснуть, как недоделанная звезда порноиндустрии он точно не собирался.

Натерев мочалку старым куском банного, плюхнул на разгоряченное тело, едва не зашипев от разницы температур. Даже сейчас эта горе-туристка стояла перед глазами, закутанная в жалко свисавшую с края ванной оторванную занавеску. Надо завтра починить что ли...

Сидит там, небось, сжавшись в комок. Он хорошо запомнил ужас в почти детских этих глазах. Да сколько ей, мать ее лет, что выглядит таким ребенком. И с каких пор его так отчаянно потянуло на детский сад? Никогда не любил подряжаться нянькой и возиться с молодняком, а тут впрягся почти добровольно за спасибо. Еще и боится его, дурочка.

То крушит все, то ревет и извиняется. Ну дите, как есть.

Проблема была как раз в том, что сам Лестер был рьяным противником эмансипации и феминизма, считал, что самое прекрасное борцухи за единство прав с мужиками и равенство полов потеряли. Как раз во эту хрупкую женственность, бедовость, заставляющую тебя в пекло лезть, чтобы прикрыть незащитное и безмозглое создание своей грудью.

— Ты мамонт, Лестер, — зло припечатал Алек, зная, что таких вот старомодных все меньше с годами. Пережиток прошлого, а не человек. Как там нынче модно говорить, если

баба обтянула задницу штанами, то не стала от этого мужиком. От штанов, может и не стала, но от замашек этих вот небабских точно. На мужиков у Лестера никогда не стоял, хоть жена открыто и заявила, что два года строгого не могли не повлиять на его взгляды в вопросах разных любовий. Сука. До сих пор не мог ей простить, ни страха в глазах, ни презрения, ни тона вот этого.

— Думаешь я дурочка наивная? Ты два года сидел, Лестер. Либо сам имел, либо тебя. Оба варианта у меня вызывают тошноту, — как он всадил ей тогда от души по губам этим бесстыжим, один бог ведает. Чудеса выдержки, не иначе.

Остервенело растирая кожу жесткой люфой мочалки, Алек все никак не мог выкинуть из головы полуобнаженную Пенни, чья растерянность так легко сменилась неприкрытой вспышкой злобы, что он задался вопросом, что ж там за характер под кукольной оберткой. Это ж такой разгон от депры до берсерка. Пару секунд и вы у цели. Внимательный его взгляд успел выцепить пожарище негодования под черной бездной зрачка. Так и подмывало узнать, насколько далеко этот жар распространяется. Он мог легко вообразить, что беспокойной его гостье надоест сидеть в ожидании обещанной расправы и она явится выслушивать помилование. Прямо вот так сюда и припрется. Остановится в дверях, разглядывая его голого, напряженного, с комьями мыльной пены по плечам, а потом сделает шаг вперед, другой... заберет из рук чертову мочалку, протянет маленькую свою ладонь...

Из ванной Алек вышел еще злее, чем был до купания. Первым делом направился в комнату, обернувшись полотенцем, потому как, естественно, забыл взять с собой вещей на переодеться. Раньше-то мог себе позволить щеголять голым задом туда сюда. Девчонки в комнате не оказалось. Он даже испытал некоторое разочарование, подспудно желая завиться ей под нос полуголым. Хотелось посмотреть на реакцию.

Наспех накинув пижамные штаны из плотной фланели (пришлось обзавестись, чтоб не отморозить зад и хозяйство в затяжную здешнюю осень), Лекстер схватил комплектную рубашку, застегивая пуговицы уже на ходу. Чего торопился? Не думал же, что дуреха эта сбежит с вывихом и полуголая? Хотя, с нее бы случилось. И куда пойдет, идиотка? Злость и неясного происхождения беспокойство подгоняли буквально в спину. Только у двери он услышал знакомый уже голос, выдохнув спокойно и отчего-то расслабленно. Решил налить себе чаю, прежде, чем совать нос на крыльцо.

— Доверие заслужить, — насмешливо передразнил Лестер, наткнувшись взглядом на оставленный “подарочек”. — На кой черт тебе мое доверие, девочка. — Заслужить его и раньше было не просто, а нынче так подавно непосильная почти задача. Алек развернул записку, быстро пробежав глазами по буквам, сложил вдвое, подхватив кружку. — Маньяка, уголовника и хмурого типа до кучи. Ты ж боишься меня, как заяц лисицу.

У двери мужчина замер, прислушавшись. Девчонка читала вслух какую-то низкопробную бульварщину, романтического, естественно толка. Алек поморщился, толкнув дверь плечом.

— В какой серии этот влюбленный в другую бабу красавчик разложит полезную с поцелуями дамочку прямо где придется? — уточнил он равнодушно. — Ну а что? Какой дурак откажется, раз так настойчиво предлагают? Или он евнух? — Опершись плечом о дверной косяк, Лестер покрутил в воздухе зажатой между пальцами запиской. — Не думал, что владельцы книжных лавок такие вандалы. Меня за такое отношения к книгам в детстве бы выпороли. — Может и тебя стоит, а, девочка? Родаки-то небось не пороли. Иначе как ты такая бедовая выросла.

— Ну чего? Читай давай дальше, — кивнув на книгу насмешливо предложил Алек, отпив чаю. — Тебе не говорили, что читать и заниматься — очень разные вещи? В этом деле теория так себе советчик, знаешь?

Пенни

Пенни уже носом клевала, но всё же старалась не уснуть. А то ведь уснёт здесь и так и проспит до утра в этом кресле на улице, промерзнет. Не станет же её хмурый полуголый знакомый таскать её на руках спящую... А на утро он съязвит что-нибудь в своём духе... На него было бы похоже. Не то чтобы Пенни его знала, но того короткого промежутка времени, проведенного с ним, уже хватило, чтобы немного понимать, что он может сделать. Ну, может это и слишком громко сказано, но во всяком случае, Пенни поняла, что её общество (а может и вообще — женское общество в целом) ему неприятно. Зачем же притащил её к себе, раз такой... женоненавистник!

Пенни фыркнула. Вот точно, как есть, женоненавистник... Где ж он так разочаровался в женщинах, что всех под одну гребёнку? И про инстаграм ей сказал... и "знает он таких". А может она и не такая вовсе? И сроду не вела инстаграмов. Хотя, надо бы. Вот бы раскрутила книжную лавку! Ходила бы выкладывала фоточки с интерьерами дома в лесной глуши и писала бы посты, что-нибудь в духе... Джейн Эйр.

Собака подняла голову и посмотрела в сторону двери, её маленький хвостик зашевелился и Пенни поняла, что за дверью появился хозяин дома.

— О, я знала, что приглашение на веранду заставит тебя одеться, — немного насмешливо проговорила Льюис, отвлекаясь от чтения, и захлопнула книгу.

— Представь себе, они разлеглись прямо в траве на следующей же странице! — язвительный тон в ответ на его холодный. Пенни понимала, что провинилась, но она попыталась сказать, что она не специально, она попыталась попросить прощения. А потому не понимала этого железного тона и равнодушного взгляда. Хотя, на счет взгляда она была не уверена, потому как старалась не вглядываться в его глаза и была очень благодарна темноте их окружающей.

Отчего-то внутри всё сжалось в комок. Легкая расслабленность и спокойствие улетучились уступив место новым чувствам. Это так от него веяло напряженностью?

— Поверь, мои родители были строги со мной и любовь к книгам прививали с рождения, — она даже было улыбнулась и чуть не вдалась в воспоминания, но вовремя вспомнила, кто перед ней. Незнакомцу (ну хорошо, малознакомому типу) вряд ли было бы интересно, как отец возвращал в ней любовь к книгам, — однако, чтобы не попасть в неприятную историю еще раз и не наткнуться, например, на останки трупов, пока я ищу клочок бумаги, чтобы записку тебе написать, чтобы ты не начал палить по девчонке, — Пенни пришлось на секунду остановиться, иначе её бы понесло не в ту степь, — пришлось пожертвовать клочком бумаги из любимой книги. На что только не пойдешь, чтобы остаться в живых. — Ох, еще чуть-чуть и эта ночь её доконает.

— Читать дальше? Чтобы рассмешить тебя еще больше? — она вдруг встала с места, — Я не железная, Алек. Думаешь, мне приятно слышать от тебя все эти насмешки? — было обидно. Напряжение внутри расплзлось гневом, в ушах вдруг начала пульсировать кровь. Она сделала шаг к мужчине и оказалась к нему близко. Наверное, слишком близко.

— Ты сделал для меня за один только вечер очень много. А я не знаю, как отблагодарить тебя! Простое спасибо подойдет? — ох, кран открылся... слушай Лестер, — Со мной такого не случалось раньше. Я попыталась быть милой и благодарной, я попросила

прощения, что увидела того, что не надо видеть. Представляешь... — она на миг остановилась, — хотя нет, врать не буду, я не была послушной. И убежала бы от тебя куда глаза глядят. Да только не могу я так сделать. ДА! Я трусиха! — голос срывался на крик и она приложила тыльную сторону ладони к губам.

— Что же ты?! Выпори меня! Я ведь ослушалась! Сбежать попыталась. Давай! Накажи как-нибудь! На горох коленями поставь! Что ты же ты стоишь?! — Пенни распирало от злости. Могла ли она скрывать? Могла ли сдержаться? Вполне. Могла бы уйти, закрыться в другой комнате. Но она не была у себя дома. А этот...этот...Алек всё время запугивал её.

— Не беги, Пенни, а то стрелять буду! — она передразнила его, сделав свой голос глубже, — Что же ты меня не отпустишь?! Что, где-то здесь сердце есть? — Пенни ткнула пальцем в грудь мужчины, а сама перевела дыхание, которое срывалось от злости и всхлипов. Кожа на её щеках горела, а собственное сердце колотилось так, что казалось вот-вот выпрыгнет из груди.

— Притащил к себе девчонку, чтобы поизмываться?! Считаешь меня глупой?! Всем своим видом показываешь, что я тебе неприятна! Думаешь, я желала с тобой повстречаться? Думаешь, хотела остаться? В душу твою влезть?! — казалось, Пенни было не остановить, в ушах пульсировала кровь, а внутренний голос пробивался сквозь пучину ярости, заполнившей всё её существо, стараясь призвать её к спокойствию. — Никак нет, Алек Лестер, — она сделала акцент на его имени, — я не хочу тебя узнать, не хочу знать, что ты натворил и почему оказался здесь!

Дождь всё шумел вокруг них, создавая ощущение, будто кроме них двоих здесь и не было ничего и никого. Ни этого дома, ни леса, ни собаки. Только дождь, Пенни и Алек.

Пенни смотрела на Алека заплаканными глазами и прерывисто дышала, как дышат дети после истерики. Она разрывалась на части от обиды, злости и непонимания.

— Так пропусти меня, покажи, где лечь. А если я много прошу, то отпусти. А не запугивай тем, чего на самом деле не сделаешь. — она продолжила более спокойным тоном, выдохнула и убрала руку от груди мужчины. Пенни так полыхала внутри, что казалось даже снаружи стало жарко. Она стянула плед с плеч и держала в руках, а сама буравила взглядом Алека, ожидая его реакции.

Алек

Так и подмывало спросить, чем ее так не устраивала его привычка ходить без рубашки. Оскорбляла взор непотребным своим видом или тоже рождала совсем не те мысли?

Задумчиво разглядывая девчонку в кресле, он гадал, с чего у нее любимая книга этот вот романчик. Из услышанного Алек сделал вывод, что книжка поверхностная из серии "я люблю тебя до гроба, приходи на сеновал". Пенни будто смаковала страницу за страницей.

— Не удивительно, — усмехнувшись, обронил мужчина, сам гадая, читала ли Льюис все эти интимные подробности из жизни героев, пролистывала ли. А если читала, то представляла ли себя на месте героини, как это свойственно большинству девушек, согласно неумолимой науке статистике. Определенно, читать о сексе это куда менее приятно, чем им заниматься и даже чем просто смотреть. Возбуждали ли ее эти описания? Отчего-то вдруг представилось, что в ходе чтения Пенни останавливается, ее маленькая ладошка ловко скользит за пояс спортивных брюк, оттягивая трусики.

Алек вздохнул, сведя скулы, желваки напряглись, тело отозвалось новой волной жара. Лестер с трудом отвел глаза от державших книгу пальцев, злясь на себя за наваждение, не очень понимая, какого черта как заведенный мысленно ныряет ей в трусы. Все же не

вчерашний мальчишка, чтоб вот так.

Не железная, подумайте только... Так и подмывало напомнить, что он вообще-то тоже. Совершенно не железный. И что лучше и безопаснее, если он станет подшучивать над ней, чем даст волю рукам и всему тому, что родилось в его явно одурманенной голове. Он даже сейчас, будто дурел от ее запаха, смешанного с запахом его мыла. Они оба им вымылись и теперь казалось, что от нее пахло им самим. Мысли эти отчего-то выбили воздух из лёгких. Разошедшаяся не на шутку Льюис этого, конечно, не заметила, слишком увлеченная своими претензиями. Затянутые слезами глаза казались ещё ярче и крупнее, девчонка то и дело покусывала и без того пухлые, сочно-розовые губы, от чего они набухли и Алек поймал себя на том, что сквозь вату этих мыслей в трудном вообще разбирает, о чем она с таким упоением орет. Истеричка, но, мать твою, соблазнительная до судороги!

Вообще, Алек ненавидел женские истерики, как и большинство собратьев. Знал пару действенных способов, как с ними бороться, но ни один из них сейчас не подходил. Пусть заткнуть ей рот хотелось невероятно. Смять эти дрожащие губы, затолкав языком назад все колкие слова и обвинения.

— Ты извращенец, Лестер. С каких пор тебя торкает от вида ревущей бабы? — надо чаще выбираться в люди, определенно это должно помочь с починкой крыши, так не вовремя давшей течь.

Алек прикрыл глаза, как раз когда Пенни всхлипнула. Звук этот резанул по нервам, отозвавшись тянущей болью в животе. И это ещё она не железная! Да надо обладать выдержкой бога, чтобы не прибить на месте или не трахнуть прямо тут, чтобы если и всхлипывала, закусывая свои мягкие губы, так под ним, от желания и удовольствия. Как раз бы и за спасибо сошло.

Убежала бы она, — Лестер открыл глаза. Холодные, острозаточенные зрачки. Не ты первая девочка, не ты последняя. Бежать прочь от этого опустившегося человека. Где-то он уже слышал ту песню

Так себе мотивчик, пренеприятный. Лестер тут же ощерился, будто оберегая себя от нового потока колкой, бьющей так метко отповеди.

— С удовольствием бы выпорол, — сквозь зубы вворачивает он, представляя, как красный след от его ладони расползается по нежной белизне ее напряжённой после порки ягодице. Станет ли она всхлипывать так же? Кусать губы? Или браниться?

И на колени бы тоже с удовольствием поставил, даже без гороха. Пусть бы применила свой рот с большей пользой и приятностью, чем заваливая его обвинениями.

— О чем, ты блядь, думаешь, Лестер, — едва не застонав от мыслей, что губы ее, влажные от слез сомкнулись на его напряжённом члене, Алек облизнулся, продолжая слушать, едва слыша, что там она ещё имела ему сказать. Слова бились в затуманенный мозг и не доходили до центра обработки информации, увязнув, как мухи в паутине, в липком желании получить ее. Что ему мешает просто взять ее здесь? Кроме миллиона разумных доводов и не схороненной ещё человечности, конечно. Он, может, мудака, херовый муж и никчёмный вояка, но точно не насильник. И даже не убийца.

Ему-то казалось, что шутки его очевидно, что шутки. Вроде бы они ещё в начале выяснили, что Пенни не боится и даже не считает его достойным звания маньяка. Видно, документы имеют удивительную власть убеждения.

— Все сказала? — холодно уточнил Алек, когда девчонка убрала, жгущую грудину свою ладонь. То место, где палец дырявил грудную мышцу, резко заиндевело, под напором

ветра. — Нет там сердца, Пенни, даже не рассчитывай отыскать. — Было когда-то, но выкорчевали, как отживший свое старый дуб. Высохший и опасный для прохожих.

Так что все верно. Не нужно узнавать, не нужно оставаться, не нужно проявлять интерес. Все так. Знакомые слова, знакомый сценарий. Эту пьесу он уже видел в трёх актах. Насмотрелся. — Притащил, чтоб не околела к чертям в лесу, не переломала ноги и шею и не пошла на корм волкам или червям. И теперь вынужден вместо простого спасибо чинить ванну, разбирать бумаги и выслушивать нелепые обвинения с цветастой истерикой в придачу. Хороша благодарность, ничего не скажешь.

— Чего ж ты боишься, — поймав пальцами все ещё дрожащий подбородок, Алек сузил глаза, — раз решила, что ни одну из угроз не исполню? Дрожишь, как осиновый лист на ветру... Тяжёлый у тебя день? Все срочно должны войти в положение? Что плохого ты видела в этом доме, кроме безобидной иронии? Я издевался над тобой? Бил? Может, взял силой? — Смяв большим пальцем искусанные ее губы, Алек усмехнулся. — Мог. В такой-то глуши. Ты стояла, прикрытая жалкой полупрозрачной занавеской, в пустом доме, посреди nowhere. Я мог трахать тебя пока у тебя бы не осталось сил даже рыдать, — что смотришь, правда колется? Вместо этого дал одежду, еду, чай тебе принес в койку. Пальцем не тронул, твою мать! Хотел, но сдержался. — А ты стоишь тут обиженная, как попанная святыня и читаешь мне отповеди о том, как быть джентльменом? Так я не он. Сразу предупреждал. — убрав руку, Лестер сделал шаг вбок, освобождая проход к двери. — Где кровать ты помнишь. Дверь не запирается, но в гости за благодарностями не приду

Можешь спать спокойно. Утром, как дождь утихнет, отвезу тебя к поселку и забудешь, как страшный сон. — Вернёшься к своим сюсюкающим донжуана с конфетами и восторженными речами. Каждому свое, Пенни Льюис.

Пенни

Его палец вдруг оказался на губах. Никогда ещё она не испытывала более противоречивых чувств, какие испытывала сейчас. Он до сих пор казался таким... большим и сильным, а Пенни чувствовала себя такой жалкой и никчемной. Пальцы Алека перебрались на подбородок, заставляя её смотреть на себя. Его взгляд пронизывающий, будто... раздевал её, сдирая одежду, кожу, всё вместе, будто забирался в самое нутро, чтобы показать какая она есть на самом деле. Но это всё его домыслы. Он посчитал, что она тут всем пользовалась и не была благодарной и истерика эта...

Слезы Пенни катились по щекам, оставаясь на губах солью, а она чувствовала прикосновение Алека и боролась с самой собой, чтобы не броситься к нему в объятия и снова не разрываться. Только теперь в его руках. Такое возможно? Только что она его ненавидела, только что она хотела бежать...

Пенни Льюис, у тебя пмс? Или просто мужчина не такой как все и ...тебе это нравится? Хочется вызвать его на эмоции? А он стоит такой железный и хватает тебя за подбородок говоря о том, что приютил и не трахнул...

— Можешь спать спокойно...

Благородство. Она рядом с ним казалась чудовищем самой себе. От вновь накативших чувств, она стряхнула его руку с себя и кинулась на него с кулаками и с каким-то рыком. Пенни толкнула Алека к стене и прижала его своим телом, не совсем понимая сама, что происходит.

Обида? Злоба? От того, что всё правильно сказал? Но ведь на правду не обижаются.

Она не хотела его бить, да и невозможно это, с такой его комплекцией, просто прижала

кулаки к его плечам и от безысходности что-то проскулила. Фонтан эмоций снова вырвался из неё слезами. Возможно, впервые в жизни человек был с ней откровенным. Так вот, не утаивая ничего, сказал, как есть, а она... дурочка, она тут истерики устраивает.

Его тело под её кулаками казалось напряжённым, Пенни всхлипывая где-то под его подбородком, не в силах спорить и вообще что-либо говорить. Она хотела стучать по нему кулаками, доказывать, что он не знает её, а ещё хотелось благодарить.

Кулаки бессильно разжались, ладони горячие скользнули вниз по мягкой ткани рубашки, остановившись у бёдер и отправив до сих пор зажатый плед на пол. Льюис не хотела больше препираться и самым правильным решением было бы пойти спать, сделать, как он сказал, пройти внутрь дома, а не прижаться вот так к нему, к груди щекой, а руки завести за спину, почти обнимая. Он был прав, чёрт возьми, прав! Сколько благородных таких в этом треклятом лесу? Она принесла ему разруху в дом, навела суету и теперь вот мозг выносит, а меж тем, другой бы на его месте уже давно бы сделал своё дело.

Быть благодарной. Нужно быть благодарной. Но как?

— Ты прав... — всхлипывая, она думала только о том, что наверное не сможет больше в глаза смотреть ему, — ты прав, прости...

О, боги, она бы хотела, чтобы он её сейчас обнял! Она отправилась в лес, чтобы "проветриться", отвлечься, развеяться. Это было самым лучшим решением в её жизни, сейчас она так и думала. Вряд ли этот бугай Алек сможет понять её чувства, всё, что сейчас происходит, наверняка, выглядит, как "пожалейте бедную овечку". Но на самом деле, Алек сейчас сделал то, что нужно было ей. Будто пощёчин надавал. Или ледяной водой облил. Ещё раз. Он это сделал и вряд ли осознавал сам, как помог ей. Это его опыт, его возраст сказывается? В таком случае, Пенни была бы рада встретить его при других обстоятельствах. А он... живёт как отшельник в этой глуши!

Пенни с большим трудом оторвалась от мужчины и наклонилась за пледом. Она спокойно, но всё ещё всхлипывая, взяла кружку и книгу с подоконника и пошла в дом.

Дом встретил её теплом, а запах прогоревших поленьев и влажности из душа казались очень уютными.

Немного кружилась голова. Льюис оставила кружку и книгу на столе, а плед положила на диван. Молча и не глядя на своего спасителя, прошла в комнату. Прикрыв дверь, стянула с себя всю одежду, оставшись в одних только трусиках, которые тонким кружевом прикрывали ягодицы. Она влезла в кровать и укрылась одеялом, всё ещё ощущая дрожь внутри.

Этот день закончится так? А завтра... она будет дома и больше никогда его не увидит.

Алек

Толчок не был сильным — разве что неожиданным. Лестер предполагал, что после холодной его отповеди девчонка картинно удалится, а она вдруг пошла в наступление. На какой-то момент даже показалось, что с намерением крайне схожим с его собственными. Холодная кладка грубой стены отрезвляла, покалывая острыми выбоинами кирпича спину.

— Не обольщайся, Лестер. И даже не думай выдавать желаемое за действительное, — утробный ее рык засел где-то в районе диафрагмы, вибрацией расходясь по телу. Гневный град ударов — слишком слабых, чтобы отрезвить его или причинить реальный ущерб — падал по плечам и груди. Алек мог поймать ее руки с легкостью, но отчего-то не стал, позволяя долбить себе в грудь, будто желая достучаться до гипотетического сердца наличие которого он в себе отрицал еще недавно.

Гадая, как далеко она зайдет и как надолго хватит его терпения, Алек напряженно

следил за натиском это хрупкой воинственной особы, пока та с натужным всхлипом не вжалась в него едва не всем весом. Небольшим, но ощутимым настолько остро, что в ушах загудело.

— Ты слепая, дурная или настолько любишь рисковать? — барахтаясь в вязкой жиже эмоциональной контузии, Алек старался сфокусировать взгляд, чтобы выплыть из этого липкого дурмана. Смотреть куда угодно, только не на дрожащие ее губы и не думать, как вздрагивает при каждом всхлипе ее маленькая упругая грудь с манящими острыми пиками сосков. Как раз когда он уже почти победил в этом неравном изначально бою, девчонка вхлипнула сильнее, порывисто дернулась, мазнув грудью по окаменевшему его телу. Але замер, стараясь не дышать и вжаться спиной в кирпич минимизировав физический контакт с этим эмоциональным торнадо. Как она дожила до совершеннолетия с такой лабильной нервной системой?

Пенни ткнулась лбом в его плечо, заскулив. Мышцы тут же свело судорогой. Лестер глотнул воздуха, задержав дыхание, стискивая зубы так сильно, что и скулы свело ноющей болью. Каждым дюймом тела ощущая, как дрожащие ее руки скользят вдоль его боков к спине, Алек сминал пальцами шершавый холод кладки, чтобы только не дать рукам волю, зная точно, что потом сам себя станет презирать.

— Это истерика, Лестер, — сколько они видывал таких за жизнь. Не только у девчонок. Война оставила в памяти массу неизгладимых впечатлений и уродливых воспоминаний. Как поломанные мальчишки, вчерашние выпускники летного училища после первого боя так же дрожа искали утешения и поддержки у старших товарищей, как некоторые пользовались удобным моментом. Изголодавшиеся, одичавшие, измученные долгими командировками, выжженные чудовищными буднями, каждый день сминавшими остатки человечности, превращая тебя в бездушную машину для убийства. — Она ищет участия и поддержки. — Не легкого перепахивания на разок, хотя сейчас он мог бы спокойно, без уговоров получить ее прямо тут, хоть у это же стены, подмяв дрожащее, податливое ее тело под свое почти каменное от напряжения. Нужно только протянуть руку, скользнуть по выпирающим под майкам бугоркам позвонков, поддеть пальцами резинку затянутых на слабый узел спортивных. Нуждавшаяся сейчас в успокоении, она бы точно не стала противиться, приняв обычное, скотское желание без какой-либо эмоциональной подоплеки за искренность человеческого тепла. Тепла, которого в Алеке не было. Ничего кроме жажды изголодавшегося мужика, не лишённого естественных природных нужд.

Доверчиво прислонившаяся щекой к его груди девочка не заслуживала такого обращения. Он злился на нее, подшучивал, откровенно считая недалёковидным ребенком. Презрительно морозил колким сарказмом, меряя по общей гребенке, как привык всех женщин, но зла ей точно не желал. Как и чувствовать себя последним мудаком, когда отрезвляющая разрядка вернет ему способность мыслить трезвее, не отдаваясь во власть пульсирующего от близости мягкого изгиба женского бедра члена.

Пусть считает его ледяным, бесчувственным чурбаном, благородства у которого не хватило даже вернуть рыдающей девочке несмелые, отчаянные объятия.

— Знала бы ты, что на пределе блядского этого благородства я только и держусь, — подумал Алек с глубоким, грудным вздохом, отсчитывая мысленно секунды в ожидании, когда она уберется уже на хер наверх в спальню. Пусть забаррикадирует двери тумбочкой, пусть хоть кровать двигает ко входу. Только бы не терлась об него напряженной грудью и не жгла спину нерешительными, прикосновениями.

Дождавшись, когда Пенни отстранилась, Алек, наконец, выдохнул, расслабляя напряженные пальцы. Расстояние между ними увеличилось и сразу стало чуть яснее в сознании, пока Льюис не наклонилась за оброненным пледом. Он не желал смотреть, на взгляд сам выхватил, как натянулась ткань тонких спортивных на маленькой ее заднице. Воображение тут же нарисовало на ней его ладони. Хотелось содрать рывком с нее штаны, развести соблазнительную плоть руками... Алек с трудом отвел взгляд, силясь разглядеть что-то в сизой толще ливня. Что он там искал? Подпитку выдержке? Аргументы против, чтобы не поддаться искушению? Казалось девчонка нарочно его провоцирует, будто не понимает положения вещей. Пусть она юная еще совсем, так вряд ли же наивная целка. Должна отдавать отчет в своих поступках. Впрочем, какой отчет и дальновидность у той, что пошла в лес в тонких кроссовках, без навигатора и сигналки?

Еще с четверть часа после ее ухода Алек стоял на улице, желая подостыть. Холод пробирался под рубашку, лизал разгоряченное, натянутое тело и не помогал. Выругавшись, Лестер вернулся в дом, повалившись на диван, накинул лежавшее на спинке одеяло, прикрыв глаза. Картинки минувшего вечера тут же диафильмом понеслись перед глазами. Растерянная, дрожащая, замерзшая девчонка, стыдливо прикрытая занавеской, выпирающие сквозь мокрую ткань бугорки сосков, плоский живот над резинкой его слишком широких для такой талии штанов. Обтянутые тканью ягодицы, дрожащие губы, влажные и такие манящие. Полные слез глаза и упругая грудь, тесно прижатая к его собственной. Алек зло застонал, пытаясь отвлечься от тянущей боли в животе, спазмом связавшей в узел мышцы. Чертова девчонка, дьявол принес ее в эту глушь на его бедную голову. Жил себе распрекрасно, так нет же...

Пенни

В комнате было довольно тепло и вскоре Пенни пришла в себя, а её грудь перестала дёргаться от всхлипов. Голова немного гудела и она старалась не шевелиться, чтобы поскорее провалиться в сон, который почему-то всё не мог прийти. Постель пахла Алеком. Его запах она четко слышала, когда прижималась к нему в порыве своей истерики. Пенни укуталась в одеяло по самый нос и вдохнула аромат. Такой приятный аромат — свежего белья, мыла, какого-то парфюма...или пены для бритья. И ни на что не похожий аромат кожи. Она чувствовала его среди всего этого намешанного букета запахов, отчего свело скулы и Пенни представила, как Алек её обнимает. Его сильные руки прижимают её к себе, а властные губы покрывают её кожу, оставляя влажные следы поцелуев...

Она моргнула, а потом ещё раз.

Серьезно? Ты мечтаешь об этом мужлане, который даже не приобнял тебя там внизу, на крыльце, когда ты так нуждалась?!

Казалось, внутренний голос разорвется от смеха. Но мысли было не остановить, а низ живота непременно отозвался на такого рода фантазии приятным тянущим ощущением. Возможно, Пенни сделает большую ошибку. Возможно, он прогонит её, надрываясь от смеха, хохоча на весь дом и лес. Возможно...

Но ведь она не узнает, пока не попробует.

Босые ноги коснулись прохладного пола. Пенни стянула покрывало с постели и обернулась им. Она оказалась в гостиной довольно быстро, сама удивившись тому, как прошла в своём одеянии ничего не зацепив по пути и не разрушив. Мужчина лежал, укрывшись. Может он уже спал? Пенни не знала, много ли прошло времени с тех пор, как они расстались на крыльце. Она легонько тронула его плечо, когда подошла ближе.

— Не прогоняй меня, — она отпустила края своего одеяла, оставшись в одних черных трусиках, которые так нецеломудренно покрывали своим кружевом её пах и ягодицы. Пенни юркнула под его одеяло. Прижимаясь к груди Алека своей нагой грудью, она кусала свои губы и немного робела перед его взглядом. Вот ведь дурная — сама пришла, сама разделась, сама отдаётся... чего робеть, спрашивается? Пенни сделала вдох, который почему-то оказался прерывистым и подняла руку к самой верхней пуговице на рубашке, а губами чуть тронулась уголка губ мужчины. Ей хотелось быть нежной. То есть, она такой и была, но вот Алек... он в шоке, напряжён или действительно сдержан? Неужели настолько хороша выдержка?

Или он евнух? Усмехалась про себя Пенни, вспомнив его же фразу, брошенную на веранде.

— Эй, я отдаю себе отчёт в том, что делаю, — шёпотом говорила она, расстегивая пуговицу за пуговицей на его рубашке, и уже сейчас ощущала жар его тела, — я не под кайфом, не пьяна и мне уже давно есть восемнадцать, — Пенни приблизилась к его коже у шеи и сначала робко коснулась там губами, затем настойчиво стала покрывать его тело поцелуями — от шеи к ключицам, к груди. Руки ласкали его тело, освобождая от одежды. Льюис чувствовала как он напряжён, как сокращаются его мышцы на руках, каким твердым был его пресс, когда она наконец одолела пуговицы... и это заводило. Не то чтобы она с хлюпиками раньше спала, просто Алек был явно старше и оттого казался ещё мощнее, чем был. Ей хотелось его объятий. Она хотела его.

Ещё же хотелось говорить, но Пенни одергивала себя и старалась занять свои губы куда более приятным делом, чем болтовней, которая Алеку совсем не нужна. Ей хотелось сказать, как бы в оправдание, что она вообще-то не с каждым встречным такое вытворяет и вообще раньше третьего свидания обычно не целовалась. Такая скромница вся... вряд ли он бы поверил. Да и хватит с неё оправданий. Пусть уж думает, что хочет. Скоро наступит утро и они разойдутся... и, возможно, она даже не будет жалеть. Но это будет завтра, а сейчас...

Внутри откуда-то взялась дрожь. Или это трепет? Трепет как перед чем-то новым и неизведанным. Этот трепет судорогой прокатывался по телу, заставляя её дышать чаще и разгоняя жар от щек к животу и ниже, растворяясь чем-то ещё более жгучим и тянущим в паху. Она провела пальцами по теперь уже обнажённому торсу мужчины и стянула с плеч рубашку. Вернулась к его губам и с жаром их поцеловала, настойчиво пробираясь языком внутрь.

Он точно не евнух, — с некой усмешкой заметила Пенни и закинула свою ногу на его бедро. Она чуть потянула мужчину на себя, призывая к определенным действиям.

Алек

Время шло, настенные часы размеренно тикали набатом по натянутым струнами нервам, а уснуть никак не удавалось. Прогнать картинки с Пенни в главной роли тоже. Воображение добавляло ярких деталей, дорисовывало желаемое, отдаваясь пульсирующей, тянущей болью в штанах.

Алек уже почти сдался, признавая неизбежность. Передернуть и спать нормально. Да, сомнительное удовольствие чисто механической разрядки отдавалось внутри чувством гадливости, но ворочается, мучаясь всю ночь разве лучше?

От торга с собой его отвлекли тихие шлепающие шаги по лестнице. Лестер замер, прислушиваясь. Натренированный слух точно определил направление движения, после чего ладонь легла ему на плечо.

— Маленькая, глупенькая девочка. Разве можно вот так подкрадываться к спящим воякам? Бывшими они, как известно, не бывают, — подумал Алек, вопросительно глядя на девчонку после ее нелепой просьбы. — Замерзла? Темноты боится? Что ещё она придумала?

Голые ножки, торчавшие из пледа, завернутого на манер тоги, отсылали к первому предположению. Ну кто ж спит раздетым в такую погоду в лесном домике? — мысленно возмутился Лестер. Возмущение это утонуло в сиплом, рваном выдохе, когда пальцы девчонки разжались и покрывало скользнуло по плечам, махнув краем по обнаженной, напряжённой груди, маленькой, аккуратной, пьяняще притягательной. — Прогонять? Да что он выживший из ума импотент? Хер теперь сбежишь, мышка.

В какой-то момент Лестер решил, что уснул-таки и Льюис эта уже даже в снах ему покоя не даёт, но девчонка скользнула под одеяло, ткнувшись острыми пиками сосков ему в грудь. Член тут же дернулся, будто просясь на волю, пульсируя крупной артерией по напряженному стволу.

— Какого черта ты здесь делаешь? — действия ее явственно отвечали на незабвенный этот вопрос, но Алек все ещё держался, на чистом, видимо, упрямстве, усмехнувшись ее убеждениям.

Это она его уговаривает что ли? Ничего себе дела.

— Уверена? — если он что и успел узнать об этой взбалмошной особе, так это ее высшую степень неуверенности во всем, что делает и хочет. Так что переспросил, сам еле разобрав сиплый свой голос, на два тембра ниже обычного. Звуки прорывались сквозь стиснутые плотно зубы, пока первые неловкие поцелуи ее отдавались в теле мелкими разрядами тока. — Как раз хотел уточнить на счёт совершеннолетия.

Пресс напрягся ещё сильнее, мышцы рук и спины бугрились перекатами, вздрагивая под усилившимся напором пухлых губ. Девчонке нравилось изучать его тело, медленно избавляя от одежды. Алек не мешал ей забавляться, пока не понял, что вот вот потеряет контроль над реальностью. Девчонка медленно скользнула назад, будто распарывая едва ощутимыми касаниями острых сосков кожу на правом боку. Алек дернулся в ответ, ловя юркий ее язык губами, жадно глотая воздух, смешанный с ее ароматом.

Диван, узкий, не предназначенный для двоих, вынуждал девчонку жаться плотнее. Ладонь его оказалась зажата между собственным бедром и едва прикрытым кружевом трусиков животиком. Алек закрыл глаза, когда дрожащие в нерешительности губы коснулись его собственных. С трудом сглотнув, ощутил, как дернулся вдоль горла кадык, едва сдержавшись, когда теплые, чуть шершавые от укусов губы легли поверх кадыка, махнув по натянутой, тонкой коже обжигающе горячим языком. Рука дернулась сама собой, задев кромку резинки на правой ноге, тесно вжатой в его бедро.

Пальцы ее, щекотя, дрожали в попытках расстегнуть пуговицы. Лестер смотрел с интересом, считая в уме, чтобы сдержаться и не прекратить томительную пытку. Стоило ее отправить назад, но разве ж он дурак вот так отказываться от того, что так откровенно и щедро предлагают.

— Пожалеешь же завтра, — неумолимым приговором пронеслось в голове, рука медой лежавшая между из телами, заскользила вверх, пальцы тронули тонкое кружево трусиков, не торопясь проскользнуть под него. Девчонка отозвалась сразу же, закинув ногу чуть выше, будто желая оказаться ближе к его пальцам.

Маленькая и податливая, даже сквозь ткань трусиков он чувствовал ее напряжение и жар. Повернувшись на бок, смял пальцами горошину соска, любясь, как дернулась грудина,

оторвавшись рваным полустоном. Оторвавшись от припухших под поцелуям губ, Алек проложил жаркую дорожку вдоль с готовностью подставленной шеи, к груди, продолжая настойчиво сминать сосок пальцами, поймал второй губами, жадно играя им языком. Гулкие удары сердца под левой грудью будто бились прямо ему в губы, Лестер поднял глаза на лицо Пенни, желая видеть, как нетерпение сладкой поволокой затягивает ее большие глаза, как дрожат раскрытые губы, выпуская рваные выдохи.

Хотелось сорвать с нее жалкий этот клочок ткани и грубо толкнуться в жаркую плоть вот так сразу, но Алек сдерживался, пробравшись пальцами под чёрное кружево.

— Такая податливая, жаркая девочка, — найдя во влажных складках напряжённый бугорок, принялся поддразнивать его подучешкой пальца, подстраиваясь под ритм ласкавших грудь губ. Застонав, Пенни подалась вперёд, тут же всхлипнув, стоило пальцу соскользнуть глубже, раздвигая тесные складки. Такая влажная, она могла бы принять его уже сейчас, но Алек с завидным мазохизмом пробирался пальцами туда, куда отчаянно желал всадить напряжённый член. Пенни застонала, толкнувшись навстречу бедрами. Звук этот вибрацией прошёлся по телу, окончательно туманя рассудок, выбивая из головы решимость потянуть ещё немного, сполна насладившись возможностью ласкать это стройное тело, дразня, любоваться, как девчонка кусает в нетерпении губы, ощущать, как пульсирует под пальцами напряжённый бугорок, стоит нажать на него чуть сильнее.

— Таблетки? — она так соблазнительно кусала губы, что Алек не удержался, вернулся к ним, чуть прихватив губами. — Ты пьешь? — тяжело дыша выдавил Лестер, срываясь в черную пропасть разбивавшего тело дрожью кайфа, от ощущения, как плотно она обхватывает собой его пальцы. Его коробило даже просто от вида дрожавших ресниц, и судороги по плоскому животу, прижатому к его боку.

Пенни

Улыбнувшись тому, как отвечает тело мужчины на её прикосновения, Пенни запустила руку в его волосы, прижимая его к себе, углубляя поцелуй. Она с удовольствием вытянула шею, когда Алек спустился поцелуями ниже. И ещё ниже. Прижалась к нему крепче животом, прогнувшись в пояснице, когда его губы обхватили горошинку соска. Сладкий её стон пронзил тишину ночи, когда его пальцы коснулись самого сокровенного, нагло отодвинув уже намокшую ткань трусиков. Пенни подалась бедрами вперёд по инерции, чтобы углубить его ласки, но мужчина будто нарочно не спешил, скользя пальцем между горячих и влажных складок кожи. Щеки Пенни вспыхнули от осознания того, что это происходит с ней наяву, с малознакомым человеком. Но на удивление, её даже больше заводил этот факт, чем тревожил.

Она снова нашла его губы, которые казались жёсткими, но на деле ласкали её так нежно, что она теряла связь с реальностью, полностью растворяясь в его поцелуях.

Таблетки? Пенни хмурилась, отрываясь от его губ и осмысливая услышанное.

Точно, таблетки...

Она утвердительно кивнула головой и снова прижалась губами к его губам. Даже сейчас он проявлял благородство и заботу, тогда как Пенни пришла к нему совершенно не заботясь о контрацепции. Дурочка...

Не в силах больше выносить его сладкую пытку, Льюис обхватила рукой его запястье и убрала руку из своих трусиков. Дыхание, ставшее частым и прерывистым выдавало её желание. Она хотела, чтобы он овладел ею сейчас...

Холодный пол будто немного отрезвил её, когда она вновь встала босыми ногами,

скользнув с дивана, чтобы избавиться от ненужного кусочка ткани на себе. Она действительно это сделала? Спустилась к нему просто потому что ей хотелось, чтобы он её обнял? А как не хотеть его рук, если он с самого начала демонстрировал их красоту и силу? Пенни взглядом пробежалась по напряжённому мужскому телу, чуть задержавшись там, где ткань штанов натягивалась, показывая, как он желает её. Она судорожно вдохнула воздух, завела свои пальцы под резинку трусиков и приспустив их чуть ниже на бедра, отпустила, чтобы они свободно сползли с неё вниз. Он любовался ею и Пенни это нравилось. Она будто ощущала на себе его жадный взгляд.

Перешагнув через черную, теперь бесформенную ткань на полу, она шагнула обратно в жар тела мужчины. Пенни подцепила резинку его одежды и потянула вниз, освобождая такую твердую плоть. Диван был слишком узким и в голове пробежала мысль, что было бы куда удобнее, если бы это Алек к ней поднялся. Она улыбнулась краешками губ и посмотрела на мужчину из-под ресниц. Его глаза были готовы съесть её. Они будто спрашивали, чего же она тут мешкает?

Пенни обхватила возбуждённый член рукой и провела от головки к основанию и обратно. Она облизнула губы, борясь с желанием прикоснуться языком к члену, провести по головке, оставляя мокрый след, обхватить её губами и медленно протолкнуть глубже, крепче обхватывая губами пульсирующий от возбуждения ствол. Льюис вновь шумно втянула воздух и, перекинув ногу, оказалась сверху.

Не в этот раз

Она прижалась к мужской плоти своей, пульсирующей и изнемогающей от желания, а губы вновь нашли губы Алека. Она хватала их и покусывала, чуть двигая бедрами, но не пропуская мужчину в себя, прижимаясь, ставшим чувствительным от его же недавних ласк, клитором к члену. Постанывая, она находила его язык и сплеталась с ним в обезумевшем от страсти танце. Её руки упирались в диван, а волосы её скрывали их лица. Грудь, такая чувствительная к ласкам упиралась твёрдыми сосками в его горячую кожу. Руки Алека, блуждавшие по её податливому телу, ласкали каждый сантиметр кожи. Казавшиеся такими грубыми, они оказались теперь нежными и приятными.

Пенни опустила руку вниз, чуть приподняв пах и направила возбуждённый орган, который уже был влажным от её собственной смазки, в себя. Она задержала дыхание, когда головка проникла внутрь. Поймав взгляд Алека, она молча умоляла его не спешить, дать привыкнуть и насладиться. Пару секунд и она убрала руку, насаживаясь на его член, погружая в себя полностью. Одной рукой она перехватила его руку и сплела их пальцы. Теперь она свободно двигалась на нём, мягко насаживаясь сверху. Стоны вырывались из груди вместе с её горячим дыханием, которое оставалось жаром на его губах.

Внизу живота, казалось, полыхал пожар, который растекался по телу приятной негой, отзываясь мягким покалыванием в каждой нервной клетке. В какой-то момент Пенни выпрямилась, оторвавшись от губ мужчины, завела руки в свои волосы, чтобы убрать прилипшие к щекам и лбу локоны. Она снова поймала на себе этот взгляд Алека. Какой-то невероятный. Обнажающий.

Маньяк — как есть.

Она улыбнулась своим мыслям и стала двигаться чуть быстрее, чувствуя, как внутри неё сокращаются мышцы, сигнализируя о приближении оргазма. Она закрыла глаза и чуть запрокинута голову, отдаваясь чувствам, отдаваясь во власть мужским рукам, которые хватала её, ласкали её.

Собираясь в лес, она и подумать не могла... да и сейчас, кажется, тоже не может. Она просто хотела, чтобы эта ночь не кончалась.

Алек

Алек попытался ухватить запястье, когда девчонка неожиданно отстранилась, выудив его руку из своих промокших трусиков. Уходит? — В масляном взгляде отразилось непонимание. Ей точно, нравилось, черт возьми. Она хотела его, хотела не меньше, чем он сам, может, дальше больше. Ей нравились прикосновения, дразнящие тягуче-медленные. Стараясь отвлекаться на намеки ее тела, Лестер сдерживался, ловя кайф в подтверждении ее желания, наслаждаясь тем, как выгибается ее тело, как дрожит рябью, как дыхание замирает, чтобы сорваться стоном, играя на натянутых нервных окончаниях низкими нотами, от чего по его напряженному телу тут же проходила судорога.

Вероятно именно поэтому Алек никогда не видел интереса в том, чтобы взять кого-то силой. Ему слишком нравилась поддразнивающая игра, медленная пытка наслаждением, изводившая обоих. Нравилось ощущать власть над мягким женским телом, тешило самолюбие, осознание, что он мог довести ее до скулящих всхлипов, пусть сам едва сдерживался.

И только поэтому Алек выпустил ее запястье, пусть пульс на нем бешено бился ему в подушечку большого пальца.

"Если это месть, то слишком жестокая", — подумал Лестер, понимая, что должен ее отпустить, если девчонка передумала вдруг. Испугавшись. Его или себя? Не каждая вот так решится прийти в койку к незнакомому мужику. Учитывая обстоятельства, так тем более. Нужно ее отпустить и одновременно невозможно. Он уже готов был подняться, резко и решительно развернуть ее лицом к дивану, прогнуть в спине, заставляя склониться, зная, что влажная, обласканая плоть примет его легко и мягко.

Заметила ли она облегченный вздох, когда повернулась, улыбаясь, скользнула под резинку трусиков? С трудом сглотнув, полным пожарища страсти взглядом, он наблюдал как ладони скользят по берам, стягивая ткань белья. Легкий отсвет с окна коснулся ее плеча, ключицы, лизнул сосок.

— Красивая, — хрипло признал Алек, любуясь, голодным взглядом лаская кожу, что недавно горячила его ладони. Пенни замерла, хотелось протянуть руку в приглашающем жесте, поторопить ее, но Лестер запретил себе, давая девчонке время. Ее взгляд с мягким любопытством изучал его торс, как будто впервые видела. Не насмотрелась что ли? За вечер-то. Не то чтоб он скрывал что-то, щеголяя голым торсом по дому. — Хочу тебя, — вам же нравится получить словесное признание, да девочка? Женщины любят ушами, так говорят?

Облизнув тронутые прохладой губы, Лестер вздрогнул от неожиданного прикосновения, сминая отброшенное к изголовью одеяло в кулак, давясь хрипом от мучительно-сладкой ноющей судороги. Заведя вторую руку за голову, чтобы не сорваться, позволить ей ощутить силу власти женщины над мужчиной, Алек с трудом растянул неподдающиеся губы в мягкую улыбку. "Хорошо, маленькая, чертовски хорошо", — подбадривал расфокусированный, расширившийся зрачок.

Живот стянуло спазмом. Девчонка, заигравшись, прошлась пальцами по напряженной, оголенной уздечке. Лестер сдался, хватая ее руки, потянул на себя. — Тише девочка, рано, — сминая поцелуями губы, поймал ладонью грудь. Такая маленькая, легко помещалась в крупную его ладонь, покалывая требовавшем новой ласки соском.

Обхватив второй рукой ягодицу, Лекстер аккуратно подтолкнул девочку на себя,

застонав, когда понятливая, она потерлась о него своей влажной плотью. Мучительно медленно. Так томительно тягуче, что Алек принялся перебирать в голове ранги военных, чтобы только удержаться на острой грани и не кончить прямо так, еще даже не узнав, каково это быть в ней, двигаться, ощущая сжимающие со всех сторон мышцы.

Пенни выгнулась, когда, забывшись, Алек сжал сосок сильнее.

" Слишком сильно? Прости, детка. Я же не железный в самом деле, " — тело потряхивало, выдавая степень напряжения. Ей нравилось ощущать эту власть, нравилось дразнить его, изучая реакцию тела, Пенни смотрела в напряженное лицо, впивалась взглядом в помутневший, черный зрачок и упивалась тем, как сами собой его пальцы сжались на ее ягодице, стоило, наконец пробраться в нее. Хотелось больше, резко, до упора. Но Пенни удерживала его ладошкой. Алек закусил губу, в самом деле пытаясь дать ей время, измываясь над собой этим невыносимым промедлением.

" Не могу больше, маленькая ", — обхватив талию ладонями, Алек настойчиво опустил ее на себя, толкнувшись навстречу бедрами, выхаркивая задержанное дыхание вперемешку с глухим, грудным стоном. Такая маленькая. Везде. Такая тесная и такая жаркая. Позволив ей самой выбрать темп, Лестер принялся поглаживать спину, бока, любясь, как покачивается ее грудь в такт движениям, скользя взглядом по губам, ловя одурелый взгляд больших, почти кукольных глаз. талия ее стала казаться еще тоньше, стоило Пенни завести за голову руки, убирая волосы. Бисеринки пота по ключицам... Хотелось слизнуть их языком, но Лестер не доставал, уложенный на лопатки маленькой этой девчонкой.

Она сжала его сильнее, ускоряясь, прикрыла глаза в сладкой истоме. Алек коснулся подбородка, дрожащими пальцами. Пенни кусала губы, ресницы тенями дрожали на щеках.

— Посмотри на меня, — потребовал он тихо. — Хочу видеть твои глаза. — Он чувствовал, что Пенни уже на грани. Она так тесно сжимала его волнами, пальцы ее свело, коража его плечо, за которое девчонка цеплялась, будто желая удержать себя чуть дольше. Он хотел видеть, как оргазм опадет искорками в ее радужке, хотел смотреть в ее глаза, когда она кончит. " Еще немного, маленькая, сейчас. Прости меня за синяки на твоей очаровательной попе, девочка. Невозможная ты. Такая горячая ".

Тихий ее крик будто коротнул что-то в мозгу. Волна удовольствия от нее передалась его телу, несколько резких рывков в конвульсивно сжимающейся ее плоти и он сорвался сам, с тяжелым свистом выпуская сквозь сжатые зубы воздух, сминая пальцами тонкую ее талию, ощущая, как живот подрагивает в волнах разрядки.

Не позволяя отстраниться, притянул на себя, ловя губы в медленном, сладком поцелуе, глотая ее стоны и всхлипы, принялся поглаживать покрытую потом спину, растягивая удовольствие от ощущения, что он в ней, ощущая, как все слабее сводит ее мышцы и тело ее обмякает на его груди.

Пенни заерзала, но Алек накрыл поясницу ладонью, не давая отстраниться. " Полежи так еще, маленькая, так хорошо ", — ватное тело, замутненное еще сознание. Открыв глаза, Лестер расслабленно изучал ее лицо. — Посмотри на меня, — попросил он мягко. Дождался пока она откроет глаза, тронув губы невесомой лаской пальцев. — Грешно быть такой соблазнительной, Пенни. Хорошо, что ты не слишком верующая, а я как будто переживу еще один смертный грех на своем счету. — Алек хрипло рассмеялся, желая разрядить молчание шуткой. Жалела ли она уже? Стыдилась ли? Себя? Его? Случившегося? Своего решения и своей решимости? " Не надо, девочка, не жалей ".

Пенни

Это было невероятно нежно и страстно одновременно, если так вообще возможно. Алек заставлял её испытывать яркий фонтан эмоций и фейерверк чувств. Пенни будто захлебывалась в них, со стонами выпуская воздух из лёгких. Она трогала его торс руками, переплетала и отпускала его пальцы. Выгибалась и прижималась к нему, оставляя жаркие поцелуи на его коже, пока он вбивал в неё член, заставляя выпрямляться, сжимал ягодицы руками. Кожа под его шершавыми ладонями горела, но она хотела ещё. Ещё его прикосновений и ласк.

Его слегка хриплый голос доносил до её сознания обрывки фраз. Красивых фраз. "Хочу тебя...", "девочка", "тише..."

Она будто проваливалась далеко-далеко, закрыв глаза. Пенни чувствовала, что вот-вот взорвется, и хотела ещё немного продлить это ощущение бабочек в животе, когда почувствовала прикосновение мужских пальцев к своему подбородку.

— Хочу видеть твои глаза

Достаточно было лишь одной фразы. Этот хриплый от страсти голос заставил её смотреть на Алека и показать то, что творится внутри неё через омут глаз. В его же глазах отражалась она сама. Они стали такими глубокими, темными и уносили с собой в бездну... Она смотрела на него, порываясь приблизиться и слиться в поцелуе, когда оргазм окатил её волной, начиная с ног и до самых ушей и пальчиков рук. Но Алек держал её, крепко сжимая в своих руках и смотрел. Это было невероятно... непривычно и незнакомо. Пенни отнюдь не была пуританкой, но сейчас испытала нечто стыдливое, будто показала себя чуть больше, чем хотела показать.

В ушах пульсировала кровь, а мышцы внутри неё с жаром сокращались. Она смотрела на Алека, не решаясь отвести взгляд, заливаясь краской. Она видела, как будто огонь в его глазах вспыхнул и тут же рассеялся, поблескивая яркими угольками в темноте зрачков.

Стон, напоминавший скорее крик, вырвался из её горла, когда горячее влагище её стало сокращаться, сжимая судорогами твердую плоть внутри себя. Боль от пальцев Алека ощущалась теперь не так сильно, но в его глазах она видела будто и страсть и, одновременно, раскаяние, что делает ей больно. Хотелось его успокоить. Она прижалась к нему губами и почувствовала, как мужчина изливается внутри её, ощутила, как горячее семя разливается в её жаркую скользкую плоть. Она чувствовала, как пальцы, которые недавно сжимали её, оставляя следы на коже, стали обмякать. Судорога прошедшая по его телу отразилась в ней и Пенни, тяжело дыша, поймала губы мужчины. Или это он поймал её? Сейчас не было понятно кто кого целует. Они целовались вместе, будто нежно благодарили друг друга за это мгновение. Спонтанное и незабываемое.

Уж точно незабываемое для Льюис. Она усмехнулась и поёрзала, пытаясь вырваться из рук мужчины. Но Алек держал её, пытаясь привести дыхание в норму и она оставила свои попытки побега. Она таяла под его руками, которые мягко поглаживали её влажную спину. Сама же она легонько прикасалась к его коже губами, положив голову на его грудь.

— Посмотри на меня, — и Пенни открыла дрожащие влажные ресницы, взглянув в мужское лицо, тронутое улыбкой.

— Почему после секса люди говорят о грехах или о любви, *mi amor*? — будто в подтверждение своих же слов она перешла на испанский и улыбнулась, оставив лёгкий поцелуй на его пальце, которым он гладил её губы. Нет, это не было признанием в любви и он мог хоть сколько закатывать глаза или фыркать. *Mi amor* или мой дорогой, мой милый... Доброе слово и кошке приятно. А Пенни любила комплименты как получать так и дарить. И

ласкать мужчину словом для неё было нормально. Она смотрела в его глаза, в них теперь читалось спокойствие и теплота, которых раньше она не замечала.

— Красив и обаятелен... — она не отводила взгляда от его глаз, в то время как где-то внутри неё что-то зажгло... Нечто грустное. Но Пенни не хотела этого показывать. Не хотела, чтобы Алек спутал это с сожалением. Она ни капельки не жалела о случившемся. Во всяком случае, сейчас.

Она закрыла глаза и положила щеку на его грудь. Пенни слушала, как стучит его сердце, как приходит в норму пульс и выравнивается дыхание...

— Я в ванную... — в твою ледяную ванную, подумала Пенни и аккуратно встала с мужчины, который уже погружался в сон.

Она улыбнулась его виду и укрыла его одеялом. Взяла свои трусики с пола и подобрала одеяло. После ванны она вернулась в комнату, куда Алек отправил её спать и укуталась в одеяло, которое всё ещё пахло им. Пахло так, как и она сама теперь пахла. Губы Пенни припухли от поцелуев, она ощущала, как кожу вокруг губ немного саднило от жёстких его поцелуев и от щетины. Кожа на теле теперь пульсировала в тех местах, где пальцы его особенно сильно сжимали её.

С улыбкой она теперь и сама погружалась в сон, стараясь не думать о том, что вот-вот наступит утро и эта сказка кончится.

Алек

В самом деле почему? Потому что долгое время все это считалось грехом? Какая разница?

— Прекрасная сегодня погода, не находишь? — с мягкой иронией в голосе уточнил Лестер. — Ну раз про любовь и грехи тебе не по душе. Глаза его смеялись. Он уже и забыл, когда смеялся глазами, когда вот так легко и тепло смотрел на кого-то. Все, конечно, от приятной расслабленности по телу и знания, что никто никому ничего не должен. Завтра он отвезет Пенни в город, оттуда она вернется домой. К своему магазину, к родителям. А он останется жить привычной жизнью, подальше от людей и проблем с ними связанных.

— Ни то, ни другое, — голос его звучал мягко и лениво, почти сонно. Лестер никогда не считал себя красавчиком. Просто форма ему шла и влекла женщин всех возрастов. Маленькая женская мечта — роман с летчиком. Алек улыбнулся. Жена вот тоже с детства мечтала выйти замуж за властелина небес. Вышла. От этих мыслей безмятежность подернулась туманом отрезвляющей реальности. Мозг возвращал власть над телом и напоминал, почему в свое время Алек выбрал именно такую жизнь. Почему больше не хотел казаться обаятельным и внимательным.

— Для прожженного вояки ты слишком романтичен, Лестер, — бросила жена на прощание и слова эти хорошо отпечатались в памяти. Намертво. Прекрасный жизненный урок, как делать не надо. Он-то думал, что уж любимая женщина не встанет на сторону ополчившихся, но нет. Для нее честь мундира была важнее Сотен жизнью. Убийца никак не вписывался в ее парадигму идеального брака. Алек не уговаривал ее и не удерживал. Предательства было достаточно, чтобы перечеркнуть все, что он когда-то чувствовал к этой женщине. Он многое бы простил. Даже, возможно, закрыл бы глаза на измену, реши она сохранить брак и ждать его из заключения. Два года большой срок. Он бы понял, наверное.

Пенни он тоже не держал. Пусть предлог ее, смешной и такой нелепый, не имел даже намека на реальность. Спокойно разжав руки, выпустил из теплого кокона объятий. В ванную, так в ванную. Алек прикрыл глаза, чтобы не смущать ее. Девочка сделала выбор. В

конце концов, он получил, что желал. Даже, пожалуй, чуть больше. Простой перепих вылился в потрясающий, яркий секс. Расслабленное тело теперь клонило в сон. Разве не об этом он думал до того, как Пенни спустилась к нему, завернувшись в плед на голое тело? Он все еще видел соблазнительную эту картинку перед глазами. Чертовски хороша.

Проснувшись привычно рано, Алек покормил Дейзи, выпустив ее на прогулку, отметил, что дождь закончился, но ураганом поотрывало ветки с деревьев и убирать это придется, конечно ему. Лестер вздохнул, потер шею, ощущая голым торсом прохладу послегрозового утра. Рубашку он надевать так и не стал.

Пенни, очевидно, еще спала. Лестер заправил диван, отчего-то вернувшись мыслями к прошедшей ночи, посетовал мысленно, что она сбежала, не оставшись до утра. Можно было бы начать этот день с приятного. И он бы точно так сделал, проснись подле дьявольски притягательной своей гостью. Видимо по дальновидности она и свалила. Алек хмыкнул и пошел на кухню сварить овсянку.

В отсутствии большого выбора бывший майор обычно начинал день с каш. По-армейской привычке, не иначе. Исключением выпадали те дни, когда ездил закупаться в город. После этого еще пару недель в холодильнике были свежие яйца и можно было шикануть британским завтраком.

Занимаясь готовкой, Алек старался не думать о том, в каком настроении спустится Пенни. Касалось ли его это вообще? Она пришла добровольно, едва не уговаривая его взять ее. Оставалось надеяться, что девчонка понимала: секс ничего не меняет. Ей здесь не место. А ему не нужны сожительницы. Прекрасно уживается сам с собой. Перепих тоже по надобности всегда можно найти. Не разу не возникало проблем, откровенно говоря. Да, не так часто, как если бы кто-то жил под боком. Но зато и проблем в разы меньше.

— Дороги подрамыло, но дождь кончился. Внедорожник вполне выдержит, так что можешь радоваться, — и собирать вещи. Кивнув вместо приветствия, Алек жестом пригласил спустившуюся девушку завтракать. Сам он уже поел и даже успел убрать часть веток у дома. Вероятно, именно шум ее и разбудил. Как раз на выходе из ванной его и застала проснувшаяся Льюис. — Вода тоже есть, — генератор дал сбой, Алек переподключил его к газовым баллонам, стоявшим в сарае на такой случай. Через пару дней ребята из службы починят оборванные провода выше по дороге к городу и свет снова будет без перебоев.

Утро вновь сделала Лестера привычно скептическим, логично-ироничным и нелюдимым. Ничего нового. Помутнение на фоне долгого воздержания прошло и он ощущал себя контролирующим тело, язык и голову. Осталось убедиться, что девчонка не напридумывала себе сюжет для романа и не ждет, что теперь, после поцелуев, мудила превратился в принца очарование.

Налив себе чай, Алек снизошел до того, чтобы составить девушке компанию за столом. Губы ее все еще распухшие, манили ничуть не меньше вчерашнего и Алек поймал себя на мысли, что все-таки чертовски жаль не начать этот день с продолжения той ночи.

Пенни

Шум и звяканье посуды вырвали Пенни из сна. По всей видимости, хозяин дома уже проснулся. Она высунула нос из-под одеяла, удивившись тому, что укрылась с головой.

— Еще же так рано... — пробубнила Льюис смотря в окно из своего кокона.

Пару раз моргнув, чтобы проснуться, она села в кровати, не вылезая из одеяла. Глаза её медленно стали расширяться по мере того, как она приходила в себя и вспомнила

прошедшую ночь.

Я это сделала? Я сама пошла к нему?

Пенни снова спрятала голову в кокон и завалилась на спину. Пришло время осознания и принятия того, что произошло и того, что будет дальше.

Вчера она достаточно убедительно себя уговаривала, думая о том, что это просто секс, никто никому ничем не обязан, два взрослых человека получили, что хотели. Да ещё как хорошо...

Было хорошо... Пенни провела рукой по животу в темноте своего одеяния. Она до сих пор ощущала, как было хорошо. В некоторых местах кожу немного щипало, будто Алек немного с силой переборщил. Она невольно вспомнила его глаза, когда он сжимал её, насаживая на себя... Голодные, темные, жадные...

По телу пробежали мурашки, заставив напрячься соски.

— Ну не-ет, — со вздохом Пенни снова села в постели, — ты просто замёрзла, Пенни. Не придумывай...

Чего "не придумывай", когда стоит закрыть глаза, а перед глазами картинка этого прекрасного тела, слегка освещённого лунным светом? Пенни закрыла глаза ладонями и тихонько проскулила. Но тут же сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Ещё не хватало, чтобы этот Лестер слышал утренние её терзания совести. Красивый. Нежный. Он не выходил из головы. Как он мог быть с ней таким холодным и даже грубым весь вечер, когда оказался таким... таким..

Хватит, Льюис, не хватало ещё и влюбиться. Жить ты тут точно не будешь. А ему и не надо. Надо было бы — давно нашёл себе, кого подселить. Красавчик, с руками и мозгами, раз хозяйство ведёт в такой-то глуши, странно, что один. Но ведь он судим, может в этом всё и дело?

Она покосилась на ящик стола, который перевернула вчера по неосторожности. Пенни выдохнула и опустила голову, зажмурился глаза.

— Тебе надо отсюда сбежать. Пусть он отвезёт тебя к посёлку и всё. Забудешь это. Как...страшный сон... — она бормотала самой себе и встряхнула головой, — но сон был вовсе не страшным.

Пенни решительно поднялась с места, затянула волосы резинкой, собрав локоны в небрежную шишку на голове, оделась в свою высохшую одежду и отправилась в ванную. Где, конечно же, встретила его. Без рубашки. Чудно.

Она прошмыгнула в ванную и закрыла дверь за собой, даже не посмотрев Алеку в глаза. Не хватало, чтобы он рассматривал её заспанную. Из небольшого зеркала на Пенни смотрела какая-то девчонка с большими чуть покрасневшими глазами и припухшими губами. Ох, целоваться он умеет и хорошо... мысль током пронеслась по телу, рассеявшись теплотой где-то внизу живота.

Льюис, тебе пора домой.

Закончив в ванной, Пенелопа спустилась вниз, где Алек уже приготовил для неё завтрак. З-забота.

И до сих пор полуголый...

— Доброго утра, — Пенни старалась смотреть не ниже подбородка Алека, — ммм, вкусно пахнет, — она улыбнулась и почувствовала себя дико голодной. И действительно вкусно! Она с удовольствием уплетала завтрак, пока Алек усаживался напротив с чашкой чая. Его взгляд гулял по её лицу, а она украдкой поглядывала на него глупо улыбаясь.

Страх, который она испытывала перед выходом из комнаты, улетучился. Она вполне могла сказать, что ни о чём не жалела. Но точно знала, что её ещё накроет, просто чуть позже, когда он будет далеко и не увидит её терзаний.

Она молчала, но успокаивала себя тем, что с набитым ртом не говорят ведь. Молчание не неловкое на самом деле, а вынужденное...

Чёрт, Льюис, ты слишком много думаешь!

— Спасибо, — она встала из-за стола и направилась к мойке, — я буду готова минут через десять, — она обошла мужчину сзади и провела рукой по его плечу, когда проходила мимо. Подушечки пальцев будто обожгло. Ты попала, Льюис.

Всё нормально, мы взрослые люди, не обсуждаем то, что было ночью, ну было и было

Она помыла посуду, стараясь сглотнуть ком, подкативший к горлу, чтобы не разрыдаться от осознания того, что скоро им придется расстаться. Льюис собрала рюкзак и вышла на улицу, где её ждал Алек и...

— Мы на этом поедем? — она недоверчиво обвела взглядом внедорожник и задержалась на колесах. Они были мощными и, казалось, чтобы забраться внутрь, Пенни нужно было карабкаться по ним. Вообще, Льюис довольно подозрительно относилась ко всем видам транспорта, признавала разве что метро. Когда-то отец пробовал научить её управлять автомобилем, но Пенни ещё с первых секунд поняла, что это не для неё, когда резко отпустила сцепление и припечаталась лбом в руль.

Потом была авария, ещё в студенчестве, когда они компанией добирались из загородного коттеджа. Тогда машину занесло и водитель, студент третьего курса, не справился с управлением и машина оказалась в какой-то канаве и чудо, что все остались живы. Пенни, конечно, отделалась не только испугом, с её "везением" ей достался перелом ноги, когда эту самую ногу и зажало покореженной дверцей.

С тех пор не то чтобы фобия, но какая-то боязнь четырехколесного транспорта у неё была. Она предпочитала идти пешком, чем вызвать такси. А у родителей в Ирландии перемещалась в основном на велосипеде.

А тут авто. И малознакомый мужчина.

— Знаешь, ты едь, а я рядом пойду... по следам машины, — она говорила совершенно серьезно и, не скрывая страха в глазах, взглянула в лицо Лестера.

Ожидала ли она его смеха? Скорее, она к нему уже привыкла.

— Лучше бы у тебя тут был самолёт, майор Александр Лестер, — пробубнила Льюис, пристегивая ремень безопасности, пока Алек усаживался на своё место.

Алек

— Доброго, — раз ты так говоришь. Небрежно, незаметно, Алек изучал настроение своей гостьи. В процессе успел выяснить две вещи. Во-первых, она не выглядела расстроенной или раскаявшейся, во-вторых его теория голодных игр оказалась на поверку слегка несостоятельна. По утрам, утолив голод, он все еще находил Пенни чертовски привлекательной и притягательной. Настолько, чтобы физически эту привлекательность ощущать на себе. Плохая новость, откровенно говоря.

— Судя по всему, на вкус тоже ничего, — усмехнувшись тому, как быстро девчонка уплела завтрак, Алек привычно не удержался от ироничного комментария, следя за тем, как Пенни направляется к раковине. Скулы чуть заметно дернулись, когда ладонь ее коснулась плеча в невесомой ласке.

“Ты заигрываешь со мной девочка? Аккуратней, это игра с огнем”, — простое, почти

невинное прикосновение легкой сыпью мурашек прошло по телу. Размышляя, чего он больше хочет, выставить ее к чертям посокрее или разложить прямо на этом вот столе, сметя к херам с него всю нехитрую утварь, Алек наблюдал, как Льюис моет посуду.

Твою мать, с каких пор меня заворачивает, как баба поглаживает тряпкой тарелку?! — ее движения, размеренно-плавные отзывались по телу волнами тепла. Отчего-то представлялось, как она, покрытая каплями воды, вот так же натирает мочалкой его спину. Лестер мысленно выругался и отвел от греха взгляд. Такие фантазии точно не доведут их до добра. — Я подготовлю машину, — бросил он вставая. — И переоденусь, — стоило предупредить, вещи-то у него в комнате. Он сам не имел ничего против, чтобы Пенни невовремя (или наоборот?) зашла в комнату временно отведенную ей и их прощание несколько затянулось, но...

— Ну что ты так смотришь? Я не езжу в город полуголым, знаешь ли, — вероятно, привычка ходить раздетым по дому наводила даже на такие нелепые мысли. С логикой у Пенни явно имелись проблемы. С топографией тоже.

Проблемная ты девочка, — выходя из дверей, подумал Лестер, бросив на ладную фигурку еще один насмешливый взгляд.

— Больше не на чем, — отозвавшись на возмущение Пенни, Алек пожал плечами. Ну не лексус же она тут ожидала здесь увидеть. Ну какой спорткар в такой глуши, он и сотню метров не проедет. — Только не говори, что машин ты ТОЖЕ боишься. — Волков, крыс, собак... МЕНЯ. Кого еще, Пенни Льюис? Как такая трусиха вообще рискнула идти в лес. Точно на верную смерть. Потому и не взяла ничего для выживания, видать. Не планировала выжить. Помешал тебе, выходит. Ну, так хоть потрахались от души перед твоей кончиной. Можно сказать, хорошо кончила. Я б даже повторил.

— У тебя нога болит, — напомнил он со смешком, когда Пенни предложила идти пешком. — Тут километров 70 до города. К утру, если повезет, может быть. Это если бодро шагать без привалов на пописать, — тихий его смех заглушило недовольное ворчание мотора. — Пристегнись, — педантично велел Лестер, заблокировав двери. Радио тут ловилс худо-бедно, так что временами потрескивало и заикалось. Зато Пенни выяснила, что водитель ее слушает классический рок. Недовольный тем, что песни шипят змеиным клубком, Лестер включил музыку с носителя. Машину наполнил хриповатый голос старины Мика. Алек время от времени посматривал на Пенни через зеркало и гадал, о чем она думает.

angie, angie
where will it lead us from here?
with no lovin' in our souls
and no money in our coats
you can't say we're satisfied
angie, angie
you can't say we never tried
angie, you're beautiful, yeah
but ain't it time we said goodbye?

Машина выплевывала грязь из под мощных колес, временами чуть пробуксовывая по размытой ночным ливнем дороге. Лестер отмечал по пути поломанные ветки деревьев, чтобы потом вернуться и расчистить завалы. Работы предстояло на пару дней. Будет, чем занять мысли. На свежем воздухе как раз проветрит голову, чтобы не думать о том, что все

еще не насытился телом, сидевшей рядом девчонки. Лицо ее казалось напряженным.

— Права у меня есть, расслабься, — бросив на Льюис взгляд, небрежно-саркастично заметил он. — Живой доедешь точно. — Часы на крепко державшей руль руке отбрасывали солнечные зайчики на светлую ее кожу. Хотелось протянуть руку и погладить щеку, коснуться припухших губ... Не только руками. Алек вернул взгляд на дорогу, резко уходившую влево. Машину тряхнуло на кочке. — Грунт будет километром через двадцать, станет лучше, — зачем-то пообещал он, глядя перед собой. Еще минут пятнадцать они ехали молча. Стоунсов сменили Скрпионс и ACDC. Алек мог поклясться, что после плавного ритма баллад агрессивная композиция Джонсона пришлась Пенни не по вкусу. Или это из-за содержания? Алек усмехнулся, заметив как Пени напряглась сильнее. Все это было бы смешно, если бы на середине композиции Лестер не засек резкое движение откуда-то справа.

В книгах пишут, что по статистике, в случае опасности водитель выкручивает руль так, чтобы спасти себя. Инстинкт самосохранения. Именно поэтому самое безопасное место в машине как раз за водителем. Если, конечно, ваш водила не бывший летчик-истребитель. Алек резко вывернул руль, разворачивая машину, колеса забуксовали по грязи. Понимая, что не проскочит, вжал тормоза, рассчитывая, что так удар придется по капоту, а не по крыше, проломив им с Пенни головы. Уши наполнил сначала дикий, противный скрежет, потом звук удара. Алек даже дальновидно успел разблокировать двери, до того, как машина полностью остановилась, прижатая свалившимся сверху деревом.

— Fucking shit, — выругался он, растирая шею ладонями. — Цела? — Оглядев Пенни, прикрикнул власное — Вылезай скорее, ну! — опасаясь, что девчонка в шоке и сейчас организует истерику.

Наспех выбравшись из машины, проследив, чтобы Пенни тоже убралась поскорей, Лестер отошел чуть дальше и осмотрелся. Капот помяло знатно. Веткой зацепило лобовое, но им, к счастью, досталась не самая крупная. Стекло пошло трещинами, но выдержало. Ствол ушел чуть дальше. Алек запустил пятерню в короткую стрижку. Если бы он не заметил вовремя падение и не вывернул машину боком, ствол перебил бы ее пополам и оба они были бы уже мертвы. Недавние шутки про натрахались перед смертью уже не казались такими смешными, как с полчаса назад. Военная выправка и опыт в очередной раз сыграли ему на руку.

— Приехали, мать твою, — Лестер обернулся, ища глазами Пенни, но ее рядом не было. — Пенни? — В ушах гудел адреналин. Он уже успел забыть, каково это пройти на волосок от смерти. А ведь раньше настолько уже привык рисковать, что чувство страха притупилось. В учебке говорили, что это дурной знак. Как перестает быть страшно, считай ты труп. — Испугалась? — понимая, что девчонка, должно быть в шоке, он был готов перетерпеть еще одну истерику. Как-то уже входит в привычку, сука.

Пенни

Деревья. Надо считать деревья. Их было много, сложно сконцентрироваться. Машина проносилась мимо них, кажется, с невероятной скоростью. В том, что Алек умел управлять автомобилем и даже имел права, Льюис не сомневалась. Было ли что-то, что этот невероятный мужчина делать не умел?

Невероятный? О, нет, Льюис, не говори, что ты влюбилась...

Голос Джаггера приятно растекался по салону и навевал грустные мысли, заставляя Пенни немного расслабиться. На тридцать четвертом дереве страх отступил и она даже

спокойно выдохнула. Но ручку двери, в которую она вцепилась с самого момента движения, не отпускала. На всякий случай, конечно.

— Километров двадцать?! — Пенни округлила глаза и откинулась на спинку кресла, в котором сидела, но тут же снова выпрямилась, напряглась, когда машина в очередной раз подпрыгнула на кочке. Она поглядывала на руки Алека, которые уверенно поворачивали рулевое колесо, смотрела, как напрягались мышцы на его плечах, это даже было видно под его рубашкой. Или она просто запомнила, как это было, когда он был без рубашки?

Пенни похлопала глазами и отвернулась от мужчины, посмотрев в окно. Замшелые стволы деревьев проносились мимо глаз, а трава и листья кустарников поблескивали в утренней росе и вчерашней влаге дождя. Она замечала ветки раскиданные ночной грозой. Серьезно? Она не предполагала, что будет такая погода? Она собиралась ночевать в палатке! Да её бы придавило первой же такой веткой!

Машину снова тряхнуло и Пенни сделала глубокий вдох. Музыка сменилась, заставив её усмехнуться. Дорога в ад. Лучше и не придумаешь.

— Точно живой довезёшь? Или ты меня в оплату грехов... — она не договорила.

Алек резко вывернул руль и ударил по тормозам. Она лишь заметила его обеспокоенный взгляд.

О, нет-нет, только не сейчас...

Удар, какой-то скрежет и паутина трещин побежала по лобовому. Пенни в оцепенении смотрела на свою руку, которая вцепилась в ручку двери. Она поверхностно и часто дышала. Так нельзя дышать. Кожа мгновенно покрылась мелкими каплями пота. Она ощутила это всем телом.

— Вылезай скорее, ну! — голос Алека, будто вдалеке, приглушен собственным сердцебиением. Что произошло? Дверь открылась, мужская рука отсоединила ремень безопасности и Пенни тут же вскочила с места, отталкивая Алека, убегая от машины дальше, в лес, чувствуя что её вот-вот стошнит.

Ты знаешь, как правильно дышать. Чёрт возьми, Пенелопа! Дыши! Правильно!

Мысли вихрем проносились в голове, а ноги перебирали по земле, сминая ветки и траву под собой. Она не знала, сколько бежала, но в какой-то момент остановилась и схватилась за ствол дерева.

Дышать. Глубоко. Считать.

Не помогало.

Руки тряслись, а в ушах громыало сердцебиение. Настолько частое... Настолько громкое.

Деревья, ветки, стекло, покрытое мелкими трещинами, машина, покореженный металл. Снова деревья, ветки, покореженный металл... и вновь...

Глаза. Надо моргать.

Дышать. Правильно.

Вдох. Выдох. Задержка дыхания.

Вдох. Выдох чуть дольше. Ещё задержка.

Вдох... Выдох...

— Пенни! Пенни! — голос где-то будто вдалеке, будто через толщу воды.

Когда мужчина нашёл её, Пенни всё ещё не могла выйти из оцепенения. Она смотрела на него, но будто не видела, он что-то говорил, но Пенни не разбирала.

Вдох. Выдох.

Как учил доктор Миллс.

После аварии Пенни часто накрывали панические атаки. Она помнит первую такую внезапную и совсем незнакомую. Чувства, что она испытала, мог понять только тот, кто сталкивался с таким лично. Тогда она была в компании друзей и сначала ребята в непонимании смотрели на неё — кто-то в удивлении, а кто-то немного насмешливо. Когда Пенни покрылась мелким потом и её забила дрожь, стало ясно, что с девчонкой происходит что-то плохое. Она слышала "Дыши глубже" от подруги Нолы, и помнила её теплые руки, с силой сжимавшие плечи...

Теперь тоже руки. Кто-то трогал её лоб, щёки.

Мужской голос.

Успокаивающий.

Дыхание приходило в норму. Рядом кто-то был.

Алек

— Алек! — собственный голос выносит её из этого состояния. Пенни моргнула и сфокусировала взгляд на мужчине, а затем посмотрела вокруг.

Автомобиля не было видно, но Алек был рядом. Дыхание снова начало учащаться и, закрыв глаза, Пенни сделала глубокий вдох и выдох, чтобы прогнать окончательно панику.

— С тобой все хорошо? — открыв наконец глаза, спросила Пенни. Ей надо было говорить. — Прости, со мной такое бывает... — она провела рукой по мокрому лбу и улыбнулась мужчине.

Хоть о чем, любая тема.

— Ты бывал в Испании? — неожиданный вопрос, но не о её состоянии же сейчас говорить, — я не была. Хоть моя мать там родилась и жила там, пока отец не забрал её в Лондон...

За разговорами они шли куда-то, куда вел Лестер. Пенни категорически не хотела возвращаться к машине. Все её вещи и даже книжонка остались там, в рюкзаке, но возвращаться ей было нельзя. То есть, вряд ли бы её накрыло ещё одной атакой, но видеть потом искаженную машину каждый раз, когда закрываешь глаза, ей не хотелось. Пенни крепко держала мужчину за руку, иногда подскользывалась на скользкой траве в этих своих кроссовках и смущённо хлопала глазами, ругая себя за неуклюжесть.

Только оказавшись в доме Алека она смогла окончательно прийти в себя. Горячий чай и стены её успокоили.

— Как теперь быть? Раз дождь кончился, может, я сама найду дорогу? Нога не болит. Правда. — честное слово, Алек, вчерашний секс был волшебным и вылечил мою ногу, хотелось добавить. Но она сидела с кружкой в руках и серьёзно смотрела на него. Нога и вправду не болела и Пенни готова была идти. Разве что...

Разве что не хотела.

Алек

Плохо мать твою, очень нехорошо, — думал Лестер рыща глазами вокруг себя. К счастью, машина пострадала не настолько, чтоб полыхнуть к херам и подпалить собой лес. Не хватало еще попасть на первую полосу какого-то таблоида. Так и лезли в голову заголовки: Бывший майор Лестер потерял возможность палить по людям и теперь жжет леса. Алек поморщился от гадливости воспоминаний. Столько дерьма им было выпито за недолгий срок, пока шло судебное разбирательство.

— Пенни? — снова выкрикнул он, раздвигая близлежащие ветки. Девчонка, видимо, в

панике сбежала подальше от него и машины. Алек усмехнулся. — Я ведь предупреждал, что надо держаться от меня подальше, девочка. — Слишком тихо, чтобы она услышала находясь так далеко, что он и рассмотреть ее не мог в зеленом камуфляже леса. А когда, наконец, нашел, то понял, что дело дрянь. Нет, она была цела физически. Не сломала себе ничего, вопреки его опасениям и знаниям, что он успел скопить о ее ловкости за минувшие сутки. Девчонка застыла статуей, дрожа, как испуганный дикий зверек. Широко раскрытые глаза, полные дикого ужаса, выступивший на лбу пот, иссушенные губы...

Алек сделал шаг навстречу, тихонько ее позвав по имени. Пенни не обернулась и вообще не подавала признаков узнавания. Лестер сразу понял, что имеет дело с панической атакой, вздохнул, тяжело и обреченно, подошел ближе, так, чтобы держаться в поле ее зрения и не напугать. Медленно опустил руку на впившуюся в ствол клена ладонь, отводя ее в сторону, развернул к себе спиной, спускаясь вдоль ствола, сел прямо на землю, потянув Пенни за собой. Прислонившись к клену, усадил ее себе на колени, развернув лицом к себе. Дерево приняло их вес, покалывая сквозь рубашку спину шершавой своей корой.

— Тихе, девочка, дыши, — поглаживая раскрытой ладонью дрожащую спину, мягко напомнил Алек, выравнивая ритм дыхания, зная, что людям свойственно подстраиваться под человека рядом. Глубокий вдох и медленный выдох. Она смотрит в его лицо, но будто бы мимо. Алек рассматривает черты лица, обводит взглядом губы, аккуратный носик, ныряет в полные ужаса глаза, ощущая пальцами, как выравнивается ее дыхание в такт заданному им темпу. — Вот так, молодец, — тихая похвала дыханием колышет растрепанные на макушке волосы. “Какая же ты все-таки маленькая, господи”.

Как-то невольно, он переносит руку с плеча, подавшись желанием погладить бледную щеку с дорожками подсохших слез. “И плакса, к тому же”, — уголки губ вдруг трогает улыбкой. Мягкой и такой забытой. Что это? Нежность? Единственная, к кому он испытывал что-то подобное последние несколько лет — племяшка и вот вдруг. Алек поспешно убрал руку, коря себя за слабость. Добром это все не кончится.

Как раз в этот момент Пенни сморгнула и в глазах ее, глубоких, таких чистых, отразилось узнавание. Алек облегченно выдохнул. Даже быстрее все закончилось, чем он думал. Хорошая девочка, умничка, — мысленно похвалил он, вслух заверив, что находится в полном здравии.

— Я неубиваемый, — шутка получилась так себе. Впрочем, шуткой не была. Едва ли она не заметила несколько корявых шрамов на спине, груди и предплечьи.

— В Испании? Бывал на авиасалоне, — давно еще, по молодости, выступал с коллегами на показательных, исполняя фигуры высшего, красовался перед девочками, красивый, молодой, в парадке ВВС. — Красиво, но слишком жарко. — выросший в туманной Британии Алек не любил зной и предпочитал умеренный климат с затяжной осенью и полноценными зимами. — Твоя мама отчаянная женщина, — заметил он задумчиво. — Не каждая бросит все и отправится за мужиком в новую жизнь. — Некоторые скорее мужика бросят ради привычного, насиженного комфорта.

Пенни больше не дрожала и холодный ужас потихоньку уходил из радужки. Алек поднялся, даже не спуская ее с колен, легко, одной лишь рукой опершись о выступавший из земли бугристый корень, а второй поддерживая Пенни за аккуратный, упругий зад, поставил ее на ноги и протянул руку. — Обрато придется пешком. Часа полтора топать теперь, — так себе перспектива, да. Стоило вернуться к машине, чтобы забрать вещи, но рисковать и вновь получить истерику Алек не хотел, так что решил отложить решение проблемы на

потом. В сарае имелся старенький аппарат для срочной связи с рейнджерами, если нужно подмога на случай лесного пожара, обвала и найденного раненного человека. Можно будет вызвать ремонтников и бригаду для уборки, один он до осени не разгребется. Надо пойти проверить туристические тропы, чтобы разобрать поваленные там ветки и отметить, нет ли опасных мест камнепадов, оползней и обвалов.

Они долгое время шли молча, Алек держал Пенни за руку, помогая перебираться кое-где по камням или кореньям. Идти по дороге было бы проще, но гораздо дальше. Лестер хорошо знал места и решил срезать, чтобы добраться к дому быстрее.

Потом стал развлекать девчонку рассказами о местных животных. Как встретил медвежонка, видимо, забредшего с матерью, когда по весне они шли с гор к водопою ниже, за озером в узкий рукав реки.

— Думал, раздерет, — поднявшись на поваленный ствол, Алек протянул Пенни руку, помогая перешагнуть. — Не медвежонок, мать.

— Устала? — Дейзи тут же кинулась им навстречу, стоило Алеку открыть дверь своего шале. Он-то сам был привычен к долгим пешим переходам, а Пенни и так превысила, видать, свой лимит за последние сутки. — Это опасно, Пенни, — серьезно обернувшись на смехотворное ее предложение, Лестер свел брови. Ну как маленькая, вообще не думает наперед. — Может где-то по пути еще деревья аварийные? Хочешь оказаться под ним? — Это тебя настолько вдруг теперь пугает перспектива оказаться еще раз подо мной? Да не бойся ты, если сама не придешь, настаивать не буду, разве не поняла еще? — Я свяжусь со спасателями по радио, вызову механика и бригаду рейнджеров для расчистки маршрутов. Возможно уже завтра, в крайнем случае через пару дней сможешь, наконец, распрощаться с моей компанией. Есть будешь?

Пенни

Подумать только — второй день и ни минуты покоя. Сейчас, сидя в гостиной, в маленькой комнате уютного дома Алека, Пенни пыталась вспомнить, что она делала утром прошлого дня. Ведь казалось, что прошла целая вечность!

Она сказала родителям, что идет с ночёвкой в лес и к вечеру сегодняшнего дня планировала вернуться. Но перед самым выходом она решила, что могла бы остаться в лесу и подольше.

М-да, натура она непостоянная...

Что ж, родители привыкли и лишних вопросов не задавали. Мать, как обычно, переживала о том, что будет есть в пути её ребёнок. "Ребенок". В тридцать-то лет. Хотя, говорят, родители всегда считают своих детей "детьми". Пенни это чувство ещё не знакомо.

На самом деле, Пенни не шла пешком прям от дома, в Национальный парк Килларн её и ещё нескольких человек доставил экскурсионный автобус. Он ехал около часа по хорошей грунтовой дороге леса и добрался до привала — небольшой площадке, где туристы могли разложить палатки и устроить привал. Пенни не брала никакого гида, автобус был заказан только для того, чтобы доставить людей в лес. Пункт сбора на обратный путь был этим же. Через два дня, то есть, завтра вечером автобус может уехать без неё.

— Ты прав, — она опять согласилась с Алеком, посмотрев ему в глаза. Ей нестерпимо хотелось дотянуться до его лица и разгладить образовавшиеся морщинки меж бровей, когда он приводил аргументы в пользу того, что Льюис не должна идти сейчас. Нежность. Откуда-то взялась нежность.

Там в лесу, после аварии с деревом, он её успокаивал. Она плохо помнит, но то, что

осталось в памяти, хоть и сильно размыто и затуманено, ей нравилось. Он был с ней нежным. Он мог таким быть? Или её подсознание это придумало?

Пенни помнит тот его выдох облегчения, когда она вернулась к реальности. Он держал её на своих коленях и смотрел в глаза. Он там был другим. Хоть и сейчас он не такой, каким был ещё вчера, когда они только встретились, но что-то поменялось...

Ты влюбилась, глупая Льюис. Вот, что поменялось.

— Завтра... — Пенни произнесла задумчиво, — завтра возвращается автобус и забирает туристов, что ехали со мной с первой площадки, где-то в начале леса.

"Где-то". Вообще-то, Пенни должна была знать, где эта площадка, но на свою голову (и сердце), сошла с пути.

— Ты мог бы вывести меня на тропу завтра и я спокойно уеду отсюда, как и приехала.

Спокойно, как же.

Пенни чувствовала, как её клонит в сон. Всякий раз после панических атак оставалось очень мало сил и хотелось спать. Поэтому Пенни отказалась от еды, извинилась и пошла в комнату, где спала утром, чтобы отдохнуть.

— Спасибо, Алек. Не помню, говорила я тебе это или нет, — и правда. Ведь не посчитал же он секс за спасибо? А если посчитал?! От такой мысли щёки Льюис вспыхнули и она поспешила удалиться.

В комнате она сняла свою одежду и улеглась в кровать, с улыбкой вспоминая истории Алека, что слышала от него по пути обратно. Она попыталась его представить в форме лётчика. Не смогла. Решила попросить у него показать фото. Наверняка здесь что-то есть...

Проснувшись, Пенни к своему ужасу поняла, что уже вечер. Она проспала весь день!

Ощущая себя вполне бодрой, она облачилась в одежду, которую Алек выдал ей вчера и спустилась вниз.

Хозяина дома не было, собаки тоже. Но по звуку топора и хруста поленьев, Пенни поняла, что Лестер во дворе.

Она обошла кухню и заглянула в холодильник, пооткрывала некоторые шкафчики и с сожалением отправилась на улицу.

Дейзи с оживлением подняла голову и завиляла хвостом. Алека она увидела чуть поодаль. Опять без рубашки. Она привалилась к стене и некоторое время наблюдала за тем, как мужчина орудует топором. С каждым взмахом и ударом, его руки напрягались и мышцы красиво вырисовывались под кожей. Она опомнилась, когда Алек закинул уже третье полено. Пенни огляделась и увидела ещё один топорик на веранде. Он был поменьше. Она взяла его, закинула на плечо и с улыбкой отправилась к Алеку.

— В твоём холодильнике пусто. Только замороженные овощи и мясо. Нет яиц и муки. Ничего свежего... Нет ничего, что могла бы приготовить женщина, чтобы разнообразить твой холостяцкий рацион, — она выглядела вполне бодрой и подмигнула мужчине, — зато я нашла топорик, как раз для моей руки. Может, я здесь на что-то схожусь, чтобы не быть тебе обузой? — Пенни озорно улыбалась и огляделась по сторонам.

— Могу порубить вон те ветки, — она кивнула на груды веток, которой не замечала утром, — как думаешь, справлюсь?

Она посмеялась и взглянула на Алека. Солнце уже садилось и отбрасывало золотые лучи на его тело, которое теперь тоже казалось золотым, переливаясь в крохотных капельках пота.

— Я серьёзно, — и даже топорик поправила на плече.

Алек

Где-то в начале леса, — передразнил Алек, скидывая рубашку на спинку дивана. Пенни пошла наверх, ей в самом деле стоило отдохнуть после случившегося. Себе Лестер такой роскоши, как обеденный отдых не предусмотрел и потому вышел на улицу, решив использовать оторванные ветки с пользой, пополнив поленницу на случай отключения энергии.

В теории, он в самом деле мог вывести ее к стоянке, знал, где обычно скидывают туристов экскурсионные маршруты. Точек было на самом деле три. По крайней мере с той стороны леса, откуда по его прикидкам шла Льюис. Стоит ли ей сообщить, что вариантов несколько? Как будто от этого она лучше вспомнит, куда идти? Не слишком он верил в ее ориентирование на местности. Алек усмехнулся, вспомнив ее решимость идти самой пешком до поселка. Теперь вот до стоянки. Создавалось впечатление, что ей все равно, куда идти, лишь бы отделаться от его компании побыстрее. Он и сам бы рад, естественно, но только чтобы с умом, а не наспех. Сбагрить ее с плеч, дело не хитрое. Дойдет ли она до конечной точки своего маршрута при этом? Конечно, вроде бы дело не его и не должно заботить, но заботило, твою мать.

Он успел довольно много, прежде чем сумерки спустились на кроны кленов, окружавших опушку, где стояло его шале.

— Мне казалось, холостяцкий рацион вполне тебя устраивает, — Пенни, наконец, выспалась и вышла в свет. В его шмотках. Смотрелась весьма соблазнительно, вела себя легко и раскованно. Это удивляло и шло вразрез с тем, какой Лестер представлял ее реакцию к утру. Да и вообще, ожидал натянутости, неловкости, но не улучшения настроения. Сам тоже меньше теперь ее тиранил едкими замечаниями. Вроде как уже все равно не уберег от себя, чего теперь стараться лишний раз. Расслабься и получай удовольствие, так ведь говорят.

Алек вытер рукой пот со лба, повернувшись к вышедшей из дома Льюис. Взгляд его потемнел, а брови сошлись в строгой гримасе.

— Если хочешь помочь, то положи эту штуку. Медленно и аккуратно, — серьезно потребовал бывший вояка, потом вдруг рассмеялся. — Серьезно? Ты правда веришь, что я доверю тебе топор? Да я бы и нож побоялся, честно говоря. — Ты вчера мне наглядно продемонстрировала степень своей ловкости и умений. Какое уж тут оружие. Тем более колющее и режущее. Ну нет.

Воткнув свой топор в пень, Алек подошел к Пенни вплотную, аккуратно забирая у той ее добычу.

— Идем, научу тебя готовить без муки и яиц, — так бывает, представь? — Спорим, что даже вкусно? На желание, рискнешь?

Вернувшись в дом, Алек кивнул в сторону кухни: — Вернусь через пять минут, — сам отправился в душ, освежиться после тяжелой физической работы. Пока Пенни спала он успел вернуть назад занавеску, разогнать котел и вода теперь была не просто теплая — горячая. Правда, вограниченном количестве, но на помыться им двоим хватит точно.

Вернулся Лестер даже одетым, в спортивные брюки и футболку, убедился, что Пенни не разгромила кухню и принялся доставать из шкафов продукты и утварь. Поставил на плитку казанок, налил масло, достал из морозилки большой пакет уже тертой моркови и лука. Налив в казан масло, кинул туда часть овощей, сам открыл тушенку и протянул Пенни рис, чтобы промыла.

— Не трогай, пусть подгорит, — предупредил строго, когда заметил краем глаза, что Пенни собралась перемешать шипящие на огне овощи. — Подгорелую морковку нужно выкинуть, а масло сохранит в себе горечь и рис будет терпким, — так плов делали на востоке, в Ливии и Иране. Сначала казалось непривычно, а потом местный рис уже не зашел — слишком пресный.

Готовить Алек не любил, но дежурил по кухне в свое время наравне со всеми, так что умел многое и не жаловался. Армия все же была хорошей школой жизни и многое ему дала.

— Умеешь готовить что-то испанское? — мама-то наверняка готовила что-то свое, родное.

Высыпав промытый Пенни рис в казан, Алек прикрыл крышку, добавив в воду сухих приправ. Свежей зелени не имелось.

Пенни

Не то чтобы её задел вот этот вот тон и ещё вчера она бы на него разозлилась. Но теперь она смотрела на Лестера с улыбкой. Неудивительно, что он бы не доверил ей и ножа, если учесть, какой погром она учинила в его ванной. Всего лишь занавеска и полка! Подумаешь.

Он подошёл к ней вплоты. Такой соблазнительный, что аж дыхание перехватило.

Пенни сглотнула, чтобы смочить внезапно пересохшее горло, когда увидела, как его рука поднялась. Он всего лишь хотел забрать топор.

— А-а, нет, — она отрицательно покачала головой и сделала шаг назад. Льюис прекрасно знала, что топор это, блин, не игрушка, но ей не хотелось опять вот так проигрывать и делать так, как говорит хозяин леса. То есть, дома.

— Я сама справлюсь, — она обошла Алека, смотря за тем, чтобы он не кинулся забирать топор силой и встала к пню, в котором красовался топор Алека. Под пристальным взглядом мужчины, она взяла свой топорик обеими руками и закинула его чуть выше плеча. Топор рассек воздух с каким-то свистом и мягко вошёл в пень.

— Почти по центру! — Пенни с восторгом смотрела на проделанный трюк — её топорик стоял рядом с топором Алека, только рукояти из смотрели в противоположные стороны.

— Меня папа научил, — довольно обыденно пожала плечами Пенни и подошла к Алеку, потирая ладонки в которые отозвался удар и теперь к ним прилила кровь, — да, на желание. Отлично! — она задорно улыбалась и опять обошла Алека, смотревшего на неё с неким удивлением.

— Не сомневаюсь, что будет вкусно, но я всё равно придумаю какое-нибудь желание, — девушка прошла мимо Лестера, провела пальцем по его животу, на котором ещё не обсохли капельки пота и отправилась в дом, чуть впереди Алека.

Ма-атерь Божья, Пенни Льюис, ты заигрываешь с этим... красавчиком?!

Если бы внутренний голос мог, он бы упал в обморок. Пенни улыбнулась самой себе.

Развлекаюсь просто

И действительно, настроение у неё было весьма шаловливое. А чувствовала она себя бодро и, казалось, была готова горы свернуть.

Пока Алек принимал душ, Пенни ещё раз осмотрела стеллаж с его книгами и наткнулась на очень интересную вещь. Радиоприемник. Готовить ведь веселее с музыкой?

Включив приёмник, она немного разочаровалась. Она подзабыла, что находится в глуши. Мобильная сеть здесь не ловила, а радио... вообще-то могло, может, не все станции, но какую-нибудь могло бы и поймать?

Льюис вытянула руки с приемником над головой и походила по кухне. Приемник не издавал никаких звуков, кроме шипения.

Она покрутила регулятор и подошла к окну. У окна шансов поймать волну всегда было больше.

Наконец-то, появился какой-то намёк на музыку и Пенни радостно и медленно стала подкручивать регулятор, чтобы поймать волну. Увы, чистого звучания она не добилась, но зато теперь комнату наполняла музыка. Попса какая-то, но всё же.

— Я ничего не трогала! — Пенни подняла руки вверх, показывая раскрытые ладони, когда Лестер вернулся на кухню...одетым... — оу... — она пару раз моргнула, — ну, кроме этого приемника, — она отошла от подоконника, на котором теперь стоял приемник и изливал из себя какую-то современную музыку.

Пенни с неподдельным интересом наблюдала за орудовавшим на кухне Алеком.

— Но ведь так не честно! — она кивнула на замороженные и уже порезанные морковь и лук, — у меня бы ещё полчаса ушло на подготовку овощей, а ты — раз! — и готово! — с неким сожалением и даже нотками зависти, Пенни подперла подбородок рукой и уставилась на небольшой казан, стоявший на плите. Оттуда сразу послышалось шипение, когда Алек закинул овощи.

Управившись с тушёнкой, Пенни потянулась к казану, чтобы помешать овощи, которые по её мнению подгорали уже, а мужчина и не думал этому препятствовать.

— О, прости... — она отшатнулась от казана и вручила Алеку тушёнку, надеясь, что она всё сделала правильно.

— Да, готовить я умею, — она усмехнулась и раскрыла ладони, — смотри, даже все пальцы сохранила к своим тридцати годам, — она посмеялась, глядя на выражение лица Лестера, — Но про подгорелую морковь и масло впервые слышу. Интересно!

Ей и впрямь было интересно. Мужчина учил её готовить! Подумать только! Пенни опять задалась вопросом — а было ли что-то, что Лестер не умел?

Она с удовольствием слушала и смотрела за движениями мужчины. Он готовил плов. С тушёнкой. Даже мясо было уже готовым! Да, много ума не надо... но Пенни бы не додумалась до тушёнки, если честно.

— Да. Испанские блюда... я не скажу, что умею много, отец всё же предпочитает английскую еду, но я кое-что умею. Как-нибудь угощу тебя, — она забылась. Пенни смотрела, как Алек засыпает рис и приправы и накрывает крышкой казан. И она забылась. Это её "угощу как-нибудь" было неожиданным и для неё самой.

Знакомые мотивы испанской музыки переключили её внимание, давая возможность уйти от ответа, если у Алека появились бы вопросы на счёт её оговорки. Пусть это был мотивчик испанской попсы, а отнюдь не какой-нибудь жаркой сальсы, но это её очень порадовало. Она метнулась к приёмнику и сделала чуть громче.

— У нас теперь есть время, чтобы...потанцевать, не так ли? — она кокетливо изогнула бровь и повела бедрами. От звуков музыки по телу вдруг пробежали мурашки и девушка широко улыбалась, обнажая зубки. Вот уж на кухне Лестера она не ожидала услышать "Despacito".

Музыка играла четко, но периодически слышно было шипение. Всё же это не остановило Пенни, и она, завязав узел на футболке и закрепив его под самой грудью, оголила живот. Теперь футболка сверху сидела ещё свободнее и горловина съехала на бок, оголяя ещё и плечо. Штаны подвернула и спустила на бедра, пожалев, конечно, что на ней не

юбка. Распустила свои волосы, сняв резинку. Затем она сначала скромно, а потом всё увереннее стала перебирать босыми ногами и двигать бедрами пританцовывая.

— Эй, Алек, пошли танцевать? — она подошла к мужчине и взяла его за руку, — vamos! — со смехом она потянула его на себя.

Oh, ть, ть eres el imbn y yo soy el metal

Me voy acercando y voy armando el plan

— Что? Неужели есть то, чего ты не умеешь, гуаро? — она на миг положила его руки на свои бедра и тут же со смехом убрала их, увеличив расстояние между ними.

Des-pa-cito

Quiero respirar tu cuello despacito

Испанский. Пенни часто переходила на него. Эта привычка досталась ей от матери. Изабелл Касо, мать Пенни, до замужества прожила в небольшой деревушке возле Мадрида. Её семья содержала ферму, а по выходным продавала собственные товары — овощи и мясо, на рынке в Мадриде. Изабелл туда всегда ездила с отцом и старшей сестрой Кларой. Иногда, отец позволял дочерям поразвлечься и они убегали вместе с другими детьми торговцев, играли во что-то, пели песни и танцевали до позднего вечера. Там и заметил её Джон Льюис, оказавшийся в Мадриде в командировке вместе со своим отцом. Джон как раз вникнул в тонкости ведения дел в издательском доме, где работал его отец.

А в один из вечеров он прогуливался по улочкам Мадрида и слышал музыку и звонкий смех девушек. На тот момент Изабелл было всего 17 лет, а Джону 27. Дальше всё как в сказке. Как в классическом любовном романе.

Джон уехал через неделю, оставив Изабелл со слезами на глазах. Они переписывались ещё год, до того, как Джон смог вернуться в Мадрид и забрать Изабелл в Лондон, предложив выйти за него...

Мать Пенни быстро освоилась в Лондоне, язык она начала изучать с момента знакомства с отцом, хотя какое-то время Джону приходилось общаться с ней на испанском даже после переезда в Лондон.

Пенелопа же с рождения слышала два языка — английский и испанский и свободно говорила как на одном, так и на другом, но по понятным причинам чаще использовала английский. Однако, на семейных посиделках они часто болтали на испанском. А мать, бывало, забывалась и переходила на испанский, когда жарко рассказывала о какой-нибудь книге покупателю в книжной лавке. Хоть она и извинялась, но никто никогда не считал это чем-то плохим. Определенно, в испанском был свой шарм.

Теперь и Пенни забывалась и то и дело вставляла испанские словечки. Это говорило о лёгкости на душе. Ведь расслабиться и забыться иногда бывает очень сложно...

Pasito a pasito, suave suavecito

Nos vamos pegando, poquito a poquito

Que le enseñes a mi boca

Tus lugares favoritos

Она звонко смеялась, пока крутилась вокруг Алека в своём озорном танце, по привычке приподнимая ткань штанины, забывая, что на ней не юбка. Её глаза поблескивали радостью, а волосы рассыпались по плечам, которые она с кокетством поджимала. Иногда она подходила к Алеку вплотную, так близко, что ощущала тепло его кожи, и забавлялась тем, как он тянулся к её губам. Казалось, так все мужчины делают, когда девушка танцует близко, когда дразнится...

Мелодия кончилась и из приемника теперь доносилась какая-то мелодичная музыка.

— Кажется, достаточно с вас, мистер, — она улыбнулась и развязала узел футболки, ткань тут же скрыла живот, — теперь я знаю, что ты умеешь не всё, — дыхание Льюис было чуть учащенным от энергичного танца.

Алек

Пенни мыла в чаше рис под струей воды. Капли отскакивали ей на руки и лицо, девочка смешно морщилась. Алек вспоминал отчего-то, как ловко (учитывая все, что он успел о ней узнать) она всадила топорик в пень, с какой гордостью и торжеством сияли ее глаза. Там, в его одежде, растрепанная с припухшим после дневного сна лицом, она не казалась чужеродной в привычном ему диком пейзаже. Алек отчаянно гнал эти мысли, но напряженное тело все еще ощущало дрожь от ее ладони, игриво скользнувшей вдоль застывшего от касания камнем пресса.

Играешь со мной девочка? Уже не боишься? — пронеслось в голове, когда она вновь смешно сощутив глаза ляпнула что-то легкое, так отличавшееся от ее вчерашних речей. Вся она будто была другой, словно побывав в его койке, а потом и руках после панической атаки резко переменилась. Лестер не хотел этих перемен. Не хотел, чтобы она увидела в нем что-то, что видеть не должна, чтобы желание узнать его лучше, больше, из простого любопытства не переросло во что-то более упрямо-глубокое. Не хотел, чтобы она привязывалась к нему и еще меньше хотел сам ухнуть в коротенькое это приключения, зная, что все будет, как раньше. Она вернется к людям и цивилизации, а он туда возвращаться не желает. Вот и весь расклад. Диспозиция ясна, передислокация стратегически невыгодна и опасна массивными потерями личного состава нервов.

Даже это ее “я ничего не трогала” звучало совсем не как вчера. Алек догадывался, от чего. И догадки эти ему не нравились. Он позволил ей увидеть больше, чем следовало за фасадом грубоватого лесника, не желающего иметь ничего общего с людьми. Он был слишком собой, когда она нуждалась сегодня в участии и заботе. Вспомнил, как часто оказывался единственной опорой для тех, кто на грани срыва. Вечно ответственный за сопляков и желторотиков. Карма что ли?

Тридцать? Она сказала тридцать? — цифра эта казалась заоблачной, не вязалась ни с внешностью, ни с поведением. Алек смотрел озадаченно, почти шокировано и никак не мог найти в ее поступках, словах и жестах даже отголосков зрелой женщины. Он видел ее девчонкой чуть за двадцать, слишком громкой, слишком эмоциональной, слишком активной. Все слишком. Гипербола эта прорывалась в каждом ее жесте, в каждой ужимке. Как могло ей быть тридцать?

Обещание непременно угостить его испанской кухней резануло слух.

Так и думал, что к этому все идет. Прекращай, Лестер. Не хватало, чтобы она в самом деле решила остаться здесь, налаживать твой холостяцкий быт.

Конечно, мысль о том, что эта жаркая и притягательная девочка поселится в его койке, была приятной, но все остальное... Алек не был готов привести в дом женщину. Не теперь. Не факт, что вообще когда-либо еще в жизни. Ему хватило опыта, чтобы понять, почему нельзя доверять кому-то так сильно, чтобы подставить спину. Точно не женщине. Какой бы хорошенькой она не была. На самом деле даже, чем хорошее, тем хуже. Опаснее и более рискованно. А Пенни была очень хорошенькой, даже тот факт, что вчера он получил ее тело, не охладил жара и Алек постоянно ловил себя на мыслях о ее губах, руках. Слышал отголоски вчерашних хрипов в ее смехе. И от этого всего тело каменело, а в голове

туманилось. Он хотел ее ничуть не меньше, как ребенок, впервые попробовавший шоколад и теперь не желающий есть что либо еще в этой такой горькой жизни. Сладкая, яркая и такая солнечная, она посмела освещать собой эту комнату, наполняя энергией и смехом. Заразительным, звонким и таким притягательным. Он отзывался в груди Лестера чем-то тягучим, расширяя ребра и будто заставляя растягивать губы в улыбке.

Бросай это, Лестер. Очень опасные у вас игры.

Танцевать? — брови изогнулись сами собой. — Ну нет, — с ума сошла? Какой танцевать? Нашла романтика. Он и не был давно. Да, по юности и молодости часто развлекались с однокурсниками. Девушки любили курсантов-летчиков. Танцы тогда были ни о чем, зажал девочку под музыку, и топчись на месте, санкционировано вполне трогая в разных местах. Кто откажется в разгар пубертата? Жена его, кстати, танцев не любила. Он как-то пару раз включал пластинки дома, утягивая ее в медленное покачивание под ритм.

— Да ну тебя, Лестер, хочешь позажиматься, давай уже горизонтально, — уворачиваясь, она корчила кислую мину, отбивая все желание. Зажиматься в том числе.

А Пенни так соблазнительно тянула руки. Пусть музыка была совсем не та, что он предпочитал. Какая-то дикая, жаркая и современная, с рваным ритмом и писком синтезатора, но зато бедра ее качались просто умопомрачительно призывно. И эти протянутые к нему руки, и глаза...

Глаза ее, глубокие, точно не тридцатилетней женщины, полные свежести и энергичности, присущей юности, они будто высасывали из него душу, поджигая своим блеском что-то внутри. Он не хотел танцевать, не хотел поддаваться ее смеху, не хотел вспоминать, каково это быть по-настоящему живым, а не просто проживать дни. Но такая она была живая и настоящая, что ни одна блядская выдержка не выстоит. И Алек сдался, улыбнувшись. Улыбка эта теплом коснулась радужки, подсвечивая ее, сминая этим светом привычную холодность строгого погляда.

Лестер облизнул губы, когда плавные покачивания бедер под его ладонями отозвались тяжестью в животе.

Чертовка, дразнишься? — потянувшись за губами, стоило Пенни приблизиться, он почти поймал ее, но верткая и гибкая эта гюрза ускользнула из рук, ловко вывернувшись под ладонью.

Голос ее менялся, когда Пенни переходила на испанский, будто становился более глубоким, грудным и чувственным, сразу же стягивая в каменный узел сухожилия. Откровенно говоря, он уже не хотел ни ужина, ни танцев. Только ее. Одну лишь ее. Чтобы вот так она извивалась под ним, и пусть бы шептала что-то непонятное на грудном этом своем наречии, и так же тянула к нему руки.

— Я же не робот, чтобы все уметь, — совершенно не смущаясь признать факт своего несовершенства усмехается Лестер, с сожалением глядя, как футболка укрывает плоский, будто просивший поцелуев ее животик.

Заводной мотивчик сменился чем-то спокойным и таким знакомым.

Надо же. На этом радио крутят что-то дельное, удивительно, — подумал Алек, ловя девчонку за руку. Уложив ладонь на живот, чтобы вжать в себя спиной, Лестер чуть качнул бедрами в такт музыке. Не выпуская запястья заложил ее руку себе за шею, медленно вернувшись по ней, едва касаясь в легком поддразнивании.

В моем время в моде были такие танцы, девочка, — пряча усмешку, в пахнувших ветром и лесной прелостью волосах, он потяжелевшим дыханием щекотал ее нежную кожу.

You're breathing in fumes

I taste when we kiss

Let's get away

Just for one day

Его шепот был низким, будто обещающим что-то тайное, известное лишь ему одному.

Да, я даже слова знаю, представляешь. Хорошая песня, кстати, — подумал Алек в ответ на удивленное ее выражение лица, выхваченное сбоку.

Ему нравилось, что шепот дрожью отозвался в ее теле.

В эту игру можно играть вдвоем, девочка.

Руки его медленно спустились вдоль напряженных боков, резко развернув девчонку за талию, подложив одну руку под спину, Алек чуть отклонил Пенни назад, дав импульс своим плечом. Напряженная ее грудь тяжело вздымалась под натянутой футболкой, обвисшей сбоку. Ему нравилось это зрелище. Медленно пройдясь взглядом по шее, к груди, Алек дождался сильной ноты, чтобы вернуть ее назад из простенькой поддержки, проскользив рукой вдоль позвоночника до затылка и теперь поглаживая шею пальцами.

Let me see you stripped

Down to the bone

Она была так близко, что дыхание касалось плеча, он чувствовал неровный его ритм. То ли после недавнего ее активного танца, то ли от его прикосновений. Потому как медленное топтание на месте точно не сбilo бы ее с ритма.

Come back to the land

Наклонившись к уху прошептал Лестер, тихо рассмеявшись.

— Пожалуй хватит с вас, мисс, — руки резко разжались, выпуская ее из твердой рамки рук. Алек отступил на два шага назад, вновь облизнув губы. Во рту пересохло, и пусть маленький этот урок был сыгран в свои ворота в том числе, незабываемое выражение ее глаз того стоило.

Невозмутимо отвернувшись к жаровне, Лестер поднял крышку и поддел немного риса деревянной ложкой, подув попробовал с краю, после чего приглашающе протянул ложку Пенни.

— Попробуешь?

Пенни

Веселье. Казалось, в глазах Алека появилась радость. Пенни не верила, заглядывая в его глаза ещё и ещё, мягко прикоснулась к его рукам в своем танце.

Невероятные изменения. Когда человек улыбается... нет, когда человек сияет, это сильно меняет его внешность. Казавшиеся ещё вчера такие грубые черты лица его вдруг смягчились. Не было ни намека на хмурость между бровей. Улыбка на лице и улыбка в глазах.

Пенни трепетала! Опять! У неё получилось так поменять мужчину. Хоть и на время. То есть, она понимала, что это точно на время. Пока все легко — он улыбается. Он улыбается, потому что Пенни хочет, чтобы сейчас было легко. Она не лезет в душу, не расспрашивает о прошлом или о планах на будущее. Она, кажется, чему-то научилась. Или просто Алек был таким человеком? Человеком со стеной, которую не сломать, не перепрыгнуть, не залезть на неё, ни в отверстие подглядеть? Хотя, кое-что она всё же подглядела. Он был судим. За что? Бывший лётчик, дослужившийся до звания майора, что ты мог натворить?

Пенни старательно гнала эти мысли прочь. Она не хотела всё портить. Хотя бы сейчас.

Эта лёгкость движений и незабываемый разум ей нравился больше. "Относись к этому, как к курортному роману" — диктовало подсознание. И действительно, она помнит установку, с которой отправилась в лес. Она помнит, что её навело на мысли о том, что надо развеяться. Подумать только, она могла бы выйти замуж сегодня! Ведь была же установлена дата. 21 марта.

Может поэтому она так весела сегодня? До этого момента она даже и не вспоминала про бывшего жениха. Даже странно. Точнее... это, конечно, странно, но это хорошо странно. То есть, она действительно отвлеклась и выбросила того мерзавца из головы.

Цель достигнута. План выполнен.

Только в планы не входила влюбленность. Если один мужчина заменит другого для "пострадать", то по итогу выйдет, что херня это, а не план. Влюбиться в другого, чтобы выгнать из головы первого в общем-то нормально. Но не в случае Пенни с Алеком. Он останется здесь. Она здесь не останется. И если влюбиться, то страдания обеспечены.

Пока она крутилась перед Лестером и смотрела в его глаза, она и не думала о страдании. Но стоило только мужчине потеряться из зоны видимости, прижать её к себе, прошептать слова песни на ухо... Эмоции её захлестнули. Как не страдать, если это всё кончится совсем скоро?

Она мягко поглаживала мужчину по коже на шее, куда он уложил её руку и задерживала дыхание, боясь, что лишнее её движение нарушит всю гармонию. Он дразнил. Теперь он вёл. Играл с ней, как и она с ним, когда крутила перед ним своим телом.

Пенни ощущала его спиной, ягодицами, рукой и талией, где лежали руки...

Как приятно... внутри всё сжималось до дрожи. Сила его рук и мягкость движений туманили разум, а горячее дыхание и вовсе лишало возможности соображать...

Приятно и удивительно. Удивительно то, как сейчас он отличался всё же от того Алека, который рисовался маньяком и пытался её запугать. Тогда она его боялась. Сейчас она его желает.

Кое-какие мысли всё же были в её голове. Например, она думала, что ох, зря она всё это начала. Флирт, танцы... лучше бы шла себе уже где-нибудь в лесу к месту сбора, а не вот это вот всё...

Она уже тоже шевелила губами, подпевая вокалисту и Алеку, но резко оказавшись в другом положении, Пенни чуть не вскрикнула, часто заморгала и не могла сдержать улыбку.

Она прогибалась в спине и открывала шею как для поцелуя. Пальцы её рук впились в кожу рук Алека. Трусиха как есть, она, конечно, не ожидала такого поворота. Когда он выпрямил её, прижав к себе, она снова трепетала. Казалось, если бы он её не держал, она бы улетела...

Come back to the land

Горячее дыхание растворилось в тихом его смехе.

Нет-нет-нет, пусть музыка продолжается...

Она не хотела его отпускать. И Пенни будто действительно вернулась на землю, когда Алек повторил за ней же её слова...

— Ты... — она округлила глаза и не находила слов. Она смотрела на Алека, замечая, как он насмешливо взглянул на неё и облизнул губы, — да ты... Ты издеваешься! — Пенни не находила слов и не знала, что делать. Алек только что был здесь, держал её, прижимал к себе, а теперь так далеко. И делал вид, что вовсе ничего и НЕ БЫЛО!

Меня же моим же оружием?!

Это было... жестоко.

Жестоко! Вот как это было!

Льюис стояла и смотрела, как мужчина как ни в чем отправился к плите и стал пробовать плов.

Льюис, тебя развели, как девчонку! Чего ты ждала? Поцелуев? Любви до гроба?

Внутренний голос в истерике смеха закатился под стол.

Она понимала, что если продолжит как-то проявлять эмоции на этот счёт, то Лестер снова окунёт её в ведро насмешек и издевок, как было вчера, например. Даже сейчас своим вот этим простым видом издевался над ним. Она могла поклясться, что он заметил её недоумение и ликовал внутри. Да что уж там, вполне открыто он ликовал!

Она скрестила руки на груди и некоторое время думала, обидеться ей и пойти запереться в комнате или всё же попробовать, что у Алека вышло из риса, тушёнки с литром масла и кучей замороженных овощей?

Второе её подкупало всё же тем, что желание, которое она загадала могло бы и сбыться, а если убежать сейчас, то никто ничего так и не узнает... Пенни хмурилась и искала логику в собственных размышлениях, но в итоге додумалась до того, что наверняка Лестер от неё не отстанет и притащится в комнату (свою же!) (которая не запирается!) с этой ложкой плова.

— Что ж, давай выясним, насколько ты хорош в готовке, — наконец она сделала выбор и встала рядом с Алеком.

Он протянул ей ложку с небольшим количеством плова на ней.

— Пахнет вполне съедобно и аппетитно, — сначала она вдохнула аромат, а затем и попробовала сам плов.

Некоторое время тишину в комнате нарушало только периодически шипящее радио. Пока Пенни жевала, чтобы распробовать плов, она смотрела на Алека.

Чёрт возьми...

Она проглотила еду, приложила руку к своим губам и заскулила будто собираясь рыдать, прижимаясь лбом к плечу Алека. Пенни даже пару раз притворно прохныкала, даже не надеясь, что её спектакль сойдет за правду.

— Это...очень...вкусно, чёрт возьми, — она убрала руку и выпрямилась. Теперь глаза её горели и она улыбалась, — ты победил! Это действительно вкусно! Подумать только! Теперь понятно... — она запнулась, так и не закончив предложение, разглядывая его руки. Теперь было понятно, как он поддерживает себя в такой прекрасной форме. Хорошая еда и физический труд. Точно.

— Так что за желание? — она оторвалась от разглядывания его тела (в который раз!), в ней вдруг проснулся азарт, — перемыть весь дом? Вычесать шерсть Дейзи? Навести порядок во дворе? Переглядить твои рубашки? Прочесать лес по периметру?... — она тараторила, придумывая разные варианты, один бредовее другого, лишь бы только как-то отсрочить исполнение его желания.

— А вообще, я была очарована твоим торсом, когда ты предложил спор, — она очертила пальчиком круг, указывая на живот Алека, — ты ведь не мог приготовить невкусную еду. Тогда бы мы остались голодными! Значит ты априори знал, что победишь!

Железная логика просто.

АЛЕК

— Я? Не понимаю, о чем ты, — будто вспомнив себя прошлого, вот так легко и беззаботно поддразнивавшего позволяющих себе больше положенного девочек, Алек бросил

на рассерженно-разочарованную Пенни насмешливый взгляд, не без торжества, чего уж. Ему было, пожалуй, даже приятно, что навыв не заржавел и девчонка вот так легко повелась на невинный этот чисто мужской развод. Пара нежных взглядов, мягких, чуть дразнящих прикосновений, что-то чувственное на ухо, спустив голос на пару тонов. И все она уже тоже готова не ужинать. Можно было бы легко дотанцевать ее до дивана или стола или любой другой опоры. Но он не стал. Во-первых, потому что изначально план был не такой, а во-вторых, потому что она уже и так смотрела на него иначе. Слишком много дымчатой задумчивости скользило в ее тягучем взгляде. Алеку это не нравилось. Вернее, приятно, конечно, было и отдавалось легким трепетом где-то там, глубоко внутри, но разум понимал, что все это ловушка. Он уже бывал в этом капкане и больше не собирался попадаться на крючок, чтобы острые его края опять не распахали едва зажившее за годы нутро.

Игру эту затеяла Пенни сама. Он мог бы просто оборвать ее или сделать вид, что спустил на тормозах, но отчего-то хотелось проучить маленькую, осмелевшую эту девчонку. “Нужно отвечать за свои поступки, девочка”, — думал Лестер не без удовольствия, глядя, как ее аккуратная, отзывчивая к его прикосновениям грудь, ходит ходуном, мехами раздувая горн дыхания. И молнии в глазах. Будто никак не решит, злиться, обижаться или рассмеяться тому, как ловко попала в свои же сети. “Где ты училась, девочка, я мог бы преподавать”, — хотя бы потому, что был старше, пусть и не настолько, как считал изначально. А еще потому, что знал в своей жизни достаточно разных женщин, совсем юных, еще в учебке и даже старше себя, когда в долгие командировки на безрыбье и рак за еду. Все эти уловки ни разу не новость. И все же иногда просто так и тянет поддаться искушению... Сейчас вот, например. Алек отворачивается, отвлекаясь на еду, чтобы не испортить эффекта от урока и самому к ней не потянуться. Скрещенные под грудью руки только привлекли к ней внимание и Алек с трудом нашел в себе силы отвести голодный взгляд. Как будто не меньше суток назад она была в его руках. Как будто вместо того, чтоб ощущать приятную сытость, он стал только голоднее от вчерашнего перекуса. Так вот почему люди придумали закуски и аперитивы.

Пока Пенни жевала плов, он любовался выражением ее лица, тем как ярко читаются в мимике и жестах все эмоции. Вот уж правда открытая книга. Губы как-то сами собой растянулись в улыбке. Непривычно. Ну как удержаться, когда перед тобой такой спектакль.

— Звучишь так, как будто прикусила язык, — хорошенький свой, юркий и такой манящий. Что еще он умеет, кроме того, что вчера успел? — Или ошпарилась. — Но нет, он же пробовал и знал, что ей предлагал. Подначивание это отвлекало от окаменевшего под невинным вполне прикосновением плеча. Поскуливание напоминало совсем другие картинки. Он слишком хорошо еще помнил, как вот так же тихонько она стонала, когда руки его изучали ее тело, как терлась о его пальцы, желая получить больше, недовольная, что он намеренно оттягивает самое приятное. Алек набрал воздуха в грудь, до краев наполнив легкие, надеясь, что порция кислорода даст мозгу толчок включиться и взять верх над инстинктами. Он же не животное, в самом деле. Умеет себя контролировать, никогда не испытывал проблем с самоконтролем.

Желание? Сейчас у него было только одно, но озвучивать его Лестер не планировал. Если Пенни и окажется снова в его койке, то, как и в прошлый раз, по собственному желанию, а не потому, что проспорила. От этих мыслей Алек поморщился, так мерзко это звучало даже в теории. Вынуждать ее к сексу? Ну нет, может кто-то другой так бы и сделал, но точно не Лестер. Он был слишком правильным для этого и слишком честным с собой. Он

хотел, чтобы она его хотела. Вот так просто. По-другому ему было не интересно.

Вместо ответа, он раскладывает плов по тарелкам, ставит на невыключенную горелку чайник, чтобы тот закипел. Пока они едят, гадая, что загадала бы Пенни. Она наверняка что-то придумала же. Что? Спросить?

Если воображения ее хватает только на перечисленные (смешные, ей богу) варианты, то не все так страшно, как могло казаться. Поставив тарелки на стол, он кивком предлагает приняться за ужин.

— Зачем? — сев сам, он посмотрел в ее глаза, пытаясь разгадать это она в шутку или нервничает, что он затребует что-то, что она сделать не готова? Разве он не ясно дал понять, что ничего ТАКОГО силой ему не нужно. — Все это я могу сделать сам. Глупо тратить желание на то, что достижимо своими силами. Да и зачем мне гора глаженных рубашек в лесу? — он смеется, думая, что раньше ни за что на свете бы не стал надевать неглаженную даже майку. Даже дома. Теперь относился к таким вещам гораздо проще, не позволяя себе, тем не менее, совсем уж расслабленной расхлябанности, но пара морщин на футболке нисколько его не смущали.

Дейзи услышав свое имя, наострила уши, спрыгнула с дивана и ткнулась в ногу Пенни, требуя то ли еды, то ли ласки. Алек смотрел на девушку напротив, думая, что попросить. Он бы мог легко простить ей спор, потому что затевал его в каком-то глупом, ребяческом порыве, но Пенни явно настроена исполнять обязательства. Глядя, как рука ее опускается, чтобы зарыться пальцами в шерсть собаки, Алек ловит себя на мысли, что...

— Протестую, вкусная в моем понимании могла оказаться совершенно несъедобной для тебя. — Жирный плов точно бы не понравился любительнице салатов и сыроедения. Так что тут все честно, Пенни. Не придумывай.

Доев, Алек не торопится вставать и смотрит на девушку напротив задумчиво-изучающе. Поднимается, небрежно сгрузив тарелку в раковину, стягивает футболку, кинув на спинку стула, где только что сидел.

Очарована, говоришь? — глаза его глубокие, задумчивые, но комплимент теплом осел где-то на дне души. — Маленькая лисичка, хитрюга и подлиза.

Сложив руки на груди, Лестер молчит, будто раздумывая над чем-то.

— Я решил, чего хочу, — протянув руку, чтобы Пенни поднялась и подошла к нему, он ждет. Хмурится, заметив, отразившиеся на лице эмоции.

Серьезно? Ты так ничего и не поняла, девочка?

Он смотрит на руку в своей ладони. Такая хрупкая и нежная. Прохладные пальцы чуть напряжены. Сама Пенни тоже. Он легко представляет, как приятно руки эти скользят по коже, холодком обдавая плечи.

— Я хочу массаж, — а что вот это сам себе точно не сделаешь. А мышцы каменные после всех этих веток и завалов. И вообще когда я в последний раз что-то такое себе позволял? В прошлой жизни? Так почему нет. Это даже неприличным предложением не назовешь. Наверное.

Потянув Пенни за руку, Алек ложится на диван, подложив руку под голову и подставив спину под нежность ее рук.

— Только не говори, что ты не умеешь, — глядя снизу вверх с явным любопытством, усмехается он, припомнив ее претензию, что он не совершенен и не может похвастаться, что умеет все на свете.

Пенни

До чего же вкусно! Пенни жевала еду и поглядывала на Алека, сидевшего напротив. Было интересно, он уже придумал желание, когда затеял спор или придумывает вот прямо сейчас, откровенно глаза на неё, отчего к лицу приливалась кровь и щёки заливались румянцем. Почему она так его смущалась? Хотя, она всегда смущалась. Пенни не из тех, кто корчит из себя сильную-смелую, эдакую сучку, которая сама с ума сведёт любого и заставит на себя смотреть вот так. В ней ничего такого не было. И под взглядом Алека она особенно робела. Что-то внутри переворачивалось. Она этого боялась. Боялась того, что сидит внутри её и разносит трепет по телу от одного только его взгляда.

Ну конечно, пора бы раздеться! Пенни даже, кажется, не удивилась, когда снова увидела Алека полураздетым. Может, ему нравилось, когда девушки забывали как дышать, когда смотрели на потрясающий его торс? С ума сводить нравилось? Нравилось, чтобы вот так вот приходили сами в его постель, как она вчера?

Она закусила губу и посмотрела в его глаза. Зря. Взгляд его глубокий, пронзительный. Ей казалось, что он смотрит не на неё, а куда-то глубже. Будто бы она ему тоже интересна и он хотел узнать, что она чувствует или думает. Глупая, дурная Пенни, так ничего и не вынесла из своих неудачных отношений. Плевать мужикам на твой внутренний мир, ну!

Она отвела взгляд и тоже встала, потревожив мохнатую Дейзи, что так уютно лежала у её ног во время трапезы. Льюис подумала, что у плохого человека не может быть такой милой собаки. Но она и не считала Алека плохим. Он ничего дурного не сделал пока что. И вряд ли сделает. Не похож он был на того, кто бы заставил её силой или на спор с ним спать. Не только с ней, а вообще с любой. Не создавалось такого впечатления. Да и спал он уже с ней вчера. И на глупца похож не был, прекрасно ведь понимал, что достаточно было лишь объятий и поцелуя, чтобы она тут же ему отдалась. Уж после того, что он сделал с её телом в танце... Внутри всё сжалось от воспоминаний о том, как его пальцы скользили по её шее и талии. Где они только не были, эти его пальцы.

Пенни сделала максимально серьезное лицо и встала напротив Алека, когда погрузила и свою тарелку в раковину.

Значит, он не придумал заранее?

Она улыбнулась, но тут же нахмурились, когда увидела протянутую его руку.

— Что ты задумал? — она напряглась и с некоторой неуверенностью положила свою руку в его открытую ладонь. Что он мог получить только с её помощью? Если откинуть из вариантов постель. Может, у него здесь где-то икс-бокс и она давно не играл с кем-то на пару?

— Ооо, массаж... — она поджала губы.

Ты пожалеешь об этом, красавчик

Не в силах сдержать улыбку, она посмотрела на Алека. Seriously? Но смех пока ещё сдерживала. Она-то думала! Даже немного разочаровалась. Сама она придумала вполне ожидаемое желание и хвала тушенке с маслом, он теперь не узнает его желания. А так бы смеялся опять на весь лес.

Что ж... массаж. Пенни не умеет. Пенни не любит. В чём удовольствие тереть ладошками о спину или грудь? Ей делали массаж, конечно. Да, это приятно. Но сама, по своей инициативе, делать кому-то массаж она бы не стала, ей казалось это скучным. А ещё, в том чтобы делать массаж в домашних условиях, по её мнению, скрывался сексуальный подтекст.

Например, массаж в массажном салоне выглядит так — клиент, желавший массажа,

укладывается на специальную кушетку с таким отверстием для головы, чтобы не лежать лицом в подушку да ещё и с изогнутой шеей или подложенной под подбородок рукой. Массажист при этом стоит и тело клиента находится на уровне ему комфортном, чтобы спина не болела и руки не затекали. И сам массаж делает специалист, который знает, куда нажать, чтобы мышцы расслабились и знает, куда не нажимать, чтобы клиента не скрючило как корягу какую.

А в быту, в доме специально не оборудованном для массажа, в глазах Пенни это выглядит так: "давай, детка, я завалюсь на диван, ты сядешь на мой зад и помнешь мою спину руками, нас это должно обоих завести и мы перейдем к поцелуям и взаимным (в лучшем случае) ласкам. Ну и кончим одновременно. То есть, закончим массаж."

Вот сейчас Алек тянул её (подумать только!) к дивану. Она шла за ним и пялилась в его мощную спину и поглядывала на упругий его зад. Что ж ты такой красивый со всех сторон?

Нет, дорогой. Сегодня не будет как вчера. Вчера были эмоции. Много. Сегодня все эмоции остались в лесу и в танце. В горячем танце, чёрт возьми. Ну, ладно, может не все...

Она смотрела на широкую спину Алека и не знала, как к нему подойти. Что, и впрямь вот так просто сесть на его шикарный зад?

Она тихо посмеялась.

Спор есть спор, она вовсе не собиралась отказываться. И даже постарается сделать так, чтобы ему понравилось. Ну, или хотя бы, чтобы ему чего-нибудь не защемило.

— О, нет, я не буду говорить, что не умею, — ты и так это поймешь, она усмехнулась и начала растирать руки, когда уселась всё же на его ноги, чуть ниже ягодиц, — ты же не против, что я снова сверху, да? — хорошо язвить, когда не видишь глаз собеседника, — прости, но это вынужденная мера, ведь моя спина не справится с тем, чтобы стоять над тобой в полусогнутом состоянии... — может, ей и самой бы не помешал массаж.

Пенни улыбалась. Казалось, сейчас её не могла задеть ни одна его колкость. Почему? Она не понимала. Всё выглядело романтично, хотя и понятно к чему вело. Она размяла пальчики (опять же, так делали в фильмах — разминали пальцы и кисти) и прикоснулась к коже Алека. Провела от поясницы вверх, чуть нажимая у шеи, чтобы прочувствовать напряженные мышцы. И как их расслабить? Насколько он вообще доверяет ей? Её руки скользили по его телу, ощущали его мышцы. Это было довольно соблазнительно. Пенни закусывала губу всякий раз, когда думала о том, что хотела бы поцеловать его в шею.

— Я бы на твоём месте не доверяла вот так вот каждой встречной свою спину и позвоночник... — чтобы отвлечься от мыслей, она начала говорить и даже энергичнее стала мять его плечи, наблюдая за эмоциями на его лице. Он насмехается? Или она уже что-то передала? — В клинике, где я работала, был массажный кабинет. И знаешь, каких только историй не рассказывал нам массажист! — она улыбалась и растирала напряженные мышцы, надеясь, что это не больно, — Ох, через его руки прошло много тел — жертв домашнего массажа, — утрашающим голосом проговорила Пенни и опустила руки к пояснице, а затем переместила на ягодицы, чуть сжала их и, ухмыляясь, опять вернула руки на спину.

Она ещё немного помяла спину и плечи мужчины, стойко выдержала все его насмешки и просто погладила кожу в завершение массажа.

— Переворачивайся, — скомандовала Пенни, когда встала на пол, — Что? Массаж по системе "всё включено" от моих умелых рук. Ты даже не заметишь, как я закончу, — она рассмеялась и села сверху на его ноги, когда Алек лёг на спину.

Пенни положила ладони на его грудь. Теперь она видела его лицо и он видел её.

Поэтому на смену дерзости и легкости пришло смущение. Она старалась не глядеть в глаза, но взгляд то и дело тянулся к его лицу. Скользил по красивому прессу, оттуда к груди, к мощным плечам, к ключицам и шее. Оттуда к губам. Манящим и немного ухмыляющимся. Боже, да он до сих пор издевается над ней! Продолжает эту свою пытку, как делал в танце...

— В таком же духе я могу ещё массаж стоп, — она улыbnулась и положила руки на грудь, а затем спустила их по бокам, к рёбрам, — если ты, конечно, выдержишь это, — и она стала перебирать пальцами, двигаясь по его рёбрам к подмышкам. Только...

НИЧЕГО?!

Пенни повторила попытку защекотать Алека до икоты и нахмурились.

— Что? Ничего? — она покачала головой, — Совсем не боишься щекотки?

Алек

Звучало не очень обнадеживающе, откровенно говоря. Уже на этом этапе Алек догадывался, что он о своем желании сильно пожалеет. Вот есть у женщин эта парадоксальная суперспособность говорить обычные, обыденные вещи так, что ты сразу на уровне инстинктов понимаешь, как был неправ и как дорого тебе эта неправота теперь обойдется. Алек вздохнул, смирившись заранее с такой участью, не планируя теперь уж отступить. Позорное бегство с поля боя точно не вариант для бывшего майора. Его-то как раз за обратное судили. Превышение полномочий, нарушение прямого приказа, повлекшее массивные потери среди гражданского населения, несоразмерные полученному военному преимуществу. Так звучал его приговор. Ничего общего с дезертирством. Алек был обучен идти в атаку, рискуя собой и стараясь максимально сохранить вверенный личный став. Отвоевал свое давно, а вбитый в сознание маршрут так и остался основным рабочим.

Диван приятно охлаждал живот, вызвав легкую рябь гусиной кожи по телу. Лестер усмехнулся шутке Пенни, легко считав в ней неуверенность в предстоящем.

— Ни в чем себе не отказывай, — отозвавшись в тон, вдруг подумал, что давно уж вот так долго и планомерно не над кем не подшучивал. У племянницы на его своеобразный весьма юмор давно выработался иммунитет, а с другими он давно уж не общался достаточно плотно для такого вот стиля общения. — У тебя отлично получается, — быть сверху. По крайней мере, накануне вышло более чем приятно. Возможно, сейчас ты тоже справишься лучше, чем думаешь сама. Откровенно говоря, Лестер не слишком опасался, что Пенни что-то там фатально напортачит с его спиной. Хрупкая, с тонким пальчиками, ну что она могла сделать? Да чтоб окаменевшие его мышцы размять нужно силищу натренированных рук, а тут... оглаживать разве что.

По большому счету на это он и рассчитывал. Ну помнет слегка там и тут. Алек прикрыл глаза, расслабив мышцы. Прохладные руки Пенни легли на спину и понадобилось время, чтобы привыкнуть к этой прохладе. Чуть поведя головой, Лестер открыл глаза, чтобы посмотреть на болтавшую без умолку девчонку.

— Если после твоих усилий я не встану, то топить дом, готовить еду и очищать снег придется тебе самой, — насмешливо предупредил он, но это не было шуткой. Других людей вокруг не имелось, а задубеть в нетопленном доме так себе перспектива.

— Тем боле раз ты работала в клинике. Или ты там на ресепшене сидела, завлекая гостей милой улыбкой? — Вполне могла, приятно зайти в помещение и полюбоваться на красивое твое личико. Можно и второй раз пожелать прийти грешным делом.

— Эй, эй, — ты видимо нацелена и меня в этот список жертв, — возмутился Алек со смехом, чувствуя, что Пенни заигралась в новой роли и явно увлеклась. Не то чтоб он не

готов потерпеть, но они уже и так ходили по тонкой грани между приличным и сорваться в пропасть разврата. Впрочем, против он не был, иначе бы загадал желание куда более невинного и безопасного толка. Руки ее скорее дразнили, чем в самом деле справлялись с поставленной задачей. Думать о том, что это не то, чем кажется становилось все сложнее, как и вообще думать о чем-то, кроме желания развернуться на спину, припомнив ей недавнюю шутку про снова сверху, подтянуть к себе и нырнуть вместе с жаркой этой девочкой в тягучую заводь уже стягивавшего нутро желания.

Держи себя в руках, Лестер. Она уже на волосок от мыслей, что ты не такой уж мудила, при всех недостатках. Еще немного и решит погостить подольше. Ты же этого не хочешь?

Ответ должен был бы быть однозначным, но не был, а уж повернувшись после неожиданной ее просьбы, Алек растерял и те крохи уверенности, что успел наскрести по сусекам личного, мало приятного, жизненного опыта.

— Я привык замечать, как девушка кончит, и предпочитаю принимать в этом активное участие, — не стоило так шутить, не стоило смотреть на нее с обещанием и вызовом одновременно.

Чего ты добиваешься, Алек? Зачем играешь, как с пойманным мышонком. Ты даже есть ее не планируешь. Так понадкусываешь и все. Это что? Мсть женскому миру? Низко и подло, майор Лестер.

Алек сжал зубы, злясь на себя и нее одновременно. На то, какой соблазнительной была, как хотелось протянуть руки, чтобы поймать ее запястья, спеленав до полного контроля. На то, какими притягательными казались губы, болтавшие беспрестанно какую-то бессмыслицу. И на то, что не хотел сдерживать себя, отказывая в приятности. За это особенно сильно.

Он даже собирался прекратить это, ссадив Пени с себя, но она принялась дурачиться, щекоча его бока. Алек не боялся щекотки, но ему отчего-то стало смешно. Она вела себя то как опытная соблазнительница, то как маленький ребенок. И этой женщине 30 лет. Невероятно. Биполярка какая-то ей богу. Очаровательная биполярка, чего уж.

Алек, ты одичал до безумия. Так и знай.

Игнорируя ее вопрос, Алек пожал плечами, провоцируя ее попробовать еще раз. Дождался, когда любопытство сгубит кошку (как предсказуемо и легко тобой управлять, девчока) и внезапно вскрикнул, дернувшись. Девчонка оторопело подскочила, комнату наполнил смех.

— Защекотать до колик это вряд ли, скорее помру со смеху, — давясь приступами смеха, выдавил он из себя. Глаза его смеялись и внутри разлилась какая-то легкость, которой он давно уж не испытывал при разговоре с людьми.

— Да ладно тебе, — глядя в нахмуренное лицо, Алек, наконец, затих. — Не я это начал, девочка.

Ссадив Пенни с себя, Алек поднялся и сел рядом на диван.

— Ложись, научу тебя и этому тоже. Так и быть.

Пенни

Пенни улыбалась, рассматривая тело Алека. Опять он выдавал вот эти вот свои пошлые шуточки, от которых щеки краснели. Теперь-то он к ней лицом! А про сверху, она шутила, когда была за его спиной. При этом, Пенни казалось, что неловкость чувствовала только она одна. Мужчина же будто упивался тем, как она реагирует на его слова. Его глаза... улыбались? Так бывает?

— Да, я работала в клинике, — пряча глаза, Пенни решила ответить, чтобы не думать о пошлости, на которую съезжал Лестер, — считаешь, с милой улыбкой можно только на ресепшене сидеть? — она улыбнулась и мельком посмотрела в его глаза, продолжая массировать мужские грудь и плечи, — Я работала медсестрой в отделении скорой помощи. Меняла повязки после травм, — она провела пальцем по одному самому заметному шраму на груди Алека. Она видела, что и на спине его были шрамы, — ставила капельницы и еще много чего делала... — она вздохнула, а потом с улыбкой добавила, — и, да, иногда некоторые пациенты, придя в сознание, видели эту милую улыбку. Спасибо за комплимент.

На самом деле, Пенни не любила вспоминать и говорить о своей работе в “скорой”. То есть, сама работа была ей не в тягость и в общем-то занимала большую часть её жизни, чтобы совсем её не обсуждать. Просто всякий раз при упоминании о работе, она не вспоминала о том, как меняла повязки или искала вены, чтобы вставить иглу, она вспоминала эмоции и в частности боль в глазах людей. Пенелопа была довольно впечатлительной, но на работе часто приходилось оставаться железной или наоборот выдавливать из себя улыбку и сочувствие, чтобы людям не показалось, что ты бесчувственная тварь. Редко бывало такое, когда она уходила домой не с опухшими от слез глазами. Но были и положительные эмоции в её работе. Хотя и было их ничтожно мало, так мало, что в конце-концов Пенни не выдержала и эта тяга помогать людям куда-то делась, вынудив её уйти из клиники. Ей повезло, родители оставили ей книжную лавку, чтобы она имела возможность хоть как-то зарабатывать. Но некоторые угрызения совести сейчас она всё же испытывала. Ковид пришел неожиданно и заблокировал её здесь, в Ирландии. Возможно, будь она в Лондоне, она опять убивалась в клинике. А сейчас сидит верхом на каком-то красавчике, которого знает сутки. Массаж вот делает. Развлекается.

Если бы Пенни меньше в облаках, то и сама бы поняла, что Алек не боится щекотки. Он казался теперь какой-то непоколебимой стеной. Таким серьезным и твердым. И от волков спасет, и дрова нарубит на раз-два, и щекотки не боится. Но тем не менее, он смеялся. Он смеялся. В его глазах стена будто трещину дала. Пенни даже не сразу сообразила, что смеется он просто от души, а не от её неумелых попыток зашекетать его, потому что это не вязалось с его образом сильного и нерушимого.

Пенни смотрела в его лицо и, закусывая губу, хмурилась. Она поймала себя на мысли, что хотела бы его поцеловать. Так вот просто, обхватить его лицо ладошками, большими пальцами погладить скулы, посмотреть в веселые глаза и прикоснуться к его теплым губам своими. А еще, ей хотелось объятий. Просто потому что сейчас было легко. Буквально какое-то время назад они танцевали, теперь вот смеются на диване и их разделяет ничего. Ничего нет между ними. Точнее, не было, до того момента, пока Пенни не стала об этом думать. Её привлекает Алек или просто мужчина, который выразил к ней нежность? Она мысленно вернулась к месту их недавней аварии в лесу.

То есть, будь на месте Алека какой-нибудь другой мужчина, пусть постарше, с обрюзгшим пузом и лысеющей головой, который вечером пивком балуется, ты бы тоже растаяла от проявления нежности? Не все ж они сволочи.

Пенни передернула плечами и понадеялась, что Алек не принял это на свой счет, потому что внезапно затих.

Но перед ней сейчас красавчик. Весь такой загадочный. Тем и притягивает к себе. Слишком притягивает.

Перестань, не глупи. Наверняка, не ты единственная, кто хотела бы его "разгадать".

В какой-то момент он оказался чересчур близко к лицу Пенни, поднимая и пересеживая её с себя на диван. Она бы хотела, чтобы он оставался так близко еще немного.

Всю оставшуюся жизнь, пожалуйста

— Ложись, научу тебя и этому тоже. Так и быть.

Словно водой окатили.

— Умеешь ты девушек привести в чувство, Алек, — она хмыкнула и округлила глаза, — спасибо за предложение, но я не доверяю свой позвоночник незнакомцам, — она хихикнула и тут же покраснела. Ага, а всё остальное доверяешь?!

— Долго ты здесь находишься? В лесу, — Пенни усаживалась поудобнее, рассматривая лицо Алека, его эмоции, может, она лезет, куда не надо? — один... Почему? — Пенни и сама почувствовала перемену в голосе своем, он стал более уверенным, не как вчера — голос зашуганной мышки, интересно, видел ли эту перемену Алек?

— Потому что ты был осужден? Но ведь много людей живут с судимостью не в отшельниках... — сразу же продолжила она, пытаясь смягчить свой же вопрос.

Пенни не понимала и хотела знать. Хоть и кричала недавно (хотя, казалось, что так давно), что не хочет знать его. В голове не укладывалось, что такой, как он может вполне нормально вести такой образ жизни. Он красив, не глуп, с руками и без явно видимых зависимостей. Не похож он был на пьяницу или наркомана, даже вряд ли травкой-то баловался. Бывший военный, а значит не бедствует. Что же заставило его отказаться от благ цивилизации и поселиться в глуши лесной?

Внутри Льюис чувствовала, что ни к чему хорошему подобный разговор может и не приведет и лучше бы она сделала, что хотела, просто поцеловала бы его. Наверняка они бы даже провели эту ночь вместе. Но что-то щелкнуло от этой непринужденности и его этой радости в глазах. Появились вопросы. Весьма бестактные, если учесть то, сколько они знакомы, но они появились. И наверное у Пенни просто не будет другого шанса их задать.

Алек

— Как знаешь, — ничуть, будто не смутившись отказу, Алек пожал плечами. Не то чтоб это был единственный шанс прикоснуться к ее телу. Пенни была достаточно близко и явно в достаточно хорошем расположении духа, чтобы благосклонно отнестись к его приставаниям, если бы он решил пойти в наступление. Может быть, он бы даже решил, поддавшись внезапной лёгкости в разговоре, взаимным, лёгким, ни к чему не обязывающим шуткам и такому же сексу без обязательств, но Пенни, стоит отдать ей должное, умела не только сделать вечер приятным, испортить его тоже смогла за секунды. Алек напрягся.

Вот оно. Суток не прошло, а она уже лезет к тебе в душу. Какой уж тут ни к чему не обязывающий секс.

Алек не любил любопытства. Сам никогда не совал носа в чужие дела и не потворствовал любителем показаться в грязном белье.

— Достаточно, — холодно, будто обрубая эту тему на корню, осадил он сквозь зубы. Голос его, твердый, как сталь, с таким же металлическим привкусом на языке, рассек напряженную тишину, не принеся разрядки воздуху.

Повернув голову, он долго молча смотрел на Пенни, будто спрашивая, зачем ей понадобилось все испортить. Впервые за очень долгий срок он ощутил былую лёгкость в разговоре. Тем более с молодой и миловидной девушкой. Казалось, впереди ещё долгий приятный вечер и не менее приятная для обоих ночь.

Все крошились под ногами, как разбитая пулей лобовуха БТРа. Неприятный этот хруст

вызывал раздражение и вьетнамские флешбеки. События, которые майор Лестер тщательно замуровывал в застенки подсознания, заколотив этот склад аршинными досками. Не для того, чтобы легкомысленная девчонка, попершаяся в леса в кроссовках и без сигналки, сидела теперь, соблазнительно касаясь бедром его ноги и ковыряла заржавевшие гвозди своими любопытными пальчиками. Под согнутой шапкой гвоздя вот так же кровило. Алек едва удержался, чтобы не поморщиться.

— Если ты думала, что хороший секс повод лезть не в свое дело, Пенни, то должен тебя разочаровать. Вовремя раздвинутые ноги не тот прием, который стоило использовать, — отвернувшись, будто ему было противно на нее смотреть или это единственный способ не свернуть ей шею, Алек, не одеваясь, молча вышел из дома на террасу. Холодный вечерний воздух тут же накинулся на голый его торс, отрезвляюще колко покусывая тело.

В голове снарядами разрывались продернутые дымкой времени воспоминания. Воспоминания, к которым он не хотел возвращаться. Уродливые заголовки таблоидов, интервью с жертвами конфликта, разворот слезливых истории от его суки-жены. Целая цистерна помоев на его некогда кристально чистый мундир. Срезанные погоны, как ножом по сердцу. Выслуженные потом и кровью, выстраданные зноем в кишлаках, выписанные шрамами по спине и груди. Погоны, которыми он гордился. В самом деле гордился быть майором ВВС Британии, всегда с готовностью отправляясь туда, куда пошлют. Даже тогда, когда понимал, что не вернётся. Даже тогда, когда отчаянно хотелось вернуться.

Зря ты это затеяла, Пенни Льюис.

Алек потёр ладонями шею. Если бы он мог, он бы выволок ее к чертям из дома и выпроводил пинком под зад, но идти ей было некуда. И при всем, что о нем говорили охочие до горяченького журналисты, Алек не был таким уж жестоким и бездушным. Да, отдал приказ зачистить целое село. Имел на то причины, пусть и выставили все так, будто просто ненавидел бедных дикарей. Британский монстр. Так его называли в прессе, смакуя приговор. Что ж британский монстр, выкосивший бомбежкой целое поселение не позволял себе выгнать в недружелюбный ночной лес беспомощную наглую девчонку. Какая пошлая ирония.

Пенни

Всё изменилось ещё до этого тяжёлого взгляда. Льюис и сама знала, что делает. Но не могла она промолчать, не могла не спросить. Когда-то вообще бывает удобное время для таких разговоров? Это не спросить за завтраком точно. А сейчас, когда за окном стремительно темнеет, а вокруг такая разряженная обстановка, казалось бы, идеальное время для разговоров по душам. Но нет же! Если бы взгляд умел убивать, мёртвое тело Пенни уже лежало бы на этом диване.

Глаза Алека стали будто темнее, а челюсти сжались. Только теперь Пенелопа осознавала, насколько она была наивной и насколько большую ошибку сделала, затеяв этот разговор. Она действительно хотела с ним по душам поговорить? Вот с ним? Кажется, она не дышала всё то время, пока мужчина молча смотрел на неё. Разочарование четко читалось в его глазах. Уж лучше бы обняла его, как и хотела. Если злоба это обычное его состояние, то действительно прекрасной возможностью поблагодарить его — это проявить нежность и подарить какие-то положительные эмоции..

ЧТО?!

Снова будто пощёчина. Глаза тут же начало щипать от слёз и его резких слов. От гадких слов. Раздвинутые ноги — приём?! Ох, нет...

Наивная Пенни! К тридцати годам уже пора бы запомнить, что мужчины секс воспринимают как расплату за что-то или как способ что-то получить, но никак не удовольствие! Что вы!

Щеки её вспыхнули и она злилась на него теперь не меньше, чем он на неё, уж точно. Ещё Пенни злилась и на себя. Хотелось опять зарыться в свой домик и не общаться ни с кем. В другой лес пойти, может?!

Она всхлипнула, когда мужчина наконец-то отвернулся от неё. Пенни видела, как напряглась его шея, какими жёсткими стали его движения, когда он поднимался и выходил из комнаты. В какой-то момент Льюис хотела броситься за ним, чтобы обнять и извиниться, но понимала, что во-первых, это не принесет ничего хорошего, потому что судя по его реакции, никаких объятий между ними точно больше не будет, а во-вторых, за что она вообще хотела извиниться? За то, что хотела ему помочь? Пенни искренне считала, что живя в такой глуши, один на один со своими проблемами, ему просто необходимо было поговорить с кем-то. Почему бы не с ней?

Возможно она ошибалась. И не надо было ему говорить. А если бы хотел говорить, то не бежал бы в глушь...

Когда дверь за Алеком закрылась, Пенни вытерла слёзы с щёк и откинула голову на спинку дивана, глазами уткнувшись в потолок. Некоторое время она сидела так, размышляя, что делать дальше. Уйти она не могла, да и вряд ли Алек её отпустит, а вот жить до завтрашнего утра им под одной крышей надо как-то. Желательно мирно.

Льюис поднялась с дивана и прошла в кухню к раковине. Надо было чем-то заняться и отвлечься. Уборка или готовка хорошо помогали.

Она вспенила губку и начала натирать тарелки. Подумать только! Ноги она раздвигает, чтобы поговорить с ним. Уж не маленький, должен понимать, что не для того, чтобы поболтать, она ему свой язык в рот толкала.

Обида и злость, казалось, выливались вместе с пеной на посуду, вот только пена смывалась с водой, а эмоции — нет.

Льюис уже вытерла посуду, когда мужчина вернулся в дом. Отлично.

— И к твоему сведению, я не лезу не в своё дело! Я поговорить пытаюсь, — она остановилась напротив Алека с кухонным полотенцем в руках, с силой вытирая пальцы, которые уже давно высохли, — секс был приемом? Серьезно так считаешь?! До того, как... как я пришла к тебе, я не слишком-то хотела знать, что у тебя там внутри, — она кивнула на его грудь, руки всё ещё были заняты полотенцем, она неистово шеркала свои пальцы и ладони, будто это могло помочь успокоить нервы.

— Лезть не в своё дело, я могла и без секса, когда осталась наедине с твоим прошлым там наверху. Но у меня и не такие методы, Алек. Я подумала, что, может этот человек хотел бы с кем-нибудь поговорить? Может, сгложусь я ещё на что-то, кроме приятного секса! — последняя фраза перешла почти в крик и Пенни с трудом остановила себя и эту истерику. Она вдруг поняла, что всё это время держала и зачем-то натирала полотенцем руки. Будто опомнившись, она повернулась и повесила полотенце на крючок.

— Если не хотел говорить, мог бы сказать об этом. Просто сказать: "Я не хочу говорить об этом, Пенни"! — она сжала кулаки и снова встала напротив, — это было бы проще, чем обижать меня. Или ты так не умеешь?

Алек

Алек вернулся, когда замёрз. Вернее, когда замёрз настолько, чтобы не вспыхнуть

моментально и не убить эту идиотку любопытную, если она откроет свой рот, желая договорить. С женщинами такое часто случалось.

Стоя на террасе, Лестер пытался вернуться в реальность, запихивая флешбеки из прошлого обратно в чулан памяти. Туда, где им самое место. Где-то там, в глубине души, он знал, что Пенни полезла в это все не со зла. Не было в ее глазах ни злобливости, ни подлости. Только слезы. Он пребольно хлестнул ее словами. Намеренно, жестоко, полностью отдавая себе отчет в сказанном.

Это был грязный прием, майор Лестер.

Просто отчаянно хотел отбить любую охоту спрашивать что-то ещё, узнавать его или о нем, допускать мысль, что он хороший парень и... никаких "и" быть не могло. И Алек использовал проверенный способ прочертить между собой и этой Льюис между. Ударил по больному, понимая, что прийти вот так вчера к незнакомому мужчине ей не было плевым делом. Не была она похожа на любительницу случайного переписки. Слишком искренне смущалась от скабрёзных шуток, которыми он намеренно ее задевал, чтобы проверить свои догадки. Какой бы ни была причина вчерашнего поступка, это точно не от ее доступности и неразборчивости в связях.

Алек только убедился в этом во время панической атаки после аварии и даже нынче вечером, во время ее провокационных танцев. Воспоминание об этом было теплым настолько, что Лестер шумно выдохнул качнув головой. Потёр щетинистую щеку ладонью, поджав губы.

Зачем ты все испортила, Пенни?

Ну неужели простое любопытство всего этого стоило. Ну какое ей дело, если завтра ее уже здесь не будет! Неужели он так похож на любителя психотерапии.

На зоне ему прописали обязательное посещение местного мозгоправа. Отказаться, естественно, было нельзя. Тощий, флегматичный сверчок-психиатр пытался убедить Алека, что у него проблемы, что надо бросать курить и что чрезмерное употребление не спасение от всех бед. Курить Лестер в самом деле бросил, но не по наводке докторишки, а потому что не желал изодраться, чтобы достать очередную пачку. Просто проявить волю было проще. Бухать там получалось ещё хуже. Обходилось дорого не только для здоровья, но и нервной системы, а его, Алека, и так изрядно штормило после возвращения с командировки и всей этой истории с судом и следствием. Он понимал, что по пьяни просто к херам может кого-то пришить. Причем, голыми руками. Для этого даже не нужно было его злить, достаточно просто неожиданно подойти сзади, чтобы он не заметил движения. Все. Ты труп. Потом поди докажи, что не со зла, а рефлекс сработал.

Открывая дверь, он надеялся, что Пенни разобиделась и свалила в спальню, забаррикадив дверь шкафом. Но нет. Она стояла посреди кухни, так естественно и органично вписавшись в нехитрый холостяцкий быт, будто намекая, что ей здесь самое место. Алек вздохнул ещё раз, набрав полные лёгкие воздуха, понимая, что сейчас услышит ещё порцию какого-нибудь дерьма.

Орать или истерить?

Гадал Лестер, пока Пенни набирала обороты в своей гневной тираде.

Все сказала? — равнодушно уточнил он, сдерживаясь, чтобы не послать ее на хер. Вся ее отповедь сводилась к банальному "я жертва, а ты козел". По сути его такой расклад вполне устраивал. Изначально так и планировалось, пока не покатилося в... ну да, туда и покатилося в буквальном смысле.

Поговорить ты хочешь, девочка? По душам?

Пенни обладала удивительной способностью выбесить на ровном месте, завести с полпинка до состояния близкого к берсерку. И Алек ощутил, как волна бешенства вновь лавиной накрывает разум. Было почему-то до чёртиков обидно, что вместо приятного вечера она устроила блядь, вот эту бессмысленную херню. Чего ради?

— Что ты хотела узнать, Пенни? Сколько человек я убил вот этими руками? — будто в доказательство поймав ее натертые теперь едва не до блеска ладони, Алек зло усмехнулся. Недавний проблеск теплой улыбки сменился звериным оскалом. Вспомнились слова жены, что ей противны прикосновения, омытых кровью невинных рук. — Много сотен. Детей, женщин, стариков. — Перед глазами стояли кадры из газет. Разорванное на куски тело мальчишки лет пяти, разможенная упавшим куском стены половина женщины. И его имя под всем этим дерьмом. Скулы пошли рябью, глаза стали ещё темнее.

— Может рассказать тебе как мы запихивали в глотки пленным газовый шланг, вворачивали в него колючую проволоку и вынимали в обратной последовательности вместе с кишками? Прямо вот так, через рот, — что ж ты смотришь с таким ужасом, девочка. Ты же хотела откровенно и по-душам. Все вы хотите. Кто из вас подумал вывезет ли ваша психика такие беседы. Ты спать-то теперь сможешь нормально, разговорчивая?!

Алек зло опустил ее руки, усмехнувшись.

— Не хотела знать, так и нечего начинать, — сквозь зубы выплюнув ее же слова, он молча прошел к раковине, налил себе воды и сделал несколько больших глотков. Раньше вот так же легко накачивался всяким низкосортным пойлом. Может, и хорошо, что загремел на зону. Хоть не спился, как многие бывшие вояки. Делом вот занят. Живет, как человек.

Обидели ее, подумайте. Опять глаза полные ужаса и слез. Смотрела на меня, как на чудовище вчера, вот и нечего переставать, девочка. Чудовище и есть. По-доброму, он видите ли не умеет.

— Не умею, Пенни Льюис. И не хочу уметь. За убийство я сидел, — ты же хотела откровенность. Получила желаемое. Довольна? — Теперь твое любопытство удовлетворено? — холодной сталью его тона можно было нарезать тяжёлый воздух. — Где спальня ты помнишь. Завтра утром провожу до стоянки. Тебе пора.

Пенни

Вообще не то. Не это она хотела знать. Но сказать теперь ничего не могла.

Убил? Алек убил? В горле стоял ком, который не проглотить. Пенни задержала дыхание и смотрела в его глаза. Её руки вдруг оказались в руках мужчины. Его прохладная кожа мурашками осталась на её запястьях. Пенни не смотрела на руки, но перехватила его запястья и немного сжала их, всматриваясь в его глаза. Она не верила. Много сотен?! Не может быть такого. Она сморгнула слезу из глаз и та горячей каплей потекла по её щеке.

Он не мог. Он не похож...

Пенни хотелось кричать, что она не верит. Она вовсе не желала подробностей. Он просто хотел её напугать. Так она себя успокаивала. Её пальцы поглаживали кожу Алека. Она будто хотела его успокоить, хотя в пору успокаивать её. Но подойти ближе, она не решалась.

— Нет... — она качала головой, когда Алек говорил нечто ужасное про пленных. Так не делают военные. Он не мог мучить пленных. Или мог? Какие вообще пленные? В его глазах она читала ярость. От него хотелось бежать. И когда Алек отпустил её руки, она отвернулась и подошла к окну, обнимая себя за плечи и пощипывая локти, будто хотела проснуться от

этого ужасного сна. Ведь было всё хорошо всего несколько минут назад...

Она всматривалась в темноту леса, но всё равно видела его в отражении. Видела, как он напряжен и как ходили желваки на его скулах, когда он сжимал зубы. План “поговорить” был провален. Всё свелось к тому, с чего они начали — он опять её запугивал. Замазывал ту трещину, что, казалось, тогда появилась в его глазах.

Расстраивалась ли она от того, что он говорил ужасные вещи? Про кишки и вот это вот всё? О, нет. Кровью, переломанными костями, торчащими из конечностей, мозгами или кишками её не напугать. Ну, ладно, кишки еще не видела. Но воображение у неё хорошее. Однако, работа её достаточно закалила, чтобы быстро абстрагироваться от тех ужасов.

Она повела плечами, будто хотела сбросить с себя весь этот поток информации. Обидно было то, что от такого откровения ей не стало легче. То есть, не то чтобы она это спрашивала из простого любопытства, чтобы было что обсудить с подружками. Нет. Она хотела узнать его. Хотела проникнуться к нему и чтобы он смог доверять ей. Хотя бы на одну ночь... Только вот для чего? Если уж и решила относиться к их близости как к курортному роману, надо ли было всё портить? Надо было. Хотя бы потому что Пенни считала, что он не такой, каким кичится перед ней, пытаюсь запугать. Она бы хотела стать ему ближе. И не верила ни одному слову. Нет, возможно, ему и приходилось убивать, но ведь он бывший военный, военные для того и военные... но чтобы так, как он рассказывает? И женщин и детей? Врёт.

Пенни хотела кричать, поэтому, сдерживаясь, плотно прижала ладонь к своему рту. Со слезами на глазах она смотрела на Алека через стекло и не верила в то, что он говорит. То есть, не могла поверить. Если он был так жесток, почему сейчас на свободе? Быстренько отсидел за реальное убийство кучи людей?

— Где спальня ты помнишь. Завтра утром провожу до стоянки. Тебе пора.

Он опять её прогоняет. Она шумно выдохнула и подняла лицо к потолку, вытирая слезы с щек, перед тем как повернуться к Алеку. Всё это время он говорил ей только ужасы. А теперь спрашивает довольна ли она? Но она не это хотела слышать. Сказать ему, что не напугал её? Пусть подумает, что она в конец чокнутая. Может еще ужасов выдумает на ночь.

Повернувшись к нему, Пенни вроде даже обрела способность говорить. Но не знала, что сказать. Просто молча смотрела на него. На его тело, на котором теперь будто четче виднелись светлые давние шрамы, в его глаза, которые были темны и глубоки и затягивали её с собой. Она бы и рада не сопротивляться, но Алек всем видом показывал, что она здесь не нужна ему. Для души уж точно нет. Для постели разве что. Вот так и бывает. Только в юности можно говорить о жизни, строить планы и делиться переживаниями, глядя в звездное небо. Взрослые так не делают. Взрослые не говорят о боли, держат всё в себе и пытаются оградиться от всех, кто с благими намерениями пытается пробраться в сокровенное и разделить с ними горечь.

— Что ж... — Пенни выдохнула, проглотив ком в горле, — спасибо, что рассказал. Показал себя, — она пожала плечами, — ну или того, кем хочешь, чтобы я тебя видела. Монстром? Будь монстром, если тебе так удобнее.

Она приняла своё поражение. Больше им не о чем было говорить. Она направилась в комнату, но чуть задержалась, когда проходила мимо Лестера.

— Ты будто бы живешь прошлым, закрывшись с ним здесь в этом домике, огороженным лесом. И никого не хочешь пускать внутрь. Внутри себя. Оно и понятно, ведь... кто я такая? Я прошу прощения за это вторжение. Не хотела, чтобы было так, — Пенни посмотрела в

глаза Алеку и снова сдержала порыв прикоснуться к его лицу и обнять его, — Я не стану лезть туда, куда ты меня не пускаешь. Хочешь быть один и чтобы тебя не трогали? Хорошо. Прости, мне просто показалось... что может, тебе захочется... — она приложила пальцы к переносице, останавливая себя, нельзя говорить дальше, — я наверное просто наивная и верю в сказки.

Она не надеялась на любовь с первого взгляда или чтобы он вот прямо сейчас бросился за ней и стали бы они жить долго и счастливо. Нет, просто попробовала сблизиться. Хоть чуть. Но она не будет настаивать. Ей и правда лучше уехать и забыть всё это.

Оказавшись в комнате, она устало села на кровать. Слез уже не было. Голова немного гудела и внутри всё еще проносились обрывки фраз, брошенных Лестером. Пенни смотрела в окно и думала, что ночь будет долгой. Уснуть вряд ли получится. И вовсе не потому, что она выслушала жуткие истории Алека.

***

Пенни проснулась от шума колес подъезжающей к дому машины, поморщилась от неприятного ощущения в шее: надо же, уснула-таки к утру. Услышав мужские голоса, Льюис осторожно подошла к окну и выглянула на улицу.

Незнакомая машина с огромными колёсами припаркована у крыльца дома, к капоту привалился молодой человек в рабочей одежде механика, рядом с ним стоял Алек. Пенни ещё раз пробежалась взглядом по автомобилю и непроизвольно поежилась от внезапно пришедшей ей в голову мысли, но сейчас это казалось лучшим решением. На что только не пойдешь, чтобы поскорее убежать из дома, который уже запал в душу и вызывал теплые чувства, по которому точно будешь скучать, а картинки, обрывки, будут всплывать в сознании, стоит закрыть глаза... Или она вовсе не о доме сейчас? Пенни закусил губу и сделала глубокий вдох. На выходе девушка уже открывала дверь спальни, чтобы пойти собираться. Алек обещал проводить до стоянки... Но у Пенни теперь имелся другой план.

Переодевшись в свою сухую одежду, Льюис вышла на улицу. Алек разговаривал с парнем, по всей видимости это и был тот механик, о котором вчера говорил Лестер.

Пенни чувствовала себя неловко и предпочла бы не попадаться на глаза Алеку. Но как только она появилась на крыльце, две пары глаз сразу устремились на неё. Повисла такая тишина, что Пенни захотелось сквозь землю провалиться, лишь бы не быть сейчас в центре внимания.

Механик чуть нахмурил брови и взглядом пробежался по Пенни, затем посмотрел на Алека, потом вернулся назад к Пенни. На его сосредоточенном лице застыло такое выражение, будто он пытался сложить два и два. И ему это плохо давалось.

— Доброго утра, — наконец-то прервала тишину Пенни, — как твоя машина? Надеюсь, поломка несерьёзная?

Мельком взглянув в лицо Алека, она тут же перевела взгляд на механика.

— Уже на ходу, — вместо Алека ответил парень, — я приехал пораньше и... — он замялся и взглянул на Пенни смущенным взглядом, — уже всё починил.

Это вызвало улыбку. Молодой человек не знал, поймёт ли Пенни какие-то термины, поэтому решил ответить так.

— А Вы приехали на этой машине? — Льюис шагнула с крыльца и прошла мимо Лестера, даже не посмотрев в его сторону. Она хотела заглянуть в салон, но стекла автомобиля были слишком высоко.

Пенни услышала, как открылась и закрылась входная дверь дома. Это заставило её

обернуться, Алека уже не было, зато механик стоял совсем рядом.

Пенни собралась духом и пока мужчина не начал говорить, быстро выпалила.

— Мне очень нужно отсюда уехать, могу я попросить вас довезти меня до стоянки? — голос заметно задрожал, но Льюис быстро взяла себя в руки. Улыбка сошла с лица мужчины и он снова нахмурился.

— Да, я в общем-то не против, — он оглянулся в сторону дома, затем пошёл к машине, — если вы готовы, то можем выезжать хоть сейчас.

Сердце в груди выполнило радостный кульбит.

— О, спасибо! Пойду возьму рюкзак, — Льюис радовалась, что мужчина так быстро согласился, даже не пришлось врать, краснеть и уговаривать.

В доме Пенни быстро собрала рюкзак и зашла в кухню к Алеку. Как бы она не старалась не встречаться с ним взглядом, сейчас посмотреть всё же пришлось. Невидимую стену, которую выстраивал Алек всё это время, она теперь ощущала физически. Казалось, если протянуть руку, то наткнешься на что-то холодное и твёрдое. Точно как взгляд самого мужчины. Льюис взглянула в темные глаза Алека и сглотнула.

— Твой механик... — она запнулась, ведь даже не узнала имени парня, — он довезёт меня до стоянки, — на секунду отвела взгляд, а потом вернула обратно, смело глядя в глаза Алека, — спасибо за гостеприимство, — снова пауза, от которой почему-то стали гореть щёки. Что сказать? "До свидания"? "Прощай"? "Ещё увидимся"? Чёрт возьми, вряд ли он будет рад видеть её ещё раз.

— Всего хорошего, Алек.

— Вот как? — изогнув бровь, Алек хмыкнул, сухо и колко. Видимо, помнил ее панический страх перед машинами и решил, что его-то она боится теперь куда больше, чем сесть в железного монстра. Еще бы. Убийца женщин и детей. И все эти страшилки на ночь... — Что ж, всего доброго, Пенни. Не ходи больше одна в лес.

Пенни быстро вышла из дома, постаралась сесть в машину так, будто ничего её и не пугает, будто она каждый день в такие махины с огромными колесами залезает.

Она так поспешно сбежала из дома, что в какой-то момент ей стало неловко, но находиться рядом с Алеком дольше она не могла. Не потому что боялась, а скорее как раз наоборот, не боялась... Каким бы монстром он не пытался себя выставить перед Пенни, он видела в этом только своеобразный щит, защиту от того, кто попытается проникнуть в его душу. А Пенни попыталась бы ещё раз.

Она смотрела на удаляющийся дом в зеркало автомобиля и всеми силами пыталась сдерживать подступающие слёзы. Льюис и сама не заметила, как вцепилась в дверцу. Зато это заметил водитель.

— Расслабьтесь, — добродушно проговорил парень, — я знаю лес и умею управлять этой штукой, — Пенни слегка улыбнулась, видимо "штукой" он назвал этот автомобиль.

— Я Майк. Как вас занесло в такую глушь?

Пенни постаралась оторвать взгляд от окна, она посмотрела на Майка и отметила то, как он расслабленно и уверенно ведёт машину и то, как это контрастировало с её напряжённой позой. Поёрзав на месте, Льюис постаралась расслабиться и поддержать разговор..

Домик её спасителя очень скоро исчез за деревьями, Пенни убеждала себя, что всё к лучшему. Она больше никогда не встретит Алека. Она ему не нужна. А он... не нужен ей, конечно.

Обманываться у Пенни получалось лучше всего.

Эпилог

— Эй, девочка, а девочка? Погуляешь со мной? — молодой человек перевалился через прилавок, игриво подмигнул и даже бровями пошевелил.

— Мальчик, это книжный! Бордель за углом! — Пенни махнула рукой на дверь. Шутка вышла так себе, однако, через пару секунд они оба рассмеялись, — Ричард! Ты какими судьбами здесь? — Льюис отложила книгу и обошла стойку, чтобы обнять парня.

— Не мог же я тебя оставить одну надолго? — он обхватил Пенни за талию и приподнял на месте, обнимая, — Я очень соскучился. И, знаешь, в этой Австралии плохо кормят, — парень поморщился и поставил Пенни на место, — ты жутко выглядишь, под глазами круги. Ты вообще спишь? Или только плачешь ночами?

Пенни потупила взгляд. Наверняка, следы усталости и переживания были видны не только лучшему другу. Но Льюис ничего не могла с собой поделаться. Вроде бы и спать хотелось, но в последнее время спалось плохо. А всё потому, что ей наконец удалось отыскать кое-какую информацию. Душещипательную, надо отметить. И она сильно винила себя за события, что произошли в Ирландии еще весной. Подумать только! Это было весной, а она всё ещё помнила его руки на своей коже... Да и взгляд Алека, такой холодный и пронизательный она четко видела, стоило только закрыть глаза.

— Да, ты мастер комплиментов, — Льюис вздохнула, — но так и быть я угощу тебя паэльей. Как раз сегодня планировала приготовить, — девушка мило улыбнулась, — с креветками, как ты любишь! — на последней фразе парень даже в ладоши захлопал.

С Ричардом было легко. У Пенни не было человека ближе, чем этот паренек с задорной улыбкой. Ричард Олдман, кажется, со времён своего восемнадцатилетия совсем не изменился. И то, в восемнадцать он сделал свою первую татуировку, разве что только это и отличало его от его же семнадцатилетнего. Ричард для Пенни являлся двоюродным братом и по совместительству лучшим другом. Худощавый и высокий, он всегда видел больше, чем остальные, всегда влезал в самый центр толпы и находился в гуще событий. Рик много читал, много знал. Но лучше всех он знал Пенни Льюис. Они дружили с тех самых времён когда ещё передавали друг другу слюнявые кубики и не могли и двух слов связать.

Помимо их двоих в магазине было ещё несколько человек и Пенни это радовало. Мир оживал после вспышки ковида и потихоньку выходил из ограничений. А журналисты даже и в ковидные времена мотались по свету. Вот и Ричард последнюю неделю провел в Австралии. Собственно, благодаря Рiku Пенни знала подробности того, что способствовало изоляции Алека от людей. Всё же мерзкими были эти журналисты, когда дело касалось скандальных заголовков и собственной репутации за громкие дела. Даже Рик... но это друг. А друзьям, особенно таким как Ричард, всё прощается.

Теперь Пенни знала, за что действительно Александра Лестера осудили и лишили звания. Она видела статьи, репортажи и фото. Ужасные фото. Ричард ещё долгое время оправдывал тех журналистов, что писали эти грязные, мерзкие статьи, и утирал Пенни слёзы. Говорил, что это для громкого дела. Мол, когда еще попадет такой материал?

Пресса окрестила Алека убийцей и монстром. Каким он ей и рисовался тогда в Ирландии. Неудивительно... А она-то! Пенни-дуреха лезла под кожу, задавая неудобные, поганые вопросы. Она не могла себе этого простить до сих пор. Последняя встреча с Алеком до сих пор перед глазами.

Пенни помнит, как уезжала (почти убежала) от Лестера. Напуганная мышка сидела в автомобиле механика и смотрела в зеркало на удаляющийся домик, который хранил так много тайн своего хозяина.

Если бы только был шанс извиниться... стал бы он слушать её извинения?

Пенни стала больше понимать, как выглядела со стороны тогда со своими вопросами, когда прочла интервью его бывшей жены. Пенелопа поймала себя на мысли, что она хотела бы волосы повыдергивать этой... Пенни не выражалась, но... этой суке. Она ненавидела эту женщину.

Конечно, бывшая жена бывшего майора Лестера хорошо гуглилась и Пенни даже рассмотрела её фото из соцсетей. Красивая женщина. Льюис даже укол ревности почувствовала, листая бесконечные её фото.

Однозначно, будь Пенни с этими знаниями тогда, в доме Алека, всё было бы иначе... но время вспять не повернуть.

— Эй, подруга, чего раскисла? Хочешь, массаж сделаю сегодня? — глядя на улыбку Ричарда невозможно было самой не улыбаться и Пенни немного расслабилась.

— О, нет, только не это! — она выставила руки вперёд, — давай сегодня выпьем?

— Льюис, я бы без винишка к тебе не пришёл, — Ричард поднял руку с пакетом, в котором бутылок было явно больше двух, — но всё я тебе не дам выпить, и не мечтай. Сейчас я пойду куплю креветок. Ведь про паэлью ты только что придумала, да?

— Дааа... — виновато простонала Льюис, — для паэльки у меня дома только рис.

Ричард по-доброму рассмеялся, чмокнул в щеку подругу и удалился из магазина.

Пенни поставила пакет с пятью (!) (Матьер божья, пять бутылок!) бутылками вина под стойку с кассой и посмотрела на время. До закрытия оставалось всего тридцать пять минут и она стала прибирать рабочее место за кассой. Через некоторое время, она взглянула в зал и насчитала всего троих человек. Две женщины активно обсуждали что-то у стойки с фантастикой, а третий, судя по короткой стрижке — это был мужчина, находился у художественной литературы.

— Буду рада видеть вас снова, — Пенни мило улыбнулась и протянула женщинам пакет с книгами, когда те наконец определились чего хотят.

Льюис посмотрела на неразобранную стопку книг на прилавке и надула губы. Ей предстояло взбираться на стремянку, чтобы это убрать на самую верхнюю полку. И нашелся же любитель, кто хотел их посмотреть. Она подумала, что надо бы Достоевского переселить на полку пониже.

Она уже убирала последнюю книгу, как за спиной раздался мужской голос с требованием продать ему шоколад.

— Простите, но у нас нет шоколада. Хотя, это отличная идея, сэр, — не поворачиваясь, Льюис пыталась втиснуть толстую книженцию между другими книгами. Как-то ведь она здесь стояла раньше!

— Жажду узнать, чем всё закончилось после перетраха.

— Что? — теперь ей пришлось обернуться.

Если бы Пенни до сих пор что-то держала в руке, то обязательно бы повалила это на пол. И каким чудом она сама спустилась со стремянки при этом не упав, она не понимала.

Она довольно быстро очутилась напротив Алека, который держал в руках "Шоколад" в мягком переплете. Конечно, кто бы мог ещё шутить похабные шуточки о её любимом романе.

От неожиданности, Пенни не знала, что и делать. Что говорить? Какое-то время она просто стояла и молча смотрела на него. Разглядывая, будто привидение.

— Ты... — обретая способность к нормальному воспроизведению речи, Пенни сглотнула, чтобы смочить вдруг пересохшее горло, — ты здесь...

Она похлопала глазами и взяла в руки книгу.

— Надо же, ты вышел из леса? — Пенни смерила его скептическим взглядом, будто не верила ещё тому, кто перед ней.

Рада видеть тебя.

Слова застряли в горле. Откуда-то вылезла гордость, которая мешала говорить.

Очень рада видеть.

— Что-то нужно ещё, кроме книжки?

Алек

Весь день Алек провел в поисках. Иголку в стоге сена, не иначе. Ничего, кроме фотс ребенка и штемпеля на конверте у него не было. И этого было чертовски мало.

В пригороде Лондона имелось несколько действующих приютов и Лестеру удалось посетить только два. Причем в одном из них с ним даже разговаривать не желали, сразу пустившись в путешествие по миру английской бюрократии. Мол, вам зарегистрироваться вот на этом сайте, пройти вот эти вот курсы, заполнить документы, сдать тесты, пройти специалистов. И это он еще даже ребенка не видел.

Лестер был зол, как тысяча голодных волков. И если бы не баранье его упрямство, то плюнул бы на эту затею еще в моменте. Как будто мало на свете детей, которым не досталось семьи. Почему вдруг его так задело это письмо? Сидя в каком-то средненьком пабе, Алек перечитывал корявое послание мальчишки. Рассматривая вложенное в конверт фото. Кайл, пять лет. Голубые глаза, темные волосы. Обычный мальчонка, тощий, бледный. Дался он ему в самом деле.

Убрав конверт во внутренний карман куртки, Лестер доел свой ужин, подсунул под пустой пивной стакан наличку и вышел в бесснежную лондонскую зиму. Там, в родном уже лесу, давно хрустел под ботинками наст. Ночью звенящий воздух бодрил с каждым вздохом, наполняя грудь свежестью. В городе ее будто сдавило свинцовыми тисками.

Отвык ты, Лестер, от шума, гари и всех этих сомнительных радостей.

Он вполне мог пойти домой, в купленную после продажи дома квартиру, скудно обставленную, но вполне жилую, пусть и погрязшую, небось, в пыли. За столько-то времени. На завтра имелось еще несколько адресов. Алек отвел себе неделю, решив, что за это время намучается в городе по самые не хочу, вспомнит, почему не стоило даже нос сюда совать и вернется со спокойной вполне совестью, решив, что сделал, все что мог. Откровенно говоря, он что-то подник за день и уже не пылал той уверенностью в успехе. Нет, если бы он нашел мальчишку, то свернул бы горы, чтобы его забрать. Тут сомнений у Лестера не было. Вопрос в том, как найти. Это раньше он мог бы играючи, подключив связи тряхнул бы своих ребят, те бы поскребли по контактам среди знакомых копов, пробили по базе. Теперь Алек всего этого не мог. А один, как известно, в поле не воин.

Как ни странно, здесь, в городе, одиночество ощущалось куда сильнее и острее, чем в глуши Ирландских лесов. Потому ли, что вокруг люди, или от того, что появившись в Лондоне, имея свободный вечер, он поразительно четко осознал: ему некому нанести визита. По крайней мере, никто не будет такому визиту рад. Алек хмыкнул, скользнув взглядом по вывеске какого-то книжного магазинчика. Обычная, ничем не примечательная.

И одно только это вернуло его на пол года назад, окунув будто в ледяную прорубь в затянутый слезами взгляд огромных, почти детских глаз.

Пенни Льюис. Наивная, любопытная девчонка, от воспоминаний о которой до сих пор сводило скулы. Первые дни после ее отъезда Алек бесился. Бесился, потому что вдруг столько вещей в его берлоге пропахло ею. И столько всего вызывало воспоминания. Яркие, сладкие. Лестер раз за разом напоминал себе, чем все закончилось. Он позволил себе всего на шаг отойти от созданных самолично правил и все ухнуло в бездну. Хороший урок.

Остановившись у магазина, он рассматривал витрину, вспоминая адрес. Пенни точно говорила, еще приглашала зайти, будучи в городе. Улицы и номера домов никак не шли в голову. Тогда Алек, повинувшись дурости не иначе зашел в ближайшее интернет-кафе и принялся изучать адреса всех имевшихся в Лондоне книжных лавок, пока не наткнулся на знакомое название. Запомнив адрес, он вышел на украшенную к празднику улицу, раздумывая, стоит ли.

На что ты рассчитываешь? Полгода прошло. Да и расстались вы чертовски плохо. Едва ли она станет радоваться тебе как старому приятелю.

Однако, вопреки доводам разума, он все же поймал такси и назвал водителю не свой домашний адрес, как стоило бы.

Небольшой, уютный магазин встретил его теплом любовно обустроенного нутра. Здесь явно читалась рука мечтательной и наивной девчонки, способной зачитываться романчиком с названием “шоколад”. Вполне могло оказаться, что Пенни здесь даже не будет. С чего он вообще решил, что она сама постоянно присутствует в магазине? У прилавка, наверняка, стоит кассир, а сама Льюис появляется пару раз в неделю сводить счета и составлять списки закупок.

С этими мыслями. Алек прошел вглубь помещения, ища глазами вовсе не редкую книгу. ЕЕ мелодичный голос, благодарил кого-то за покупку и внутри отчего-то разлилось тепло. Вопреки последнему их разговору, он в самом деле хотел ее увидеть. И был рад, что оказался везунчиком, найдя вот так сразу, почти играючи. Вместо того, чтобы подойти к кассе, Лестер принялся бродить между стеллажей, ища книгу, которую, впрочем, не собирался читать. Пенни тем временем распрощалась еще с одним клиентом.

Найдя нужное название, Лестер отправился к кассе, все еще не будучи уверенным, что идея хорошая.

— Пробеите мне Шоколад пожалуйста, — наблюдая как эта ходячая катастрофа пытается впихнуть на полку книгу, Алек вдруг ощутил, что губы сами собой складываются в привычную усмешку. Ту, с которой он так много поддразнивал ее за проведенные вместе пару дней. — Жажду узнать, чем у них там все закончилось, после перетраха прям на следующей странице. Здравствуй, Пенни.

Она вздрогнула, замерла на мгновение и эта реакция заставила Алек тоже напрячься. Он как-то сразу сгруппировался, готовый подхватить девчонку, если она оступится и полетит к чертям со стремянки. С нее станется. Уж где на ровном месте умудрялась убиться, с высоты трёх ступеней способна и шею свернуть.

— Я, — буднично пожав плечами, бывший майор Лестер протянул Пенни книгу. — Здесь.

Он все никак не мог понять по ее лицу, что, кроме удивления, у нее на уме. Это напрягало и раздражало.

Ты все такая же, Пенни. Неловкая, милая и невозможно соблазнительная.

— Это временная мера, — лгать он не собирался. Как и оставаться в городе больше, чем необходимо для решения его вопроса. — Был проездом, ты приглашала зайти. Вот... — зашёл.

Он вдруг вспомнил, как смотрел вслед машине. В груди злость смешалась с необъяснимым беспокойством. Алек ведь помнил, что Пенни до паники боится машин. Помнил ее истерику, как ее накрыло после аварии, как она ютилась в кольцо его рук, ища поддержки. С механиком тоже так будет? Его вдруг взбесила мысль, что и ему Пенни позволит вот так спустя четверть часа знакомства, сминать грубыми руками дрожащие плечи.

А потом машина скрылась за поворотом, Алек вернулся в дом. Пропахший ею диван, он сам тоже будто носил на теле следы ее пребывания. И пусть накануне любопытство ее испортило сладкую негу момента, Лестер помнил и то, как она стонала в его руках, и то, как он смеялся с ней, от души смеялся. Впервые за долгие годы.

Глядя теперь в ее глубокие, напряженные глаза, хотелось ответить, что ещё он хочет ее. Можно даже без шоколада. И вообще без всего. Вместо этого, он протягивает Пенни карту, чтобы расплатиться за покупку.

— Ты обещала приготовить мне что-то испанское. Ещё в силе? — хочется верить, что слова твои не имеют срока давности, девочка. За последние полгода я ни разу не улыбался, знаешь? И вот теперь смотрю. на тебя, а губы как-то сами растягиваются в стороны. Чувствую себя идиотом.

ПЕННИ

Опять буря эмоций. Удивительно легко у Алека получилось вывести из равновесия Пенни просто одним только своим появлением. Желание настучать по голове этой книжкой за похабную шутку боролось с желанием обнять его. Прошептать о том, что скучала и как плохо спала, вспоминая его, как долго еще болело в груди после расставания такого спешного и нелепого. Был бы он рад знать, как хочется его целовать? Пенни бы сказала. Вот прямо сейчас бы и сказала, если бы забыла тот вечер и его глаза полные злости, когда она говорила о том, что ему неприятно. Теперь она хотела быть осторожной. Может, хотя бы в эту мимолетную встречу они просто запомнят друг друга такими — простыми, милыми, с добрыми улыбками.

— Был проездом, ты приглашала зайти. Вот...

Вот и зашел. Она же приглашала. Пенни снова была обескуражена. Не он ли её выгнал? Ей показалось, что это можно было считать отменой приглашения. Но чего греха таить, она была бесконечно рада его видеть. И не могла ни дерзить, ни грубить, ни выпроваживать его... И как же хотелось подойти к нему вплотную, запустить руки под его куртку, провести их под его руками, прижимаясь к нему телом, напрашиваясь на объятия, прижаться носом к его шее, вдохнуть его аромат. Его запах... Она не помнит. Но кажется, он должен пахнуть лесом, чем-то терпким, как пахнет кора деревьев, и свежим, как зелень после дождя... Внутри разливалась теплота, спокойствие и нежность.

Пенни смотрела на Алека, а вокруг появлялся лес, его дом — моменты, воспоминания о первой их встрече. Он выглядел идеально там, в своем лесу, вписывался будто он там всю жизнь прожил. А сейчас выглядит идеально тут. Будто и жил всегда в Лондоне. Одевался... ну, в принципе одевался, да. От этого Пенни чуть не рассмеялась и чтобы Алек не заметил, она опустила голову и волосы ее на какое-то время скрыли лицо. Представлять Алека раздетым было легко, учитывая, что большую часть времени, проведенного с ним, он был с

голым торсом. Но всё же, это до сих пор её смущало — то, что она представляет его таким.

Пока терминал проводил оплату, Пенни смотрела в лицо Алека. Он тоже будто что-то искал в её глазах. Сейчас он не выглядел злым, наоборот, будто был рад её видеть. Хотя, это не вязалось с их не самым нежным расставанием.

Она и сама хотела пригласить его на чай, на ужин, на завтрак, на всю жизнь. Но от неожиданности даже рот раскрыла. То есть, он предлагал... он хотел побыть с ней?

Боги! И это женщин считают нелогичными!

В голове Пенни будто зашевелились шестеренки. Он сказал “приготовить”, а не “накормить”, например. Тогда можно было предложить доставку еды прямо...сюда?

Черт. Черт. Приготовить.

— П-приготовить... — как-то расстеряно и сухо. Не то чтобы она не хотела, чтобы они поднялись к ней, но... вот так сразу? — обещала, да, — она с улыбкой заправила локон волос за ухо, — Сколько у тебя есть времени? Можем подняться ко мне сейчас...

Её прервал звук колокольчика на входной двери.

— Пенни Льюис, хочу, чтобы ты знала, что на моей совести теперь совращение престарелой дамы! — Ричард как всегда слишком эмоционально ворвался в магазин и громко повествовал о приключениях в магазине, — Мне пришлось строить глазки продавщице морепродуктов! Зато теперь у нас есть самые отборные из всех отборных креветок во всем Лондоне! — он водрузил пакет на стойку между Пенни и Алеком и поравнялся с мужчиной, — А еще — самые сочные мидии!

Видимо на лице Пенни было написано что-то типа “смотри какой красавчик”, или “ЭТО ОН”, или “Рикки, мать твою, убирайся отсюда”, или “Рик, ни в коем случае не уходи, не оставляй меня с ним”, Пенни точно не знала, но когда взгляд парня сфокусировался на лице девушки, Рик замолчал, округлил глаза и медленно повернул голову в сторону Лестера. Они были одного роста, но сильно контрастировали друг с другом. Взбалмошный молодой человек с взъерошенными волосами, одетый слишком ярко для Лондона — Рик, а рядом с ним серьезного вида, немного хмурый, широкоплечий, своим образом будто демонстрирующий холодный британский стиль — Алек. Да от одного его вида сводило скулы. Пенни была уверена, что Рикку тоже свело. Скулы.

Неловкое молчание продлилось недолго.

— Доставка продуктов... Здрассти... — Олдман приветственно покивал Алеку и снова взглянул на Пенни, — будем рады вашим заказам вновь! Хорошего вечера. — с этими словами Ричард развернулся и уже у дверей, за спиной Алека, бросил восхищенный взгляд на подругу и вытянул руку с большим пальцем вверх.

Снова Пенни была смущена и не находила слов.

Да просто рядом с Алеком она могла бы вообще больше не разговаривать. Отдаться в его руки и нежиться там, пока ему не наскучит. В конце-концов, Пенни тихо рассмеялась и взяла пакет.

— Это мой друг. Он вернулся из командировки и хотел сегодня остаться у меня. Но... По всей видимости, у него появились какие-то другие планы, — снова смущение. Пенни бросила мимолетный взгляд на Алека и закусилла нижнюю губу.

— Моя квартира наверху. Если располагаешь временем, можешь зайти. Теперь у меня и продукты есть, — Пенни посмотрела под свой стол, — и выпить тоже найдется, если желаешь.

Она решила, что это было отличным шансом, чтобы извиниться. Приготовить что-то для

него, накормить. И поговорить. Таков был план.

Льюис вручила пакеты с продуктами и выпивкой Лестеру и закрыла магазин изнутри. Книжная лавка принадлежала её родителям уже давно и они соединили её со своей квартирой, что располагалась сверху. Теперь можно было оказаться на работе даже не выходя на улицу.

Они поднялись по узкой лестнице наверх и в прихожей Пенни сняла обувь. Она любила ходить босой по дому. Даже в такое холодное время года. Бывало, она куталась в теплую пижаму или даже свитера, но ноги всегда были босыми. Пенни не могла это никак объяснить и всегда закатывала глаза при попытках того же Рика надеть ей на ноги что-то теплое.

— Здесь спальня. И спальня для гостей, — Пенни проходила мимо дверей и рассказывала, что за ними находится, — тут ванная. С горячей водой. Даже в душе, — она улыбнулась, вспомнив, какой погром устроила в доме Алека из-за холодной воды в душе, — и гостиная с кухней.

Интерьер квартиры был очень прост. Никаких изысков и даже новомодного ремонта с минимумом мебели. Вся квартира была выполнена на классический английский манер. За исключением кухни. Мать Пенни считала кухню только своей территорией, местом, где она могла быть самой собой, настоящей испанкой. Потому кухня разительно отличалась даже от самой гостиной, которая была отделена от кухни лишь деревянным массивным столом. Находясь в кухне ты будто оказывался в обычной испанской квартире. Тут были светлые стены и белые шкафы, но цветная плитка-мозаика и яркие детали, яркая посуда. Пенни ничего не меняла с тех пор, как родители переехали в Ирландию. Ей нравилось так, как здесь было.

Когда Льюис прошла в гостиную, с дивана на неё смотрела рыжая мордочка старого корги-пса.

— А это Арчи. Знакомься. — Пенни мягко улыбнулась Алеку и потрепала по голове корги, который в знак приветствия вилял хвостом, не поднимаясь с места, — Он уже очень стар и немного приболел. Я привезла его из Ирландии, чтобы попытаться продлить его беззаботную жизнь с помощью местных ветеринаров.

Пенни еще немного погладила пса и занялась пакетами. Она умышленно держала некоторую дистанцию и редко смотрела в глаза Алеку.

Во-первых, она чувствовала вину.

Во-вторых, она боялась, что слишком легко сдастся, просто взглянув в его глаза. Теперь они находились на её территории, а это много меняет и расслабляет.

— Мы можем просто молча готовить и есть. Можем попробовать поговорить, — Пенни осторожно начала разговор, когда стала вынимать продукты из пакета, — но, пожалуйста, открой вот это вино, — она протянула бутылку Алеку, — это белое сухое. Оно понадобится для паэли. Ничего не имеешь против морепродуктов вперемешку с мясом курицы и кучей риса? — Пенни посмотрела в его глаза.

Всё. Она пропала.

АЛЕК

Между ними только хлипкий откидной прилавок. А еще полгода молчания и уродливая ссора накануне. Да какая ссора. Он сорвался на бедную девочку, как одичалый. Зачем-то прокручивая после ее ухода тот вечер, Алек спрашивал себя, почему. Почему не сдержался и не ответил мягче. Ее полные обиды глаза сверкали алмазами под толстой пеленой слез. И

слова ее все крутились в голове.

“Мог бы сказать что-то вроде не хочу об этом говорить, Пенни”. Мог, мать твою. Почему не сказал? Потому ли, что хотел ее обидеть? Честный с собой майор Лестер мог ответить точно: лучшая защита нападение. Золотое правило любой войны, а он проигрывал эту битву, позорно, с разгромными потерями. На кону стояла отвоеванная свобода от зависимости. Зависимости куда более страшной, чем курево и бухло. Эмоциональное рабство.

Он помнил, как больно ударил под дых развод. Как до последнего верил, что жена окажется на его стороне, что поймет, не поддавшись всеобщей истерии, что она-то точно знает его не монстром. Знает, что он никогда не отдал бы тот проклятый приказ, если бы не был уверен: спустить десант, это привезти домой в Британию сотню мальчишек в закрытых гробах. Он ведь нутром чуял, что за спинами всех этих детей и стариков дула наготове. И если выбирать между своими ребятами и этими чужими ему людьми... Он защищал тех, кого обещал под присягой. И не жалел о своем поступке даже сейчас. Из того боя, после взятой высоты, не вернулось всего трое вверенных ему ребят. И погибло двести с лишним гражданских по официальным данным.

— Ты угробил две сотни невинных душ, Алек. Одним своим словом, — холодные пики глаз жены сверлили его ненавистью. Зачем вообще пришла на свидание, пока его содержали под стражей в ходе следствия? Такой он видеть ее не хотел. Этот ее взгляд принес куда больше боли, чем все его ранения вместе взятые. Слишком неожиданно. Нет ничего хуже, чем разочарование в том, кому верил, как себе.

— Я обещал жене вернуться живым, улетаю. И те ребята тоже, наверняка, обещали, — холодно бросил он с сожалением, ища в ее взгляде хоть что-то. Надеюсь, что все это просто от того, что на растеряна. Ей трудно. Голодные стервятники-журналисты, бестактные знакомые... На нее свалилось так много, что тонкие ее плечи не выдерживали. Он оправдывал ее и после ухода, и даже после увиденных бумаг на развод. Отрезало только после интервью. Одно дело решить, что ты не можешь жить со всем этим и совсем другое смешать с грязью имя человека, которого ты вроде как любила. Что это за любовь такая? Если вся она примерно по одной цене, то ему и задарма не надо. Ни любовью, ни дружбы.

Придерживаться этой формулы было легко. Отгородившись от мира, в одиночку в лесу, где и не в кого ухнуть с головой, даже если совсем уж тошно от беспроглядного своего одиночества. А Алек, тот, прежний, никогда и не был одиночкой. Даже наоборот — любил людей, посиделки в баре, выезды на природу шумными компаниями, веселые шутки под грифом 18+. И когда Пенни вдруг поддела его броню, выудив желание подшучивать над ней, любуясь, как краснеют в смущении щеки, Лестер понял, что надо это обрубить. На корню. Пока не поздно. Потому что у них совершенно разные жизни. Потому что она уйдет через сутки. С чего бы ей рискнуть остаться? В глуши, с мужиком, который ничего ей не мог предложить, кроме шале без горячей воды в душе и коллекции травяных чаев. А еще побудки от ночных кошмаров и ноющие по осени на погоду старые раны. Так себе багаж.

Алек заметил, что Пенни взяла протянутую карту так аккуратно, чтобы пальцы их даже не соприкоснулись. Усмехнувшись, перевел взгляд на лицо.

Я свободен до утра, девочка. Но это не то что ты хочешь услышать, вероятно. И точно не то, что я готов озвучить.

— На ужин я бы остался, если приглашаешь, — растерянность ее такая милая и очевидная, отразилась в его глазах улыбкой. Забытой, похороненной на полгода, с того

вечера. Да и кому ему было улыбаться в глуши? Дейзи? Она предпочитала почесывания пуза, а не вот эти социальные проявления внимания.

Он хотел бы сказать, что готов подняться к ней прямо сейчас даже если холодильник ее пуст и вместо ужина в меню только десерт. Но странный их диалог нарушил влетевший в магазин ураган. Бывают такие люди-тайфун. Они появляются, тут же заполняя собой все. Их слишком много. Громкие, экспрессивные, самоуверенные. Очевидно, этот тип состоял с Пенни в близких достаточно отношениях.

Смазливый, говорливый. Таких в учебке ломали и нагибали первыми. Закон жизни. Алек смерил вошедшего равнодушным взглядом, гадая, какие у них в Пенни отношения. Усмехнувшись, на понятливость парня и то, как поспешно он ретировался, Алек думал, что за сакральная там связь, что намек Пенни он понял без слов. Потому что не в первый раз? Эта мысль неприятно свербила где-то в мозгу. Не хотелось думать, что для нее это обычное дело вот так вот. В его голове Пенни осталась смущенной и неловкой девочкой, которой ну никак не дашь тридцатки. Вся вот эта грязь не вязалась с ее образом. Он снова ошибся в женщине? Что ж, прецеденты имелись.

Что ты есть, Пенни Льюис? Почему так хочется протянуть руку и содрать с тебя следы других мужиков. Сколько ты успела попробовать за эти полгода? Пару? Пару десятков?

— У него? — изогнув бровь, хмыкнул Алек, забирая звякнувший пакет. Или у тебя? — Ничего себе у вас дружеские вечера на двоих, — шатнув пакет с бутылками в сторону, Лестер закусил губу, сдерживая саркастическую усмешку. — Не знаю, как ты, но я столько не выпью, — а если выпью, то добром это не кончится, Пенни. Я трезвый-то от одного твоего взгляда думать перестаю. При таком раскладе пить мне точно нельзя.

Проскользнув мимо него, Пенни обдала Алека ароматом духов. Чем-то сладким и невероятно манящим. Или дело вообще не в духах? Только в ней одной? Хорошо, что руки заняты пакетами, легче сдерживаться, чтобы не ухватить за запястье. Так легко пошатнуть баланс на лестнице и вот она уже летит в его объятия, обтянутая белой футболкой грудь вжимается в его собственную. И эти сочные, лишённые помады губы так близко.

Твою мать, Лестер. Это просто ужин.

Впрочем, кого он обманывает. Он хотел ее. Хотел когда просто думал о возможности увидеться. Когда искал адрес магазина, когда слушал ее, говорившую с клиентами. Когда скользил по ладной фигурке на стремянке. Сейчас. Все время. Отчаянно, как оголодавший дикарь. И держался откровенно на чистой силе воли. Только потому держался, что не был уверен, как отреагирует Пенни на наглое предложение дальше спальни экскурсию не проводить.

Вместо этого, вздохнув, освежая мысли кислородом через легкие, прошел вслед за хозяйкой квартиры на кухню, поставил на столешницу пакеты, оглядываясь.

— Этот интерьер тебе больше к лицу, — Хотя мне нравилось, как ты смотрелась в дикой обстановке мужицкого шале посреди nowhere.

— Эй, привет парень, — тепло улыбнувшись псу, Алек протянул руку, позволив собаке обнюхать открытую ладонь. Хвост приветственно вильнул туда-сюда, Лестер усмехнулся. — Хороший мальчик, — пальцы тронули короткую, жесткую шерсть, пройдясь от макушки по хребту. — Ну, будем знакомы, да дружище?

— Я готов помочь, знаешь ли, — заметив, как усиленно Пенни избегает его взгляда, Алек подошел ближе, тут же получив в руки бутылку. Покрутив к себе этикеткой, пробежался глазами, удовлетворенно кивнул. — Штопор? — я бы и сам нашел, но

хозяйничать на своей кухне ты не предлагала пока, девочка. — Если ты помнишь, некоторые вещи я делать не умею. Например, открывать вино силой мысли. — Хоть после такого количества выпитого за жизнь пора бы научиться, да.

— Люблю рис, — получив штопор, Алек довольно быстро справился с пробкой, поднеся горлышко к носу вдохнул аромат, после чего поставил бутылку на стол рядом с Пенни.

Почему в твоём списке вариантов только говорить и есть, девочка?

Он смотрел пытливо, с хитринкой. но улыбался тепло и даже этот ее колкий реверанс не отозвался во взгляде злостью.

— Давай попробуем. Поесть и поговорить. Если что обещаю начать с чего-то вроде “я не хочу это обсуждать, Пенни”, — это перемирие да. Почти извинения, слышишь. — Давай руководи. Что нужно делать? — Скинув куртку на спинку стула, Алек закатал рукава рубашки до локтя. Подойдя вплотную, он склонился к Пенни и со смехом в низком шепоте заметил: — Обещаю не разгромить твою кухню.

Эпилог 2

ПЕННИ

Краснеть от каждого слова Алека уже входило в привычку. Вот он делает ей комплимент, а вот пытается пошутить... нормально пошутить, без пошлости.

Улыбнувшись, Пенни выдала мужчине штопор.

— Знаешь, кухни мало чем отличаются одна от другой. На интуитивном уровне можно понять, что где лежит, — она уже не скрывала улыбку и была рада, что Алек вел себя довольно расслабленно, — и вообще, чувствуй себя как дома.

Пенни даже чувствовала какое-то облегчение на душе. Вроде бы пока всё идет гладко и её никто не упрекает за излишнее любопытство, Алек не подшучивал за это и вообще, казалось, забыл, как они расстались. Но вот эта его фраза “если ты помнишь, некоторые вещи я делать не умею” Пенни порадовала тем, что у него хоть что-то отложилось в памяти. Танцы, конечно. Вряд ли мужчина мог забыть как спал с той или иной женщиной. А вот их милое времяпровождение за танцами было довольно ярким и Пенни грело душу, что он это помнит.

— О, не подумай, что мы бы выпили это всё за один вечер, — Пенни посмеялась, убирая оставшиеся четыре бутылки вина в холодильник, — Рик наверное планировал остаться дольше, чем на один вечер... Он часто у меня здесь бывает.

И если найдешь мужские носки, знай — это Ричарда. Пожалуйста, знай, что после встречи с тобой мои мысли заняты только тобой и фантазий по поводу наших отношений, если бы я повела себя не так, как повела, хватило бы ни на один том романтических историй. Знай, что никаких других мужских объятий я не желала сильнее, чем твоих. Знай, что после тебя у меня никого не было и моя кровать принимала только одного мужчину — и то — моего дурацкого брата, который успокаивал меня и пел колыбельную, после того, как я закатила истерику и была на грани нервного срыва, когда узнала, что о тебе написали в прессе, — всё это Пенни хотела бы сказать Алеку, держа в руках его лицо, ощущая его теплое дыхание на своих губах и утопая в его глубоких глазах. Но, конечно, никогда не скажет. Это просто ужин. Хотя, сейчас уже сама мало в это верила. Просто ужин... это когда в ресторане. А когда в квартире и когда колени подгибаются от того, как она на неё смотрит, когда дышать забываешь пока наблюдаешь за его движениями, за мимикой, когда в горле пересыхает от звука его голоса, это не просто ужин.

Наваждение какое-то.

Теперь чувства, что она долго прятала глубоко в себе, вырывались наружу. Она знала еще там, в лесу, что влюбилась. И долгие полгода зарывала это в себе. Прятала, чтобы было не так болезненно вспоминать. Уговаривала себя, что это всего лишь легкий перепих, эмоциональная разгрузка, ведь она за этой самой разгрузкой и шла туда. А в итоге получилось... То, что получилось.

Пенни доставала продукты из пакета совсем не удивляясь их количеству. Ричард знал, что Пенни готовит много, тем более, когда речь заходила об испанских блюдах. От матери она знала, что испанцы готовят много, и щедро кладут “начинки”, чтобы в паэлье не было одного только риса. Тогда гость сможет выбрать то, что ему больше нравится — рыбу, мидии, креветки, кальмара или курицу и закусить это рисом.

Из того, что обычно кладут в паэлью, Пенни не нашла только рыбу и чеснок. Рик не любил рыбу именно в этом блюде. А подумать про Алека он, конечно не мог...

Она с улыбкой вспомнила ошарашенный взгляд друга, когда он понял, кто явился. Ричард прекрасно знал историю Алека и историю Пенни с Алеком. Хоть и вживую он его ни разу не встречал, но лицо Лестера было вполне узнаваемым. Тем более, после того, сколько информации и его фотографий они видели в сети, когда читали официальные статьи.

— Давай попробуем...

Пенни даже ушам не поверила.

— Если что обещаю начать с чего-то вроде “я не хочу это обсуждать, Пенни”

Серьезно? Пенни чувствовала, как её щеки снова заливаются краской, а губы растягиваются в улыбке. Это можно считать за извинения? Льюис смотрела, как Алек снимает куртку и закатывает рукава рубашки, как обходит стол и становится близко-близко к ней. Она забывает как дышать, но всё же его тепло и аромат остаются теплом на коже и в легких. Она даже глаза прикрыла, когда он наклонился к её уху, в надежде, что сейчас он её поцелует. Но лишь от голоса пробежала волна мурашек. Он ведь не сделает с ней ничего, пока она сама не попросит. Это она поняла еще там, в Ирландии. Но руки сами нашли его руки и Пенни провела ладонями от кистей до локтей, а затем пропустила ладони по его бокам, подходя еще ближе, прижимаясь к нему. Руки оказались на спине. а голова на груди. Пенни наконец-то позволила себе обнять его. И это было словно камень с души. Она закрыла глаза и вдохнула его аромат. Он и правда пах чем-то терпким, чем-то донельзя приятным и очень знакомым. Она приподнялась на цыпочках и оставила на его губах легкий поцелуй, заглядывая в его глаза. Это означало, что извинения приняты. А если даже он и не извинялся, то всё равно означало, что она на него не злится. Невесомый короткий поцелуй обжег и её губы тоже. Она хотела бы углубить его, хотела бы задержаться, но...

— Паэлья сама себя не приготовит. А я жутко голодна, — она с улыбкой говорила, глядя в глаза мужчины, — но... пожалуйста, поцелуй меня после ужина, — она расцепила руки, выпуская Алека из своей хватки и сделала шаг назад.

— Я же обещала приготовить тебе что-то испанское, — а если мы будем целоваться, ничего не выйдет, — и раз взялся помогать, давай, руки мой, гуаро, — что? Он же сам сказал командовать.

Пенни тоже быстро помыла руки и набрала в кастрюльку воды, чтобы немного отварить мидии и креветки.

В большой и глубокой сковороде Льюис разогрела масло и закинула туда ловко нарезанные овощи — помидоры и перец чили. Алеку вручила куриное филе и кальмаров.

— Нужно нарезать крупными кусочками, — подсказала она.

Пока мужчина разбирался с мясом, она занималась креветками и помещивала овощи на сковороде. В отличие от плова Алека, здесь не должно ничего подгореть. В процессе готовки они болтали о чем-то. Хотя, говорила в основном Пенни. Она даже подозревала, что мужчина периодически уходил в какие-то свои думы, но надеялась, что и сейчас может помочь ему отвлечься. Пусть, не сразу.

Пенни рассказала, что очень удачно познакомилась с механиком Алека. Но заметив, как встрепенулся собеседник, поспешила пояснить, что он всего лишь оказался хорошим специалистом и помог починить машину отцу.

— У папы старый Сааб и никто из механиков в поселке не мог разобраться в чем дело, машина периодически начинала дымить. Я плохо в этом всё разбираюсь, но он починил довольно быстро. Мы виделись пару раз всего.

Да уж Пенни, молодец! Говори больше о других мужиках в присутствии Алека, давай! Рикки, теперь этот механик. Может еще какой мужик есть, ну?

В остальном, вроде беседа велась непринужденно и Пенни смогла даже расслабиться.

Когда в сковороде были все ингредиенты, Льюис взяла открытую бутылку вина и наполнила бокал.

— В настоящую паэлью добавляется белое сухое вино. Обязательно хорошего качества. После этого блюдо нельзя накрывать крышкой, чтобы весь алкоголь выветрился. Вкус будет потрясающий. Немного соли и никаких специй кроме паприки и куркумы!

Она оставила сковороду на плите на малом огне и повернулась к Алеку лицом.

— А ты чем занимался всё это время? И что привело тебя в Лондон? Может, помощь нужна?

Пенни понятия не имела, какую помощь она могла бы предложить Алеку. Но не предложить не могла. Может, если она будет ему готовить ужин, пока он здесь, это и станет большой помощью.

АЛЕК

Как дома говоришь? — Алек снова улыбнулся, наполняя зрачки веселой хитринкой. За каких-то полчаса рядом с этой девочкой (ну никак не мог он привыкнуть, что вот эта хрупкая особа женщина тридцати лет, язык не поворачивается даже мысленно так ее назвать) выработал годовой лимит лёгкой весёлости, похороненной и забытой. Ему даже казалось, глупо совершенно, что мышцы лица заржавели и скрипят, стоит губам чуть разойтись в стороны. — Как скажешь.

Первым делом Алек развязал галстук. Не любил он удавки, да и отвык в лесу то. Вспомнилось вдруг, как толстая веревка легла на шею. Затхлая вонь камеры лечебки, его ведь сразу после возвращения из боя и замели. Горло сдавило удушьем. Рука сама потянулась к шее, желая сорвать то, что мешало дышать, но под пальцами ничего не было, кроме напряженной, горячей кожи. Алек прикрыл глаза, считая до десяти. Длинный вдох, чтобы вернуться в реальность. Столько времени уже прошло. Треклятая мышечная память. В этот момент он не думал заметит ли Пенни странное это поведение и на чей счёт отнесет тоже не думал. Иллюзий Лестер не питал. Любопытная донельзя, она, конечно, давно все разузнала. Может сразу полезла в проклятуший этот Гугл, может, когда пјостыла от обид. Слишком хотелось ей тогда докопаться до сути, чтобы поверить, что отступилась.

Может потому он до сих пор и не протянул к ней рук. Хотел, так чертовски хотел хотя бы просто коснуться ее. Ладони аж пекло от этого желания, будто прямо под кожей

кислотой облили.

Алек помнил хорошо, как окаменела, вздрогнула жена, в ту их первую встречу после возвращения. Помнил грязный, замызганный стол комнаты для свиданок, как тянул к ней скованные наручниками руки, цеплялся за реальность изо всех сил, чтобы выплыть. Чернота засасывала его тогда в густое болото постоянного страха, бесконечных кошмаров, взрывов, криков и запаха паленой плоти. Ему нужен был якорь и Алек так наивно, так глупо полагал, что жена может им стать. Его штормило и жгло изнутри воспоминаниями о пережитом, внешние факторы только добавляли масла в пожарище. Казалось, что одна только нежность ее рук может помочь, напомнив, что ему есть за что бороться и почему нельзя просто осесть устало на жесткую лавку военного изолятора, прикрыть глаза и позволить всем вокруг делать, что они там надумали. В полном отчаянии, раздробленный на молекулы, он тянул к жене руки, чтоб холодная волна презрения и отвращения в ее глазах хлестнула по роже отрезвляющей пощечиной. Неожиданно и оттого еще больнее.

Почему вдруг он вспомнил это сейчас? Думал ли, что за такой искренней с виду улыбкой Пенни кроется второе дно? Что она тоже станет глыбой холодного, бездушного мрамора, стоит коснуться ее жаждущими хоть какого физического контакта пальцами? Станет ли, как жена, вспоминать, сколько на них крови безвинных. Тех самых детей, женщин и стариков с уродливых фото на первых полосах газет.

Собранный из уродливых лоскутов прошлого с разветвленной картой шрамов по телу, бывший майор Лестер боялся оказаться убитым холодным, полным страха или презрения взглядом. За долгие годы нарастив из напускного равнодушия эмоциональный бронезилет, он уже сам начинал верить, что все давно зажило и отболело, что прошлое приходит к нему только ночами, взрывая шумам канонад сны. И вот.

Дурак ты, Лестер. И не стоило приходить сюда, чтобы в этом убедиться..

Он как раз собирался открыть глаза, когда ощутил прикосновение, змейкой скользнувшее по руке. Замер, подавившись вздохом, будто гулкий стук сердца в ребра выбил из него дух. Ее руки, неуверенные, прохладные, скользили по предплечьям, медленно сдирая вместе с кожей толстую его броню. Больно и одновременно так хорошо. Оставленные от этих прикосновений следы пульсировали жаром свежей раны, а она, бедовая, будто даже не догадываясь (откуда бы ей), что делает с ним, опалила осмелевшими своими ладонями бока и сомкнула их где-то за спиной. Стиснув зубы, Лестер попытался вдохнуть. Хотя бы вспомнить, как это делается.

Пенни и раньше прикасалась к нему. К раздетому, напряженному от желания и это было другое, совсем другое дело. Сегодня руки ее ощущались иначе. В них не было жадного голода, только какая-то липкая тоска. И нежность. И вот этот простой, нехитрый, казалось бы коктейль, мешал дышать, мгновенно отправив в эмоциональный нокаут. Он даже не сразу осознал, что вот так и стоит, с зависшими в воздухе руками, забыв, куда их деть. Гулко втянув-таки в грудь наполненный ее запахом воздух, Алек осторожно, излишне бережно, опустил ладони на расслабленную ее спину, чуть вжимая в себя, слово бы хотел получить больше тепла и продлить неожиданное это мгновение. Недовольно замычав, когда Пенни шевельнулась в его руках, напрягся сильнее телом, не желая ее выпускать..

Девочка... Не жадничай, дай погреться ещё хоть немного.

Как он мог не ощущать и не замечать, насколько сильно замёрз, став похожим на ледник изнутри? Обмороженное это нутро щипало и жгло от ее тепла. Мысль, что, может, она ничего не знает, может была так зла, что не стала искать и смотреть, мелькнула в голове,

отрезвляя. Столько лет он, не отдавая себе отчёта, ждал простого этого приятия, что сейчас был готов обмануться, получив шаткий повод. Отвесив себе мысленную оплеуху, Алек открыл глаза в надежде разобраться, но не успел даже отодвинуть Пенни от себя, чтобы взглянуть в ее лицо, ища в нем ответы, как губы ее, эти сладкие, пьянящие и лишаящие воли губы, коснулись его собственных, напряженных, натянутых в плотную между рубежа, вновь выбивая сиплый вдох из-под ребер. Он тут же забыл о сомнениях, о вопросах, родившихся в голове. Остался только трепет ее губ и дрожь тела мгновенно передавшаяся ему.

— Бессердечная, — вымученно простонав сквозь зубы, Алек разжал руки, борясь с желанием никуда ее не пускать.

Ну какая паэлья девочка? О чем ты вообще?

Он знал, что может, в самом деле может ее не отпустить, что нужно только прижать плотнее, надавив ладонью, распластанной меж лопаток, выудить из-за пояса джинсов футболку до треска натянутую на раздавшейся от возбуждения груди.

Кого ты обманываешь девочка? Ты такая же голодная, как и я. И паэлья твоя тут вообще не приделах.

Вздыхнув, он улыбается, стараясь думать о чем-то, кроме пухлых ее губ. Да что там, просто стараясь думать, а не отдаться на волю инстинктам.

— Уж я-то какой, — вот так легко и просто признавая очевидное, он все же решает выпустить Пенни из объятий. Пусть останутся в его памяти такими. Не просто прелюдией к хорошему сексу. Пусть будет у него ещё что-то, что вспомнить о ней. Тепло, щемящее, без обещания палавких ласк. И руки. Нежные, обволакивающие стягивающие кровоостанавливающий жгут на пульсирующем, развороченном нутре.

Прохладная вода из крана помогает сморгнуть это наваждение. Перестать крутить в голове бесконечное "может всё-таки". Нельзя позволить себе даже допущений. Она просто не знает. В этом все дело. Поэтому такая невозможно ласковая, открытая и глаза такие светлые, теплые, без страха, ненависти и презрения. Просто обезоруживающие. Какой уж тут бронезилет. Гол как сокол под этим взглядом.

Как легко пробить тебе в печень, Лестер. Раз-два и шатает, как былинку. Теряешь хватку, майор.

Нарезая мясо и кальмаров (терпеть их не мог, кстати) Алек пытался слушать щебет Пенни, но мысли сами уплывали к другому. Этот незапланированный вечер был будто сюрреалистичным приветом из прошлого. Из тех времён, когда у него была совсем другая жизнь. Семья, друзья, такие вот беззаботные вечера наедине с женщиной, которую он, мать ее, любил. Поддразнивания, мимолетные ласки за обычными, бытовыми занятиями. Нормальная, человеческая жизнь. Можно было сколько угодно себя убеждать, что ему всего этого не надо и не хочется. Успешно убеждать. А потом один вот такой вечер и вся эта теория, подкрепленная годами практики в пике срывается в самое пекло недр земли.

Бросив вопросительный взгляд на Пенни, Алек вспоминает, что даже будучи злым в то утро, на нее и на себя тоже, думал после отъезда, как они добрались. Пенни ведь боится машин, ещё авария эта недавно...

Ему должно было бы наплевать, а не было.

— Майк хороший мужик. Рукастый. — Не раздолбай и даже не алкаш. Один тоже. Жена завела роман с богатым туристом и свалила за лучшей жизнью, оставив бедолаге сына и кислое послевкусие. Что вам бабам надо, а?

Пенни все что-то болтала, летая по кухне вольной птицей. Алек любовался ей открыто, с лёгким туманом задумчивости в глазах. Вот ей, например, что надо? Вспомнились ее наивные разговоры про любовь и все вот это. Но на деле Лестер ещё не встречал женщин, согласных на рай в шалаше. Согласилась бы Пенни, вздумай он предложить бросить все это: магазин, друзей, красивую городскую жизнь. Ради глухой Ирландской непогоды, без горячей воды и магазинов, без кино и интернетов. Зато с ним. Да ну, конечно нет.

— Иногда приходится выезжать решать бумажные дела. Мы живём в бюрократическом мире, Пенни, — расплывчато отзывается он. И недавние горькие мысли оттеняют горечью тона эти слова, очень органично вписываясь в контекст.

— Ну что там? Сколько до готовности? — открыв холодильник, Алек просматривает оставшееся вино, рассчитывая, что друг этот прикупил не только в паэлью, но и к ней тоже. Найдя, что искал, разливает по бокалом холодное Вердехо. Сухое, с цитрусовым послевкусием. Хороший вкус у этого друга, чего уж.

Протянув Пенни бокал, любуется ее небрежной прической, простым нарядом, без присущего красивым женщинам пафоса и кричащей сексуальности. Ее притягательность в том и была. Ей не нужно было всех этих уловок, чтобы от одного взгляда на нее мышцы сводило томительным напряжением. Простая, непосредственная и открытая миру. Поразительно для женщины 30 лет. К этому времени уже обычно успеваешь распробовать все сомнительные прелести взрослой жизни и вот этот весёлый блеск сереет, отполированный пережитым. А она такая чистая и искренняя. Будто никакой херни в ее жизни и не случилось.

ПЕННИ

Не сказать, что Пенни чувствовала себя слишком расслабленной, ей нравилось присутствие Алека рядом, но в то же время немного напрягал его загруженный вид. Мужчина будто то и дело уходил в себя, вспоминая что-то или размышляя над чем-то. Она прямо таки боролась с любопытством. Вот теперь это точно было любопытство — спрашивать “А что ты тут делаешь?” было немного неэтично и Алек красиво ушел от прямого ответа.

Нечего совать нос в чужие дела, Льюис.

Кажется, она даже покраснела. Что ж, в этот раз он хотя бы не вышел из себя. Уже лучше. Всё же Пенни решила, что пора прекращать эти неудобные вопросы и попытаться просто приятно провести время.

Вид и движения Алека её завораживали. Она опять ловила себя на том, что рассматривает его. О, конечно она не забыла, как он прекрасен без рубашки. Скорее, она почти забыла как он привлекателен в ней. Руки его быстро справились с бутылкой какого-то вина. Наверняка, Алек в них разобрался. Во всяком случае, он выглядел так, будто разбирается абсолютно во всём. Льюис снова поймала себя на мысли, что ей бы хотелось узнать, а есть ли что-то, в чем Алек не разбирается? Вот с танцами у него всё плохо. И вообще, как он расслабляется? Умеет ли радоваться? Как ребенок. Говорят, что мужчины как дети... Но суровый вид Лестера никак с этим высказыванием не вязался. Ей стало интересно, умеет ли он, скажем, змея воздушного запускать? Может ли она его представить таким беззаботным? Почему-то ей казалось, что запустить змея, может только очень веселый и свободный человек. Алек ей таким не казался... Он выглядел слишком серьезным, зажатым, отгородившимся от всего мира. Пенни понимала почему так. Ей было горько, а еще стыдно. Стыдно, что она вела себя так в их прошлую встречу.

Пенни приняла бокал с вином из рук Алека и снова залилась краской поймав на себе его взгляд. И чего она перед ним так робеет? Он ведь видел её всю. Но всё же взгляд его будто ощущался на теле. Он скользим по волосам, по её лицу, шее, груди, переходил к талии и бедрам. Но, как ни странно, в этом не было ничего похотливого. Он будто поглаживал её вот так на расстоянии. Нежно. Хотя, может это всё её личные выдумки и он с БОльшей охотой уволок бы её в спальню, чем болтал о жизни на кухне.

Пенни вздохнула и посмотрела на часы.

— У нас есть еще минут двадцать, — с этими словами она заметила маленький огонек в окне и ей в голову пришла совершенно безумная мысль. То есть, то, что она хотела сделать, было вполне привычным, но вовлечь в это Алека... Хмм...

Оценивающим взглядом Пенни быстро пробежалась по фигуре мужчины. Интересно, ему при встрече девчонки не присвистывают? Это ж надо быть таким привлекательным!

Пенни поставила нетронутый бокал с вином на стол и подошла к Лестеру. Она протянула ему руку сначала скромно, будто опасаясь — да черт возьми! Не убьет же он её за это! — затем довольно уверенно взяла его ладонь и потянула за собой.

— Хочешь, что-то покажу? — она улыбнулась и не дожидаясь ответа бодрым шагом направлялась к выходу из квартиры, по пути прихватив его куртку со стула, — возьми, это тебе пригодится, — Льюис обернулась, и не расцепляя рук вручила Алеку его куртку.

Пенни было очень приятно ощущать тепло руки Алека в своей ладони. Она закусывала губу, чтобы не улыбаться, как дурная, пока шагала к двери. Льюис обулась и взяла себе тоже куртку.

— Только тс-с-с-с, — перед тем как открыть дверь, Пенни резко повернулась лицом к Алеку и приставила палец к своим губам, — миссис Джонс с шестого этажа не любит, когда шумят.

Она всё так же не отпускала руки Алека и тянула его вверх по лестнице, смотря в окна подъезда, боясь опоздать. На шестом этаже была небольшая лестница, которая вела на крышу. Пенни еще раз взглянула на Алека.

— Давай! Отказы не принимаются. Мы лезем на крышу. Представь, что тебе шестнадцать, — Льюис шептала и задорно улыбалась. Она бы очень хотела, чтобы её настроение передалось и Алеку тоже. Не помешало бы ему немного расслабиться. А тс сидит в своем лесу, кроме чудесных деревьев ничего и не видит.

Пенни первая взялась за металлические перекладины свисающей с потолка лестницы и забралась к люку. Стараясь не шуметь, она открыла дверцу люка и ловко пробралась на крышу.

— Смотри, — когда Алек поднялся тоже, она подошла к нему и указала пальцем на крышу дома напротив, — этого мальчика зовут Нил. А рядом с ним его отец — мистер Уинник, — Пенни куталась в своей куртке и прижалась к плечу Алека, указывая на силуэты, — а там, — Пенни указала на крышу рядом стоящего дома, — это Одри. Эти двое учатся в одном классе. Их окна находятся напротив, и примерно раз в неделю Нил подает сигнал фонариком в окно Одри, чтобы та смотрела на небо. Раньше Одри не выходила на крышу и наблюдала из окна, но теперь они с отцом поднимаются. Её отец стоит вон там, чуть поодаль. Видимо, чтобы не смущать этих двух романтиков, — Пенни хихикнула и взяла за руку Алека, переплетая пальцы. Ей показалось, что они горячие, тогда как её руки превратились в ледышки.

В тот же миг яркая вспышка осветила крышу дома напротив и резко поднялась вверх.

Мягкий хлопок, почти неслышимый, а за ним шелест раздался в воздухе и посыпались разноцветные искры. Затем еще три таких же. Хотя и зрелище не такое захватывающее, как новогодние фейерверки Лондона, но Пенни нравилась сама атмосфера. Романтика ведь чистой воды. Она чувствовала как по телу бегут мурашки и не решалась отпустить руку Алека, потому что боялась, что её унесет с этой крыши той легкостью, что она ощущала сейчас в себе.

Давно такого не было.

Когда с Риком, еще в детстве, они тайком пробирались сюда, она точно помнит ощущения. То была радость и ощущение свободы. А в крови гулял адреналин, ведь если бы кто-то из взрослых это увидел, то на дверце люка появился бы замок. Пенни помнит, когда миссис Джонс, что жила на шестом этаже как раз рядом с лестницей, однажды поймала двенадцатилетних Пенни и Ричарда, крадущихся вверх. Ох и скандал был. И отец Пенни даже повесил замок. Но через пару недель замок исчез и путь на крышу снова оказался открытым.

Теперь Ричард и его семья давно уже не живут в этом доме, но сам Рик часто бывает у Пенни и периодически они тревожат миссис Джонс своими перешептываниями, а иногда и откровенным смехом. Только вот миссис Джонс теперь сильно постарела. А им самим уже не по двенадцать.

А теперь Пенни чувствовала ту же детскую легкость и озорство, находясь на крыше рядом с Алеком. С этим серьезным взрослым мужчиной. Насколько он был старше её? Лет на десять? Или просто так выглядел, под тяжестью всего, что ему пришлось вынести. Она еще крепче сжала руку Алека. От воспоминаний о статьях ей стало больно. Она повернулась к нему лицом и заглянула в глаза. Удалось ли ей хоть немножко заставить его почувствовать себя мальчишкой-подростком? В его глазах отражались огоньки фейерверка. Ему нравится! Или так казалось? Или так хотелось?

Пенни снова охватило желание обнять его. Почему он вызывал столько нежности в ней?

— Я рада, что ты здесь, — проговорила Пенни почти шепотом, приближаясь к Алеку и пропуская руки под его куртку, — “здесь” в смысле, рядом со мной. Рада, что ты зашел, — там под его курткой было тепло и она спрятала пальцы в кулаки, чтобы не заморозить Алека своими ледяными пальцами. Теперь на нем не было галстука и верхняя пуговица рубашки была расстегнута. Пенни прижалась носом к его шее и поняла, что и нос её тоже почти ледышка. Боковым зрением она заметила, что Нила уже не было, значит больше на крыше им делать нечего.

Или...

— Знаешь, двое, которые так вот жмутся друг к другу непременно должны поцеловаться, — она подняла голову и посмотрела на Алека. Она хотела этого. Было бы безумно приятно снова ощутить прикосновения его губ. Она... соскучилась, да.

— Но... — после ужина...

Ужин!

— Ужин! — она резко отстранилась от Алека и рванула к люку.

Со скоростью света она пронеслась по ступенькам вниз, к своей квартире и залетела внутрь с облегчением отметив, что квартиру не заволокло дымом. Дыма вообще не было никакого. Но запах... Запах подгоревших овощей, рыбы и просто чего-то горелого сразу ударил в нос. Сколько их не было? Казалось ведь не так уж и много времени прошло!

Тихо ругаясь вперемишку и на испанском и на английском, Пенни подлетела к плите.

Вся жидкость в сковороде испарилась или впиталась в рис. И судя по всему, это произошло уже давно, потому что на дне сковороды виднелись почти черные креветки и потемневший рис. И как она могла забыть?!

— Мы остались без ужина, *mi querido*, — Пенни погасила огонь и отошла к окну, по пути прихватив бокал вина. Она оперлась ягодицами о подоконник и старалась не смотреть на Алека, чтобы не разрыдаться, если увидит на его лице усмешку.

— Вот поэтому я до сих пор одна. Я ни на что не гожусь. — Пенни сделала большой глоток из бокала, чтобы проглотить ком в горле и попытаться не разрыдаться.